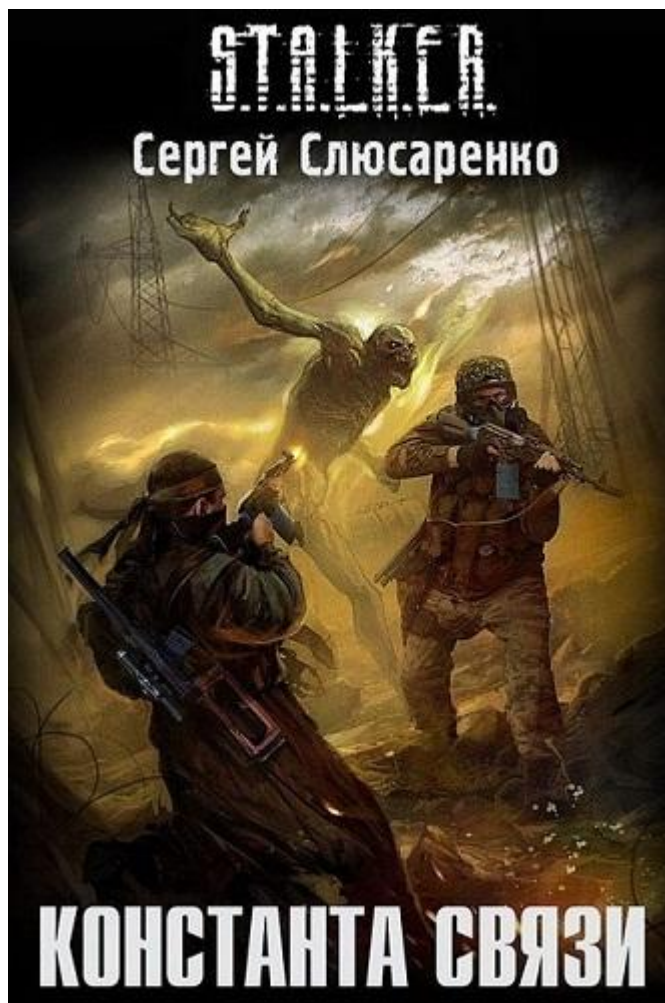

Сергей Слюсаренко
Константа связи

S.T.A.L.K.E.R. – 59

Аннотация:

После катастрофического завершения операции «Золотая сфера» у руководителя группы «Табигон» Вадима Малахова наступили тяжелые времена. Группа расформирована, ему самому приходится скрываться в другом городе под чужим именем. Вадим работает частным детективом. Но Малахов ни на секунду не забывает о том, что должен найти причины провала предыдущей операции. В процессе расследования одного из дел он находит документы, которые могут помочь ему восстановить свое доброе имя. Но для этого надо опять идти в Зону. Идти самому, без группы, без техники, без поддержки центра.

Сергей Слюсаренко
Константа связи

Личное дело номер 014.

Совершенно секретно. Только для чтения.

Хранить вечно.

Заполнять ТОЛЬКО от руки.

Уровень допуска — ноль.

Имя: Вадим Иванович Малахов.

Дата рождения: 17.05.1975.

Социальное происхождение: служащий.

Позывной: Тираторе.

Специальность: стрелок-радист.

Звание: открытое — капитан, пенсионное — генерал-лейтенант.

Образование: высшее, кандидат психологических наук; специальность: «военная психология»; тема диссертационной работы: «Психология ближнего боя с применением классифицированных стрелковых средств». Защищена на сессии закрытого ученого совета Института военной психологии 19 апреля 2000 г. Результаты голосования — негативные. Звание присвоено решением Председателя ВАК.

Время привлечения в группу «Табигон» — 12 апреля 1995.

Участие в операциях группы «Табигон»:

1996 — «Таблетка Бога».

1997 — «Непрерывные молнии».

1999 — «Свердловское НЛО».

1999 — «Оптовый рынок».

2001 — операция «09.11».

После операции 2001 года подал заявление о выходе из группы. Переведен в неактивный состав. Восстановлен в активном составе в 2002 году.

2012 — операция «Золотая сфера».

В 2012 году приговорен особым трибуналом ОБСЕ к смертной казни. Казнь приведена в исполнение немедленно с трансляцией в прямом эфире.

Перемещен под защиту программы «Скрытая личность».

Место постоянного проживания под прикрытием — Киев.

Награды:

1995 — отличник Российской армии.

1996 — медаль «За отвагу».

1997 — Герой России.

1998 — орден Андрея Первозванного.

1999 — дважды Герой России (согласно закрытому указу Президента России).

2001 — Почетная грамота Президента России.

2001 — орден Пурпурного сердца (США), орден Почетного Легиона (Франция), «За заслуги перед отечеством» первой степени.

В настоящее время выведен из активного состава.

Приложение:

1. Характеристика руководителя группы «Табигон» Малахова Вадима Михайловича.

Малахов В. М., позывной «Тираторе», в группе «Табигон» с 1984 года. С первых дней работы в группе проявил себя как грамотный специалист и хороший товарищ. В активных операциях проявлял себя с лучшей стороны. Отличался высокими морально-политическими качествами. Холост. Воспитывает сына 2008 года рождения. Хороший семьянин. Принимал активное участие в общественной жизни группы и художественной самодеятельности. Группа считает, что Вадим Малахов достоин того, чтобы коллектив взял его на поруки.

Малахов В. М. может быть допущен к активной работе.

— Утверждено на профсоюзном собрании группы «Табигон» Центра исследования аномальных явлений.

Председатель профсоюзной ячейки, инструктор боевого вождения

Клавдия Мироновна Моисейчик

2. Приказ Верховного Главнокомандующего (выписка)

Перевести Малахова В. М. на работу в подотчетные структуры.

Из состава службы не выводить. Объявить благодарность за отличную службу. По достижении пенсионного возраста обеспечить проживание под прикрытием.

3. Заявление Исаевой (Малаховой) Ольги Сергеевны.

Прошу считать мой брак с гражданином Малаховым В. М. недействительным в связи с открывшимися обстоятельствами. Ходатайствую о сохранении за мной служебной жилплощади, полученной во время брака.

Исаева, О. С. 12.12.2012

Резолюция: удовлетворить. Выделить жилплощадь социального типа. Личные вещи Малахова В. М. изъять.

Генерал... далее неразборчиво.

Глава первая

*Мелькай, мелькай по сторонам, народ,
я двигаюсь, и, кажется отрадно,
что, как Улисс, гоню себя вперед,
но двигаюсь по-прежнему обратно.
Так человека встречного лови
и все тверди в искусственном порыве:
от нынешней до будущей любви
живи добрей, страдай неприхотливей.*

И. Бродский

Капля словно сомневалась, упасть ли ей из пластиковой трубочки вниз, или вернуться назад в трубку. Эта нерешительность вызывала у Малахова раздражение и подсознательное напряжение. Вадиму казалось: еще секунда — и сведет мышцы на ступне от такого ожидания. А эта зараза все не решится выползти наружу.

«И вообще, — подумал Малахов, — что это за капля? Что за трубки?»

Вадим осмотрелся насколько мог и увидел, что рядом с ним стоит железный штатив, в котором закреплена бутылка с жидкостью.

«Да ладно, не надо уговаривать самого себя, что все в порядке, — решил Вадим, — это же капельница перед глазами. Вот поэтому и такое мерзкое ощущение в локте. Игла торчит в вене. Ну конечно, больница. С пьянящим запахом эфира, приглушенными шорохами пациентов в коридоре, ароматом несвежего борща из столовой. И тусклым светом из окон».

И сразу все стало ясно. Борт грузовика, удар затылком об асфальт. События недавнего прошлого всплыли внезапно, словно в памяти прорвалась плотина. И почему-то комок подступил к горлу. Как когда-то в детстве, когда Вадима уличили в краже конфет, предназначенных для гостей.

За больничной дверью слышались шаги. Судя по всему, это врач. Больные — они все шаркают шлепанцами. А этот топает, не стесняясь. Очень хотелось, чтобы он зашел именно сюда. Вадим уже понял, что палата с крашенными зеленой краской стенами, туманными от вековой грязи окнами не имеет никакого отношения к госпиталю Центра, где за каждую пылинку уборщиц гоняют как сидоровых коз. А в палату действительно вошел врач.

— О, вижу, вы уже вполне! — произнес молодой человек в белом халате. Был он жизнерадостен и лыс.

— Да, я всегда вполне, — не задумываясь, ответил Малахов. — А скажите, доктор, когда мне можно домой?

— Я не доктор, я врач. Ваш лечащий врач. — Видно было, что парень не настроен серьезно. Это хороший симптом. У постели умирающего не улыбаются во всю пасть. — Вот мы сейчас узнаем, как вы себя чувствуете, и решим с вашей выпиской.

— А как я себя чувствую? — В голове у Вадима была полная неразбериха. — Вот капельница, это вы мне что, морфий вводите?

— Ну... морфий не морфий, а глюкозу точно. Вы же второй день не ели, надо вас как-то поддержать.

— Второй день? — Малахов делано изумился.

— А вы что, ничего не помните? — На лице врача появилось выражение настороженности.

— Помню все, конечно, — быстро ответил Вадим. — Задний борт грузовика, удар затылком об асфальт. Потом тут. Тошнило сильно.

— У вас замечательные друзья. — Врач сделал ударение на слове «замечательные». — Они вас привезли сюда среди ночи, договорились с дежурным врачом, устроили все просто прекрасно. И лекарства купили необходимые.

Про тошноту Вадим сказал неправду. Пусть думают, что сотрясение мозга.

С таким диагнозом вроде бы в больнице держат всего пару дней. Малахову было совершенно наплевать на сотрясение, на врача, хоть он и казался парнем симпатичным. Вадим хотел определенности. Во-первых, убраться отсюда. Он не любил больниц, хоть там добрые санитарки, умные медсестры, жизнерадостные врачи и мудрые профессора. Но все это, как компьютерная игра. Засосет, не вырвешься и останешься в ней навсегда. А во-вторых, он хотел понять многое из того, что пока противоречило естественному ходу вещей. Например, почему он оказался в этой немытой больнице, почему до сих пор вокруг него не толпится высшее начальство, так любящее свежие отчеты по окончании операции. В общем — хотелось наружу.

— Мы сейчас вас осмотрим, потом будем решать, не возражаете? — Наверное, врачу также было неинтересно возиться с пациентом. — Кстати, вы флюорографию когда последний раз делали?

— Это кстати? Я последний раз не делал флюорографию никогда. У меня аллергия на радиацию, — ответил Вадим, скорбно склонив голову набок.

— Это плохо, без флюорографии мы не можем сделать весь комплекс анализов. Мы вам выпишем направление. — На лице врача появилось глубочайшее сожаление, словно начал терять пациента на реанимационном столе.

— А нет у вас коммерческой службы анализов? — задал наводящий, спасительный вопрос Вадим.

— Конечно, есть. Но это дорого. Шестьдесят рублей. — Ситуация немедленно прояснилась, и забрезжил луч надежды для пациента.

— А чтобы не сдавать? — добавил оптимизма Вадим.

— Вы хотите, чтобы мы фальсифицировали анализы? — почти искренне возмутился медик.

— Да, — быстро ответил Вадим.

— Семьдесят. — Пациент был спасен.

— А если анализы есть, уже можно домой? — Малахов спешил.

— А вас больше не тошнит? — Парень продолжал эту странную игру совершенно спокойно и без дурацких комплексов.

— Да не тошнит, не тошнит, — закивал Вадим.

— А вам бюллетень на сколько дней нужен? — осторожно, чтобы не спугнуть, спросил врач.

— Да не нужен он мне вообще, — пожал плечами Малахов.

— Как не нужен? — Вадиму показалось, что у врача сейчас решилась куча проблем. — Вы что, просто выписаться хотите? Может, вам и не надо травмы снимать? Побои от грузовика?

— Ни боже ж мой! — замахал рукой в деланом ужасе Малахов.

— Так о чем мы тут вообще? Полежите часик, потом на вахте выписку возьмете. — Врач поднялся с края постели и направился к выходу.

— А как анализы?

— Ну, вы совсем плохо о нас думаете. Какие анализы? — Врач остановился уже у самой двери и вернулся к постели больного. И вправду, этот парень оказался очень симпатичным. — Идите к себе домой, если точно не тошнит. А точно не тошнит?

— Да я прекрасно себя чувствую.

— Ну, тогда до встречи! — Доктор похлопал Вадима по ноге.

— Ну, нет! Не сглазьте! Уж лучше вы к нам!

— К вам? А куда? — забеспокоился врач.

— Да это так, фигура речи, я в одном НИИ работаю, — нашелся Малахов. — Приходите, если вдруг что!

— Нет, я думаю, что все-таки лучше к нам, чем к вам, упаси Бог. — Парень усмехнулся, как человек, понимающий все, и вышел из палаты.

Одежду Вадим нашел в шкафу напротив больничной койки. Джинсы, футболка. Бумажник в заднем кармане джинсов с семьюдесятью рублями. Привычная одежда. Ну, почти привычная, только точно не его. Паспорт. На имя Вадима Петровича Селезнева с фотографией Малахова. Уже что-то, маленькая подсказка. Подсказка не болтать.

Поговорив о погоде с девочкой за стойкой регистратуры и расплатившись, он наконец оказался на свободе. Только здесь, вне стен больничного корпуса, Малахов понял, что совершенно не понимает, где находится. Не просто незнакомая улица, а даже город неузнаваем. Город, заполненный чужими звуками, чужими запахами и неуловимо чужой архитектурой. Обочины уходящей направо вверх улицы забиты сугробами снега. Снег слежавшийся, утрамбованный. Никак не вяжется с теплой осенью, которая была всего два дня назад, если, конечно, верить врачу.

— Вадим! Давай сюда! — раздался знакомый голос.

Из припаркованной недалеко от больничного корпуса «Волги» Малахова окликнул Лазненко.

— Николай Петрович! — обрадовался Вадим. Насколько он вообще мог сейчас обрадоваться. Он никак не ожидал увидеть здесь генерала.

— Значит, так, Вадим, ты сам понимаешь, у нас непростая ситуация. — Лазненко медленно ввел машину вверх по улице, вымощенной булыжником.

— У нас? Мне казалось, что непростая ситуация у меня и моей группы. С учетом того, что я потерял человека, это даже не ситуация, а черт знает что, — мрачно произнес Малахов.

— Не спеши с умозаключениями. — Лазненко мельком глянул на Вадима. — Ты просто не знаешь некоторых деталей.

— А именно? — Малахов повернул голову к Лазненко.

— Вот посмотри. — Лазненко включил видеосистему на передней панели машины.

На экране шла запись с камеры Малахова, фиксирующая с убийственной правдивостью все то, что должен был видеть сам Вадим.

Вадим словно вернулся в Зону на несколько дней или месяцев назад, что сейчас было совершенно не важно.

Мелькали серые, обшарпанные стены здания, время от времени камера показывала беглую панораму. Вадим двигался хоть и быстро, но осторожно, постоянно контролируя обстановку. Вот показалась полусгнившая надпись: ДК «Энергетик». Разбитые ступени, сумрак первого этажа. Потом раздался голос:

— Я эту Зону кровью умою! — Голос был отрывистый и злой. Но это был голос Малахова.

Взбежав по лестнице на второй этаж, Малахов развернулся налево и, обойдя концертный зал, вышел в холл с чередой дверей. Ударом ноги была выбита дверь. В комнате у дальней стенки сидел старик в инвалидном кресле.

— Что случилось, молодой человек?

Старик с трудом развернул свое кресло на колесах и, улыбаясь, медленно двинулся к Малахову, аккуратно объезжая стулья, стоящие посредине комнаты.

— Заходите, у меня как раз чай поспел, — гостеприимно предложил он.

Но Вадим медленно поднял свой автомат и, ничего не говоря, выстрелом разнес несчастному инвалиду голову. В следующей комнате оказалась пара молодых людей, они спали, когда ворвался Малахов. Юноша попытался заслонить собой свою спутницу, но Вадим ударом приклада свалил его на пол. Одним движением руки Малахов приковал юношу наручниками к батарее. Потом резко сдернул одеяло с девушки, она пыталась прикрыться руками, но это только развеселило нападавшего. С хохотом Малахов медленно отрезал грудь девушке, не обращая внимания на ее крики, а потом тяжелые стоны, и, напившись видом текущей крови, убил обоих. Так, сея страшную смерть, он двигался по коридору. В предпоследней комнате оказалась женщина, рядом с ней стоял и держался за юбку ребенок двух лет. Когда женщина упала на пол с простреленной головой, ребенок закричал «Мама, мама!». Удар ботинка оборвал детский крик.

— Ну и? — Казалось, ролик не произвел на Вадима никакого впечатления. — Что еще в сети повесили любители нелинейного монтажа и асы моделинга?

— Ты будешь смеяться, но вот этот ролик шел в прямом эфире в то время, когда ты штурмовал этот самый дом культуры. Кто-то перехватил сигнал и запустил его в трансляцию на основных информационных каналах телевидения. СНН, 5-й канал, ну и прочие любители политзаказухи.

— Как транслировалось? — остоленел Вадим.

— С твоего коммуникатора. Повторяю, кто-то перехватил частоту и пустил в коммерческий канал.

— Как так?.. — начал Вадим и замолчал.

— И еще. Ольга от тебя ушла, потребовав от нас заочного развода.

Вадим уставился в лобовое стекло «Волги», словно пытаясь пересчитать на нем пылинки.

— Жаль, что вы не добавили «вот кстати». Что еще?

— Остальное — мелочи. Тебя сегодня утром приговорили к смертной казни за преступление перед человечеством. Казнь будут транслировать, — Лазненко глянул на часы, — через двенадцать минут. Из Центра ты официально уволен с лишением всех званий и регалий. Группа распущена и находится под следствием.

— Может, и вправду мне было лучше не отскакивать от того борта? — задумчиво спросил Вадим.

— Вот что хорошо — так это то, что ты первый за последние шестьдесят лет, кого будут казнить публично. И последнее. Ты не убил никого. Никого, кто бы этого не заслуживал. Нас подставили. Но это уже другая история, — закончил Лазненко. — Только об этом никто, кроме тебя и меня, не должен знать... Пока не разберемся, кто же, вернее, что за организация нам это устроила. Так что давай начнем с отмены угрызений.

— Да, действительно, это просто замечательно, — с сарказмом ответил Вадим. — А Ольга?

— Если она не верила тебе, то зачем что-то доказывать? Можно подумать, что ты сильно сожалеешь. Все и так к этому шло.

— А что ребята знают? — Вадим смотрел в лобовое стекло машины, уже не считая пылинки и не стараясь разглядеть улицу. Ему все окружающее казалось далеким и не важным.

— Для твоей группы — ты тоже погиб. Но они знают, что этот ролик — чудовищная ложь.

— Вы думаете, я вам верю?

— Раньше верил? — Генерал спокойно и строго посмотрел Малахову прямо в глаза.

— В общем, да. Как правило. Только лично вам.

— А что поменялось? — совершенно безразличным голосом спросил Лазненко.

— Ничего. Но то, что произошло со мной, не выглядит розыгрышем или иллюзией. — Малахов никак не хотел окончить этот разговор. Он словно нарочно старался обратить его в конфликт, в спор, в ругань, только не превращать в простую светскую беседу.

— Верить мне ты должен. Именно теперь. Сейчас едем на твою новую квартиру. Там я тебе расскажу, как ты будешь жить дальше. — Лазненко сохранял невозмутимость школьного учителя географии.

— А казнь посмотреть можно? Редко кому приходится видеть репетицию собственной смерти, — поинтересовался Малахов.

— Успокойся, наши моделлеры тоже знают толк в своем деле, так что...

— А где мы? — Вадим смотрел на незнакомые улицы за окном машины.

— Киев. Так надо. — Лазненко не был расположен обсуждать этот вопрос.

Какое-то время они ехали молча.

Квартира, в которую должен был переселиться Малахов, поражала скромностью. Железная койка, шкаф из прессованного древесного волокна и кухня с газовой плитой и эмалированной мойкой. Словно в насмешку — чайник и алюминиевая кружка. Вадим при виде этого средоточия стоицизма хмыкнул, но на его хмыканье Лазненко отреагировал просто и категорично — «Скажи спасибо!». Малахов внимательно посмотрел на спинку кровати, у которой на месте одного из железных шариков была привинчена гайка, и подумал: «Хороший финал карьеры, даже шарик с кровати стырили».

— Ой, спасибо! — Вадим и не собирался изображать из себя покорную жертву обстоятельств. — Вы меня в мясорубку втянули, идиотом и садистом всему миру выставили, лишили всего, от жены до квартиры, и еще я «спасибо» должен говорить!

— Ну, за жену, наверное, должен. Мы тебя лишили массы негативных эмоций. А квартира на этой улице стоит таких денег, что тебе и не снилось.

— Что вы плетете! Я с ней восемь лет душа в душу, а вы... — искренне возмутился Вадим.

— Вот видишь. — Лазненко не очень вежливо, с сатанинскими нотками, засмеялся. — Ты даже не помнишь, сколько лет. Шесть с половиной. Да ты же от тоски женился! Нашел машинистку в штабе. Я сильно тогда в тебе разочаровался. Нельзя же жениться только потому, что принято жениться. Нашел себе... Ладно, захочешь, я ей лично все объясню...

— Не надо, — немедленно принял решение Вадим. — Ушла, так ушла. Вот только сын...

— Ну, уже легче. А про то, что произошло... — Генерал как-то странно задумался. У Вадима от такой паузы почему-то засосало под ложечкой. — Подожди немного, может быть, скоро ты скажешь спасибо искренне.

— По гроб жизни буду ноги мыть и воду пить. — Раздражение у Малахова не проходило.

— Так, капитан, прекратите дискуссию, — резко, без тени иронии, оборвал Лазненко. — Считайте себя при исполнении.

— Тогда давайте вводную, — сдался Вадим.

— Вот это разговор. Вводная: поступить на работу в частное детективное бюро «Зеленая проталина». Работать, особо не задумываясь над тем, что ты делаешь. Сидеть и не высовываться. Стиснуть зубы и молчать.

— Но хоть слово — что за силы встали у нас на пути? НАТО? ОБСЕ? Или сразу ЦРУ?

— Вадим, мы не знаем, кто стал у нас на пути. Или у кого на пути стали мы. — Лазненко как-то сразу обмяк. — Уж точно не эти структуры. Мы бы с ними за минуту договорились. Это кто-то, о существовании которого мы не догадывались. Или боялись догадываться.

— Тайное мировое правительство? Сионские мудрецы? — Малахов говорил со злым сарказмом. — Или нет, эти, как их... О! Масоны! Жидо-масоны!

— Боюсь, что все эти клубы по интересам, которые ты упомянул, только жалкое подобие той организации, которой мы почему-то наступили на мозоль. И еще мне кажется, что кто-то очень целенаправленно отсекал нас от какой-либо информации об этой... э-э-э...

структуре. Мы будем работать над этим. Но ты сейчас — забудь. Аналитика — не твой профиль. Ты оперативник, и твоя оперативная задача — сидеть и не высовываться. Настолько не высовываться, что даже на связь со мной ты выйти не сможешь.

— А эта контора детективная, как ее, «Голубая устрица», она ваша? — кисло усмехнулся Малахов.

— Не ерничай, «Зеленая проталина». Обычное агентство. Слежка за неверными женами, поиск сбежавших на курорт богатых отпрысков. Никакого отношения к нам не имеет. Их крышует человек, у которого близкие родственники работают в аффилированных структурах. Ты просто человек, которого туда берут по протекции. Так что будь добр — оправдай доверие.

— Да уж постараюсь... Буду снимать домашнее порно японским телеобъективом, — изображая радость, сказал Вадим. Потом неожиданно спросил: — А что с Тимуром?

— С ним ничего плохого. Он прекрасно освоился в Зоне. Но пока мы не можем его вытащить. Против вируса не найдено никаких средств. Впрочем, кажется, он и не собирается оттуда уходить, — ответил Лазненко так, словно его мало волновала судьба Тимура.

— И последнее, какое сегодня число? — как бы между прочим в завершение беседы спросил Малахов.

— 14 января 2013 года. Планета Земля.

— Ясно, — мрачно заключил Вадим. — Почти три месяца вы у меня из жизни украли. То-то так мышцы болят.

— Ты еще пожалуйся, что мы у тебя пятнадцать минут казни заныкали. Ладно, бывай. Адрес своего агентства найдешь в блокноте в тумбочке. До встречи.

Глава вторая

*И жизнь уходит в переулки,
как обедневшая семья,
дворов открытые шкатулки
хранят следы небытия.
Войди в подъезд неосвященный
и вытри слезы и опять
смотри, смотри, как возмущенный
Борей все гонит воды вспять.*

И. Бродский

Офис частного детективного агентства «Зеленая проталина» находился в пяти минутах ходьбы от дома, где поселили Малахова. Это было очень удобно, и, кроме того, Вадим себе смутно представлял, что смог бы ездить на работу через весь город. Тут начальство, видимо, проявило заботу. Впрочем, офисом назвать маленькую комнатку в подвале старого, сталинских времен дома было трудно. В помещении, все убранство которого состояло из трех старых письменных столов, железных конторских шкафов, древнего компьютера и неистребимого запаха сургуча, нового сотрудника встретил немолодой мужчина, представившийся Сизовым, и без всяких разговоров ввел Малахова в курс дела. Впрочем, для Сизова Вадим был, естественно, Селезневым. У Вадима даже промелькнула мысль, что в Центре фальшивые фамилии назначают по словарю.

Занималась контора в основном, как и говорил генерал, делами гражданскими — разводами и супружескими изменами. Правда, иногда попадались дела уголовные, обычно связанные с малым торговым бизнесом, когда по каким-то причинам коммерсанты не хотели обращаться в официальные органы. Это были и хищения незарегистрированного товара, и простые рэкетирские наезды, тут нужно было просто найти, откуда растут ноги у шантажистов, ну и прочие, совершенно серые и безликие дела. Кроме того, иногда

поступали заказы, связанные с пропажей людей, но они обычно не принимались, так как можно было затронуть сферу интересов следователей из официальных органов.

Первое же дело Малахова было о хищении у коммерсанта Скотовводникова штуки дорогого трикотажа, совершенное среди бела дня в его магазинчике на одном из городских базаров. Дело, состоявшее из путаного заявления Скотовводникова и адреса магазина, Сизов вручил Малахову, добавив, что в офисе сотрудники практически не работают, так как у каждого есть собственный мощный компьютер, интернет, да и вообще, как можно заниматься оперативным сыском, хотя бы и частным, в кабинете. В душе тяжело вздохнув, Малахов отправился домой.

Так начался первый день его вынужденной ссылки и вынужденной, совершенно ему неинтересной работы. За первым делом последовало второе, потом третье, которое принесло неплохой гонорар — речь шла о бракоразводном процессе одного бизнесмена. Но чем дальше Малахов погружался в частный сыск, тем тоскливее ему становилось. Он даже подумывал малодушно, а не сбежать ли ему отсюда куда подальше. Но даже то, что работа была достаточно разнообразной, не помогало адаптироваться в новых условиях, и жизнь казалась Вадиму сплошной чередой нерезких черно-белых фотографий. Утро. Чашка кофе, умыться, в офис или по адресу, связанному с очередным заказом. Обед в первой попавшейся забегаловке. Вечером домой, телевизор на пять минут и сон после стакана виски. Казалось, запах фастфуда, виски и утренней зубной пасты преследуют Малахова постоянно. В выходные становилось особенно тоскливо. Он как-то заметил, что в выходные дни он не произносит ни слова, в крайнем случае несколько фраз продавцу магазина. А еще пришлось обустроить быт, и это было сплошной пыткой. Пришлось купить стиральную машину, тот же телевизор, компьютер. Малахова эти обычные мелкие радости жизни просто бесили. Прикручивая сливной кран от стиралки, Вадим не выдержал и сам себе заорал: «Господи, чем я занимаюсь?!» Для него, человека, привыкшего к постоянному общению, к сложнейшим и, как ему казалось, очень важным делам, к друзьям, которые почти каждый день к нему приходили домой, одиночество было невыносимо. И еще невыносимей было то, что он потерял, он так сам себе и говорил — «потерял», сына. Однажды он остановился у магазина детских игрушек и чуть не расплакался от обиды. Так незаметно пришла быстрая киевская весна, город утонул в свежей зелени, и вот-вот должны были расцвести каштаны. Но лучше от этого не стало, скорее наоборот.

В субботу Вадима неожиданно вызвал Сизов, и через несколько минут они уже разговаривали на бульваре, недалеко от квартиры Малахова. Сизов, в прошлом сотрудник органов безопасности, о чем он сам как-то обмолвился, был человеком спокойным. Даже, может быть, слишком спокойным. Кроме того, он был педант до мозга костей. Вечно в одном и том же сером костюме с иголочки, Малахов даже подумал, что у шефа в шкафу штук десять одинаковых костюмов. Рубашка с расстегнутым воротом, без галстука, но всегда белоснежная и всегда немодная. Блеклые, светло-голубые глаза, почему-то рыжие ресницы и бесстрастный, даже скорее безэмоциональный голос.

— Видите ли, Вадим, у нас появился очень странный и необычный заказ. Учитывая ваш опыт и рекомендации с предыдущего места работы, я решил передать его вам. — Сизов говорил как на презентации бизнес-плана — убедительно и монотонно. — Правда, гонорара большого не ждите, но вот престиж нашего агентства может вырасти. И соответственно, мы выйдем на другой уровень клиентуры.

— В чем суть дела? — Малахов не интересовался особенно ни престижем «Проталины», ни новым уровнем клиентуры.

— Ну... — протянул Сизов, — вопрос связан с похищением и убийством одной девушки. Смерть крайне странная, и в итоге дело ушло в «глухарь». Но вот мать девочки никак не успокоится. Она утверждает, что все это каким-то образом связано с сыном Колохатенко.

— А Колохатенко — это кто? — Малахов не разбирался в фамилиях местной элиты Киева.

— Ну как! Это же бывший премьер-министр! Вы понимаете, какие силы тут могут быть задействованы? Определенно, официально никто такое расследовать не будет. — Малахов впервые увидел на лице Сизова выражение, отличное от безразличия.

— И что я должен делать? — Вадим принял вид исполнительного младшего офицера.

— Вот вам данные. — Сизов протянул Вадиму желтый пухлый конверт. — Сами решайте. Потом скажете, можем ли мы что-то сделать или нет, хорошо?

— Какие сроки? — спросил Малахов и пояснил: — Для принятия решения — берусь или нет.

— Ну, к вечеру приходите в офис, да?

— Хорошо. — Малахов мрачно кивнул и, попрощавшись, отправился домой с желтым конвертом под мышкой.

Дома, устроившись на громадном диване, который он немедленно, с первой же зарплаты, купил на смену железной кровати с гайкой, Вадим распечатал пакет и высыпал содержимое на велюровую обивку. Бумаги, фотографии, документы с печатями, ксероксы документов с печатями. Итак:

Лисицкая Арина Петровна, 17 лет, ученица выпускного класса средней школы. В марте месяце вышла из дома в 22.00 и не вернулась.

— Ну и семейка, дочка в десять часов на гульки уходит, и никто не обращает внимания, — пробормотал Малахов себе под нос, разглядывая фото девушки.

Далее. Труп Лисицкой был обнаружен на одной из заброшенных новостроек на окраине города. Причина смерти — полное обескровливание организма. Это заключение медиков, прибывших на место преступления. Заключение в деле отсутствует и упоминается только со слов матери погибшей девочки. Позднее, со слов матери потерпевшей, оно было изъято из дела и заменено на заключение патологоанатома центральной клиники. В новом заключении говорилось, что смерть наступила из-за переохлаждения, и, кроме того, в крови потерпевшей находилось достаточно большое количество алкоголя. Короче — девочка напилась и заснула. Далее в деле имелось заявление матери потерпевшей, Ядвиги Лисицкой. С трудом продираясь через дурацкий стиль повествования гражданки Лисицкой, Малахов прочел ее показания о том, что в последнее время дочка проводила много времени в одной молодежной группировке. Группировка, по ее словам, занималась странными делами и не верила в Бога. Ничего конкретного мать не смогла сказать, кроме того, что дочка украсила свою квартиру всякими сатанинскими знаками и носила черные одежды. И еще Арина как-то проговорила, что познакомилась на сходке (так написала мать) с самым сыном Колохатенко. Вот поэтому мать требует и просит настоящего расследования дела и не верит в естественную смерть дочери. Ну и, понятное дело, государству, а тем более государственному сыску, никто не доверяет.

— За дочкой надо было следить, а то кинулась теперь! — Малахова уж очень раздражала эта мамаша.

Потом Вадим долго рассматривал фотографии из конверта. Некрасивая девочка, еще живая. В черном до пят балахоне, черный лак на ногтях, черные тени вокруг глаз. А вот уже фото из анатомички. Интересно, как их добыли? Та же девочка, после смерти словно похорошевшая, на цинковом столе прозектора. Труп совсем не похож на замерзший. Насколько мог Малахов оценить это по фотографии. Крупным планом голова. Совершенно неинформативные фото. По внешнему виду точно понять причину смерти невозможно. Заключение патанатома. Малахова, уже знакомого с заключением, больше интересовала фамилия врача. Для гипотетической частной беседы.

После недолго раздумья Вадим понял, что дело берет. У него впервые за все время вынужденной ссылки появилось что-то вроде азарта. Причины этого азарта он объяснить не мог, да и не старался. Собрав документы, Вадим направился в офис для разговора с Сизовым.

Малахов не был большим специалистом по наружному наблюдению, но сразу догадался, что за ним возник «хвост». Машина, съехавшая с тротуара у его подъезда и медленно крадущаяся по пятам. Молодой человек безликой наружности, праздно идущий по

противоположной стороне улицы, но ни на шаг не отстающий и не опережающий Малахова. Слежка продолжилась до самого офиса. Уже из окна полуподвала Вадим заметил, как машина припарковалась напротив.

— Я берусь за дело. Но вот что делать с «хвостами»?

— А, они и за вами уже? — печально протянул Сизов. — За мной третий день, с того момента, как я с этой дамочкой встретился. Но я думаю, пока не стоит волноваться. Если что, если мы зайдем за запрещенную грань, нас предупредят из органов.

— А вы думаете, это органы?

— Ну а кто же еще? — Сизов удивился, что Вадим не понимает очевидного.

— Хорошо. Вы все данные мне передали? Если да, то мне в первую очередь хотелось бы поговорить с врачом, делавшим вскрытие. Я хотел бы начать расследование именно с этого. Можете мне пробить по вашим базам его адрес?

— Нет проблем, Вадим. — Сизов очень обрадовался, что Малахов берется за это невнятное дело.

На следующий день с адресом анатомички, где работал Мацонис Еремей Пейсахович, патологоанатом, составивший заключение о смерти Лисицкой, и с пакетом мусора Вадим вышел во двор. Выбросив пакет в контейнер для отходов, Малахов направился домой, но в последний момент резко развернулся и скрылся в ближайшей подворотне. Там, по лабиринтам киевских дворов, он легко оторвался от неловкого преследователя и через минуту спокойно шагал по Печерскому спуску в сторону улицы, на которой находился морг. Вековые тополя окружали маленькое здание постройки позапрошлого века. Стайка студентов, ожидающих доступа на практику, курила под молодыми изумрудными кронами. Найти патологоанатома не составило никакого труда, после того как в руки толстой вахтерши переключевала пятидесятирублевая купюра.

— И што вы от меня хотите, молодой человек? — Мацонис высунул носатую, в ореоле седых курчавых волос, выбивающихся из-под белой шапочки, голову в приоткрытую дверь своего кабинета, явно не желая впускать Малахова внутрь. — Я таки на сегодня уже никого не принимаю. У меня была длинная очередь, я всех принял, но вас там не стояло.

— Еремей Пейсахович, я по очень важному делу. — Малахов решительно вставил ногу в дверной проем и медленно, но уверенно приоткрыл дверь кабинета. — Кроме того, интересно, на вскрытие тоже очередь?

— К Мацонису у всех важные дела, — незлобно ругался врач. — Но ведь мои пациенты уже никуда не спешат, почему спешат все остальные кругом? И что, мне тоже теперь надо спешить?

— Ваше заключение? — Вадим протянул копию документа Мацонису, сразу переходя к делу.

— Ну, раз написано мое, так оно мое. Только не говорите мне, что это я подписывал. Это какая-то комедия, а не моя подпись. Откуда у вас эта филькина грамота? Вы кто такой? — Мацонис потерял бдительность и отпустил дверь. Она резко распахнулась.

— А вы не помните, что вы написали в том своем заключении? Ведь вы же делали вскрытие?

— Молодой человек, вы таки странный. Приходите и спрашиваете. Я что, помню все трупы, которые я вскрывал за свою жизнь? Нет, конечно, так было, что запомнить, но вот в этом случае я точно ничего не помню. Да и что за вопрос? Вы что, из органов или где? — Мацонис попытался опять закрыть дверь, но нога Малахова занимала уже стратегическую позицию, и ничего не вышло.

— Нет-нет, что вы. Я частное лицо. При оформлении документов по месту жительства требуют принести оригинал заключения о смерти, а у нас только копия. — Вадим неотвратимо проникал в кабинет.

— Ну, так вы странный. Заключение я сдал куда положено, и что я теперь могу? Вы бы шли туда, куда я сдал заключение, да и все. Зачем я вам нужен? Все что-то хотят от Мацониса, но никто его не ценит. — Врач отступил и стал нервно ходить взад-вперед вдоль своего стола.

— Скажите, а у вас ведется что-то вроде журнала, ну, лабораторного журнала, куда заносят результаты? Хотя бы кратко? — Вадим сделал движение пальцами, словно шелестел купюрой.

— Ну и? — Мацонис прекрасно понял, что от него хотят, но отчаянно прикидывался. Он хотел конкретики.

— Так, может, можно просто из журнала выписку сделать? На коммерческой основе, — сообразил Малахов.

— И что вы думаете? Я буду зарабатывать какие-то гроши на том, что делать повторные справки? Вы плохо меня знаете!

— Ну что вы, что вы! Я не хотел вас обидеть. Я имел в виду добровольный взнос на поддержание инвентаря или что у вас надо поддерживать? Пилы там... — Вадим выудил из кармана заранее припасенную купюру и как бы невзначай положил ее обратно.

— Ну, вы прямо и мертвого уговорите. Сидите и не выходите, я сейчас.

Мацонис быстро выбежал из кабинета и через минуту вернулся с толстой амбарной книгой. Он изучил копию заключения, которую принес Малахов, и долго листал книгу, глядя поверх своих минусовых очков, ища нужную дату.

— Ага, таки вот! А не эта глупость! Смерть наступила в результате сильной кровопотери. Вашей девочке просто кто-то устроил кровопускание. Вот она, современная молодежь. Вот вы, конечно, будете смеяться, но в наше время, вы понимаете, что я имею в виду, такого быть не могло. И не было!

— А как это случилось? — Вадим попытался заглянуть в книгу, но Мацонис отвел ее в сторону.

— Я что, следовательно вам? Написано — разрезаны вены на запястьях. Таки мне выписывать? Или вы что-то не то хотите?

— Да, спасибо. Вы выпишите, я зайду завтра и заберу. А пока вот. — Между страниц книги легла пятисотенная банкнота. Книга немедленно захлопнулась.

— А я таки вспомнил, — уже после прощания неожиданно произнес Мацонис. — Той бедной девочке еще артерию на шее проткнули в двух местах. Наверное, даже зубочисткой. Ну, это так, мои личные фантазии.

Через полчаса Вадим подходил к своему дому. У самого подъезда торчал все тот же автомобиль наблюдения.

— Эй, мужики, откройте. — Вадим постучал по окну со стороны водителя. Стекло нехотя поехало вниз. — Я что хочу сказать, я уже сегодня никуда не пойду, так что можете ехать домой, не стоит зря напрягаться.

Машина, визжа шинами, рванулась прочь, Малахов еле успел отскочить.

«Ну вот, послушные ребята», — удовлетворенно подумал Вадим и вошел в подъезд.

Глава третья

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.*

А. С. Пушкин

Вадим вошел в свою квартиру и сразу заметил на полу пакет. Это Сизов передал еще с десяток более детальных фото, подsunул под дверь. Изучение фотографий заняло у Вадима

около часа. И вправду, удалось найти одно фото, где на шее трупа были отчетливо видны две небольшие ранки, словно кто-то проткнул артерию жертвы чем-то острым. Впрочем, перерезанные вены на запястьях не оставляли никакой почвы для сомнений относительно причины смерти. Кроме того, на одном фото удалось обнаружить и следы от веревки на локтях. В общем, картина складывалась простая. Девушку связали, стали тыкать чем-то в сонную артерию, потом просто перерезали вены. Когда жертва умерла, следы крови тщательно вымыли, замаскировали порезы на запястьях и подбросили труп на заброшенную стройку. В общем — достаточно бредовый случай. Скорее всего какие-то ритуальные разборки в подростковых неформальных группировках.

После долгого разговора с Сизовым удалось выяснить адрес школы, где училась погибшая девочка, и примерный круг ее общения.

На этот раз уйти от слежки оказалось еще проще, чем вчера. Машины напротив подъезда не было. Молодой человек спортивной наружности сначала было пошел следом, но после того, как Малахов резко развернулся и двинулся ему навстречу, перешел на другую сторону улицы и скрылся. Вадим сделал очевидный вывод, что слежка была скорее демонстрацией силы и пристального внимания, а не реальным способом проследить за работой Малахова.

Занятия в 320-й школе Новобеличского района подходили к концу. Уже выскочили к монументу танкистам — башне танка Т-54 — стайки учеников младших классов, ожидая, когда их разберут родители, бабушки и няньки, стали появляться во дворе школы степенные старшеклассники. Малахов, спрятавшись за большой ивой, пахнувшей молодой зеленью, спокойно ждал своего часа. А вот появилась и та, с кем он хотел поговорить. Невысокая, коренастая девочка. Черные, крашенные дешевой краской, волосы. Прыщавое лицо, пирсинг в губе, брови и носу. Пирсинг хоть и был сделан давно, в силу то ли юношеского гормонального дисбаланса, то ли просто банальной нечистоплотности, привел к воспалению. На носу он выглядел как большой фурункул.

— Марина, можно тебя на полслова? — окликнул девочку Малахов.

Та лениво затушила сигарету о ближайшее дерево и так же лениво спросила:

— Чево надо, мужчина?

— Я хочу с вами поговорить о ваших друзьях, — попытался начать разумный диалог Малахов.

— Мужик, иди в жопу. — Девушка прибавила еще совсем грязное ругательство, сплюнула на землю и зашагала прочь.

Малахов, человек опытный в общении со сложными людьми, был просто ошеломлен потоком ненависти и неприязни со стороны девушки. Дождавшись, когда Марина выйдет за пределы школьного двора, Вадим стремительно зашагал вслед строптивой свидетельнице и, догнав ее, жестко взял за локоть.

— Марина, я хочу поговорить о смерти твоей подруги, — начал он, но тут девушка заорала совершенно безобразным образом. Она повалилась на землю, стала дергать руками и ногами, как эпилептик, при этом орать на всю округу: «Помогите, убивают, спасите!» Орала она так самоуверенно, так громко и нахально, что Малахов инстинктивно отскочил от девицы. На крики никто не обращал внимания. Подошел какой-то пацан цыганского вида, спокойно посмотрел на бьющуюся в деланой истерике Марину, повернулся к Малахову и попросил десять рублей за молчание. Но, увидев на лице Вадима искреннее желание дать в морду, неспешно ушел.

— Девочка, ты напрасно кричишь. Я ведь пришел только потому, что желаю тебе и твоим друзьям добра. Мне от тебя ничего не надо, я только хочу помочь. Давай просто поговорим, Марина. Хочешь закурить?

— Травку? — Без всякого перехода Марина заговорила совершенно нормально.

Она легко подскочила, отряхнула свой невероятный балахон и протянула руку, ожидая сигарету.

— Нет, я траву не курю и тебе не советую, — ответил Вадим и протянул ей пачку «Мальборо».

— Тоже мне, учитель. Ты не учи, лучше помоги материально. — Девушка заржала от собственной банальной шутки. Судя по всему, она поняла, что ничего плохого не произойдет, и успокоилась.

— Да, ради бога, кури на здоровье. Я просто хотел с тобой поговорить об Арине. — Малахов закурил. — Давай пойдем посидим, вон скамейка свободная во дворе.

Марина после первой глубокой затяжки полностью успокоилась и, ничего не говоря, направилась к скамейке. Там она устроилась поудобней, поерзав на заднице, всем видом показывая, что готова к разговору.

— Скажи, Марина, а почему ты так испугалась, когда я с тобой хотел побеседовать? Я что, такой страшный? — Вадим хотел расположить к себе девушку, он говорил мягким, вкрадчивым голосом, играя роль доверительного собеседника.

— А я думала, что вы из этих... А кстати, вы кто?

— Я частный детектив. Родители Арины просили выяснить некоторые детали ее гибели. Они уверены, что ее убили. — Вадим добавил в интонации нотки глубокой скорби.

— А документ есть? — Марина втянула неожиданную соплю.

— Да, пожалуйста. — Вадим достал служебное удостоверение, развернул его и дал в руки девушке.

— А тут написано, что вы консультант по приватным проблемам, — уныло протянула Марина, возюкая черным ногтем по удостоверению.

— Ну, понимаешь... Частный детектив — у нас нет такой профессии. Это только в кино и в книжках. А реально я занимаюсь тем, что помогаю людям решать всякие проблемы. Вот, например, такую, как эта.

— Не люблю я книжки читать, — заявила Марина. — Нет времени у меня на эту ерунду. Вот кино — это класс. Мы вчера с телками ходили на...

— Да, конечно, — мягко перебил ее Малахов. Про кино ему было неинтересно. — Ты сказала, что подумала, что я из этих... Из кого?

— Да приходили тут. Понтовитые такие. Говорили, что, если слово скажу, урют. Вот, руки крутили. — Марина сдвинула рукав балахона и показала лиловый синяк на запястье. — А я же ничего не знаю! Зачем они мне руки крутили?

— Наверное, хулиганы какие-то. А ты и вправду ничего не хочешь рассказать об Арине? Я не собираюсь у тебя никаких секретов выпытывать. Просто мне нужно понять, что она была за человек. Чем интересовалась, где бывала. — Вадим сделал жест рукой, словно пытался раскрутить красноречие девушки.

— Арина классная девка была! — Внезапно Марина, словно сбросив тревогу и оцепенение, начала вспоминать. — Ты шо, мы с ней же почти всю жизнь знакомы. В сад еще вместе ходили. Ох, мы там бандитки были! Зацени, как в старшей группе уже были, так нас уже и звали так — «Банда двух!». Вот тока у нее мамаша прикоцаная. Все хахалей меняла, вот Аринка почти все время у меня сидела, мои предки наманые, не гнали ее. А потом, она как с этим связалась, с Морой, так все пошло через... — Марина замаялась, кураж первых секунд встречи прошел, и она постеснялась использовать бранное слово. — Ну, плохо все пошло. Мора он же гот, ну ты понял. Ну мы с Ариной тоже в готы пошли. Сначала было прикольно, всякие там у них собрания, ритуалы. Нас посвятили даже. И шмотки у них такие клевые. Вот если не гот, так могут и наkostenить за готский прикид, а так сразу все знают, что мы свои, что нас не тронь!

— А Мора, это кто? — прервал ее Вадим.

— Ну, он типа с Ариной ходил, нормальный такой пацан, тихий. Но сильно на готов запал, ну и нас привел. — Марина увлеклась разговором, стала говорить свободней и даже раскраснелась, насколько это можно было рассмотреть сквозь толстый слой косметики.

— А с ним поговорить можно?

— Нет, нельзя, — отрицательно покачала головой девушка. — Он давно уже ушел куда-то. Он не с нашего раёна. — Марина погасила окурок и вопросительно посмотрела на Малахова.

— Ты что, одну за другой куришь?

— Да нет, я бы... Мужчина, у вас нет с собой пива или слабоалкоголки? — нагло и простодушно спросила Марина.

— Как-то не ношу. — Вадиму никак не хотелось спаивать несовершеннолетнюю. — Не привык.

— А червонец есть? Я метнусь. А то разговор такой, — ничуть не смутилась девушка, — за душу берет. Я как подумаю, так все внутри переворачивается, и говорить тяжело.

— Ага, а где я тебя потом найду? — усмехнулся Вадим и сразу понял, что совершил ошибку.

— Вы шо, не верите мне? — На лице у Марины появилось выражение оскорбленной невинности. Она даже сделала движение, словно собралась уходить.

— Нет, верю, верю, — поспешил ответить Малахов. — Но я бы очень хотел продолжить разговор о твоей подруге.

— А толку? Ну, поговорите, она что, воскреснет? — Марине не терпелось выпить.

— А узнать правду и наказать виновных — не имеет смысла? — Вадим посмотрел прямо в глаза собеседнице.

— Но я же ничего не знаю! — с истерикой ответила та.

— Ладно, на деньги и приходи. — Вадим понял, что дальше разговор может и не продолжиться.

— Тут много. — Марина взяла купюру и немедленно сунула ее в карман.

— Сдачи принесешь, не проблема. — Малахов улыбнулся.

Девушка зашагала в направлении небольшого павильончика, скрытого робкой весенней листвой. Малахов, дождавшись, когда несуразная фигура скроется за углом, поднялся и пошел следом. Он не очень доверял своей собеседнице и поэтому остановился чуть в стороне и стал наблюдать. Через несколько минут, видимо в магазине была очередь, Марина вышла, держа в руках три жестяные банки лилового цвета. Воровато оглянувшись, девушка откупорила одну из них и почти не отрываясь выпила. Выкинув банку в урну, она смачно рыгнула и двинулась назад, во двор, чем удивила Малахова. Он вышел ей навстречу.

— А, ты уже. А я думал, сигарет бы еще купить. Ну ладно, потом.

— А я вам тоже баночку взяла. — Лицо Марины порозовело, и в глазах появился блеск. — А то что я одна буду пить.

— А что это за... — поинтересовался Вадим, принимая из рук девушки напиток.

— Ну, вы даете. Это же «Дрожь»! Мы все ее пьем. От пяти банок так вообще потаски начинаются.

— Ну ладно, попробую. — Вадим сел на скамейку рядом с Мариной и хрустнул, откупоривая банку.

Напиток вкусом напоминал карамель со спиртом.

— Вот скажи, Марина, а вот ваши готы, что они говорят о смерти Арины? — перешел Малахов к главному.

— Да что говорят, ничего не говорят. Боятся, — тихо ответила девушка.

— Чего? Просто так боятся? — Малахов поставил банку рядом с собой, моментально почувствовав изжогу.

— Нет. Не просто так. Я скажу, а потом мне тоже яремную вену прокусят. — В голосе прозвучал неподдельный страх.

— Ладно, хотя про «прокусят» — это бред. Ты такого Колохатенко не знаешь?

— Знаю, конечно. Он такой крутой. Мажор, в общем. Арина с ним на «Корчах» познакомилась.

— «Корчи» — это что? — поинтересовался Малахов.

— Ну, вы вообще. Это же самая крутая дискотека в районе. — Марина глянула на Вадима, как на идиота.

— Ну, я старый уже для дискотек. Ну, познакомились. И?

— А ничего... Она как-то с ним по телефону говорила. Мне ничего не рассказывала. — Девушка припала опять к банке, жадно поглощая пойло.

— Ясно. А почему твои друзья-готы все-таки боятся?

— Ее вампиры убили, это же каждый знает, а каждый гот уважает вампиров. И тут нельзя болтать что попало, — полушепотом произнесла девушка.

— А вампиры — это тоже типа готов тусовка? — спросил Малахов и сразу понял, что сморозил глупость.

— Мы не тусовка! Мы настоящие, это наша жизнь! — Марина искренне возмутилась. Она потрясла банку, определяя, сколько там еще осталось, и расстроилась.

— На, можешь мой допить. — Малахов протянул свою банку в ответ на многозначительный взгляд девушки. Он понимал, что здоровья это ей не прибавит, но, с другой стороны, она, видимо, и так сегодня выпьет еще не одну банку этого хлёбова.

— Спасибо, а то ведь пропадет. — Разговор был спасен.

— Так вот, этот Колохатенко, он кто был? Тоже гот? — Вадим, чтобы перебить во рту вкус напитка, закурил. Девушка немедленно попросила сигарету.

— Да нет. Он какой-то странный. Лощеный, весь в нехилых шмотках. Прикинь — «Корчи», там кто в чем, ну, мы, готы, понятно, прилично одеты, а всякие эмо или, там, панки... Мы как раз тогда должны были эмо мочить, договорились. А он Арину и увел. А классно помахались тогда, классно! Я эмке одной весь ее чуб фиолетовый на фиг вырвала.

Язык у девушки как-то сразу начал заплетаться, и речь стала сбиваться.

— Ладно, последний вопрос. А потом ты Колохатенко видела на «Корчах»? Ну, после смерти Арины?

— А? — Глаза Марины уже просто разъезжались, она пыталась затянуться погасшей сигаретой. — Колохатенко. А, этот. Бывает там. Только меня не узнает, сволочь.

— Ну, хорошо, ты бы пошла домой, что ли? А то развезет от этой «Дрожи».

— Не развезет, — совсем нетвердо ответила девушка и икнула. — Пока.

Нетвердой походкой, закинув за плечо сумку-торбу с тетрадками и книгами, Марина пошла куда-то. Куда — видимо, и сама не очень понимала.

Глава четвертая

*Жевріє світання,
І пам'ять останню
Ховають прадавні дуби.
На свіжій могилі
Над каменем стиглим
Вампір молодий сидить.
І ніч догоряє,
Співає
Скликає
У зграю
Тяжких думок...
Тому що немає —
На світі немає
Нікого, лиш він та Бог...*

Т. Г. Шевченко

Модная дискотека «Корчи» располагалась в ангаре закрытого за ненадобностью военного завода. Это было мрачное сооружение с круглой крышей. Никто и не подумал придать сооружению чуть более веселый вид, чем это предусматривала архитектура военных заводов. Убогость фасада компенсировалась кучей мигающих лампочек и лазерных эффектов внутри помещения, которые светлой пеленой вырывались на улицу, когда открывалась входная дверь. Надо сказать, что звукоизоляция была отличная, и наружу не

доносилось ни единого звука, только слегка подрагивал воздух от мощных басов акустической аппаратуры.

Малахов нашел укромное место в темноте подворотни напротив входа в дискотеку и ждал. Колохатенко появился ближе к одиннадцати вечера. Был он одет действительно не так, как остальные посетители модного заведения. Черный костюм, белая рубашка со стоячим воротником и лакированные туфли делали его если не странным, то уж точно неожиданным в этом месте. Набриоленные волосы придавали этому парню совершенно несуразный вид.

Вадим заранее убедился в том, что в помещении дискотеки есть только один вход, уйти оттуда другим путем было невозможно, и стал спокойно ждать, пока молодой человек покинет дискотеку. Ждать пришлось долго. Но когда уже кончились сигареты и стало кончаться терпение, дверь заведения тихо открылась, и вышел Колохатенко. Парень вел под руку девушку. Она явно относилась к какой-то молодежной группировке, но понять, к какой, Малахов не мог. Она была одета в камуфляжные брюки и такую же рубашку. На плече болталась противогазная сумка, а на шее висел обычный армейский респиратор. Все это дополняли высокие, до колена, ботинки, похожие на армейские.

Парочка направилась в сторону парковки, откуда и появился в начале вечера Колохатенко. Через секунду заурчал мотор, и на улицу вырулила машина. Это была новенькая «тойота» последней модели. Матовая черная окраска машины делала ее зловеще-таинственной в сумраке ночи. «Тойота» спокойно проплыла мимо Вадима, он успел запомнить номер. Тем более что номер был крайне прост. Скромная надпись «ТИГР». К удивлению Вадима, через секунду за машиной Колохатенко последовал светлый внедорожник, вывернувший из подворотни.

«Интересно, это охрана или не я один интересуюсь этим юношей?» — подумал Малахов. И записал на всякий случай номер и этой машины.

На сегодня программа была выполнена. Теперь можно было спокойно уходить.

Дома, прежде чем уснуть, Вадим отправил Сизову е-мэйл с запросом на хозяев машин «тойоты», номер регистрации «ТИГР», и внедорожника «ситроен», номер P218XA97. Сон, подкрепленный длительной вечерней прогулкой, пришел немедленно.

Утром в офисе Малахова ждал Сизов. Лицо у начальника было крайне озабоченным.

— Вадим, ты вчера не входил в контакт с Анатолием Колохатенко? — без всякого вступления начал Сизов.

— В прямой нет. Так — издалека увидел. А что случилось? — Вадим почувствовал неладное.

— Меня ночью подняли. Колохатенко нашли убитым. Огнестрельное ранение в голову. Труп лежал на обочине окружной дороги. Никаких следов.

— А машина? Он примерно в двенадцать ночи уехал с дискотеки «Корчи» на своей машине. Ну, по крайней мере он был за рулем. В компании девицы. Я как раз давал вам запрос на эту машину. Мейлом.

— Не до мейлов мне, Вадим, не до мейлов. Там, — Сизов ткнул пальцем в потолок или в небеса, — там очень нервно относятся к этому делу. И я... Ну, в общем, там в бешенстве.

— За этим пацаном последовала другая машина. Не думаю, что это была охрана.

— Номер? — Сизов даже подскочил. — Номер ты записал?

— Вот я и говорю — я послал вам запрос электронной почтой, — спокойно ответил Малахов.

Начальник немедленно заерзал «мышкой» по столу, проверяя почту.

— Ага, вот оно. — Сизов говорил сам с собой, не отрываясь от экрана. — Так, «Тигр», говоришь? Сейчас по базе пробьем.

Последовала очередная серия манипуляция с клавиатурой и «мышкой».

— Так, с «Тигром» все понятно, папашка купил машинку сыночку. Найдена разбитой сегодня утром на другом конце города. А вот второй номер... Он не местный, в базе нет.

— А что, глобальной базы нет? — удивился Малахов.

— Не торопись, прямо спешишь куда-то. Сейчас... — Сизов, держа «мышку» двумя пальцами, как страшного зверя, продолжил поиск. — Так, тут тоже нету.

Шеф, не отводя глаз от экрана, протянул руку и взял телефонную трубку.

— Надя, привет. Сизов. Пробей-ка ты мне вот такой номерок. — Сизов прочел номер внедорожника, тщательно выговаривая буквы. — Нет, не местный. В общей нету. Ну, Надя, кто узнает? Да, буду в долгу. А скинь на мой ящик потом, да? Жду, спасибо.

— Сейчас придет, — повернулся Сизов к Вадиму. — Хитрый какой-то номер. Не бывает таких. Надо искать не по базе машин, а по спец спискам. Ага, вот, Наденька молодец. Вот смотри, я распечатаю.

Принтер тихонько взвыл и вывалил несколько страниц текста.

— Читаем. Автомобиль марки «ситроен» с-crosser, номер такой-то, ага, вот! Зарегистрирован на гражданина Байкалова Дмитрия Анатольевича. Без определенных занятий. Доходы имеет как консультант по этническим конфликтам среди племен Северной Африки. Вот же люди устраиваются, — хмыкнул Сизов. — О, вот написано, что этот самый Байкалов исчез в 2010 году при попытке покорения Северного полюса в составе экспедиции «СП-Юниор». Что за идиотизм? И еще вот адрес регистрации его в Киеве. У него, оказывается, квартира здесь.

— И что все это значит? — Начальник вопросительно глянул на Малахова.

От Сизова не ускользнуло, что Вадим слегка помрачнел.

— Это значит, что или кто-то очень глубоко залез в эти ваши списки, или что это какой-то странный человек, занимающийся весьма непростыми делами. — Сизов поднял глаза от бумаг и посмотрел на Вадима долгим, пытливым взглядом, словно спрашивая: «И что делать будем?»

Малахов прекрасно помнил, кто такой Байкалов на оранжевом «ситроене». Зона не отпускала.

— А что там еще пишут? — Вадим взял распечатку. — Фото этого Байкалова нет. Что же — видимо, и вправду не очень публичная личность.

На самом деле Малахова мало интересовали остальные данные. Ему важен был адрес Байкалова.

— Вадим, напиши отчет о твоих вчерашних вечерних наблюдениях, я немедленно передам наверх. С этим «ситроеном» вместе. Иначе кто-то очень захочет нам прищемить хвост. Нам надо откреститься от этого дела как можно быстрее и как можно аккуратнее. Там очень серьезные люди.

— Ну, я же все уже рассказал. Ладно, сейчас напишу. Пустите меня за компьютер? Я ноутбук свой не взял.

— Ладно. Садись. — Сизов встал, уступая место Вадиму. — Я пока схожу кофе попью через дорогу.

— Я быстро. — Малахов начал искать в компьютере иконку текстового редактора.

Вадим дождался, когда шеф выйдет, и бегло просмотрел незакрытые окна на компьютере. Он быстро нашел логи поиска по базам данных автоинспекции и вывел данные на «тойоту» Колохатенко, записал адрес владельца. Потом, набравшись сил, в несколько строчек описал результаты вчерашних наблюдений.

— Ну ладно, сойдет. — Вернувшийся из кофейни начальник просмотрел текст. — Только данные на этот внедорожник я им не дам. Пусть сами ищут.

— Правильно! — Вадим удовлетворенно кивнул. — Можно идти? А то я не выспался.

— Да, давай. Сейчас не стоит спешить с этим делом, посмотрим, чем все кончится.

Малахов немедленно поймал такси и отправился по адресу погибшего юноши. Жил он, как оказалось, на маленькой улочке в десятке метров от центра города. Да и квартира эта была не просто квартирой, а двухэтажной мансардой, надстроенной на жилом доме прошлого века совсем недавно. В подъезде в скромной стеклянной будочке сидела консьержка. Бабуле было лет семьдесят, и она занималась только тем, что открывала дверь нажатием кнопки. Видимо, об охране в этом доме не заботились.

— Добрый день, а Колохатенко дома? Я к нему, — деловым тоном, который должен был вызвать у консьержки уважение, спросил Малахов.

— А я знаю? — безразлично ответила бабуля, не отрываясь от газеты.

— А вы можете ему позвонить? — не отставал Вадим.

— Оно мне надо? У него домофон никогда не работал. А телефона у меня нету, не положено. А вот поставили бы мне телефон, я бы позвонила. — Видимо, бабуля очень скучала на службе. — Идите, сами поднимайтесь.

Не веря в такую удачу, Вадим быстро поднялся на третий этаж. Там, судя по всему, и начинались хоромы молодого человека. Первое, что бросилось в глаза, — дверь открыта. И открыта дверь была не ключом, не отмычкой, а с помощью газовой горелки. Замок был вырезан из стальной двери. Кто-то, видимо, не стеснялся в средствах. Вадим осторожно потрогал место разреза. Металл уже остыл, что говорило о том, что наведались сюда давно, возможно, еще ночью. Осторожно, стараясь не шуметь, Малахов скользнул в раскрытую дверь. Внутри квартиры царил разгром, те, кто вырезал замок, скорее всего что-то искали.

Беглый осмотр центральной комнаты, судя по обстановке — гостиной, показал, что порылись не только в ящиках письменного стола из мореного дуба, стоящего у окна. Рылись во вспоротом брюхе дивана, в горке, набитой хрусталем, и даже в тумбочке под аквариумом, где сиротливо плавала пиранья. В другой комнате, обставленной как кабинет, стоял компьютер со вскрытым системным блоком, без жесткого диска. «На хрена этому сопляку кабинет, — подумал Вадим. — Он же и писать, наверное, не умеет без ошибок».

В спальне тоже все было вывалено из шкафов. Малахов сел на кровать, он расстроился, что кто-то его опередил. Но тут его ждал сюрприз. Между матрасом и деревянным каркасом кровати лежал нетбук, накрытый простыней. Видимо, хозяин то ли в утренней спешке, то ли еще почему-то засунул его туда.

Не раздумывая, Вадим схватил находку и двинулся на выход. У самой двери он услышал громкие голоса и топот — вверх поднимались несколько человек. Чертыхнувшись про себя, Малахов ринулся назад. Отход был отрезан. Вадим в поисках выхода выскочил на балкон. Отсюда можно было попробовать. Запихав нетбук за пояс, он перелез ограду и, проклиная паркур, с трудом перебрался на узкий кирпичный карниз, оставшийся, видимо, от исходной конструкции здания, когда еще не было надстройки.

Мелкими шажками Вадим добрался до угла и осторожно обогнул дом. У мансарды с этой стороны балкона не было. Но зато этажом ниже был балкон, оставшийся от прежних времен, весь в завитушках на решетке. Не очень ловко Вадим спрыгнул на него. Не дожидаясь, когда жители этой квартиры всполошатся, Малахов повторил прыжок и оказался на земле. Его выручило то, что дом стоял на достаточно крутом склоне, и эта сторона была намного ближе к земле, чем фронтальная. Быстро, не задерживаясь, Вадим скрылся в остро пахнущей весной зелени деревьев. Через пару минут Малахов уже ехал по адресу, где был зарегистрирован тот самый Байкалов. Призрак Зоны. Тот самый человек, который в свое время купил винтовку для сталкера Гасло.

Жил Байкалов, вернее, был зарегистрирован в одном из новых спальных районов, на самой окраине города. Дом состоял из двадцати подъездов, никаких консьержек, никаких домофонов. Все подъезды пахли кошками, а лифты людьми. Однообразные бетонные клетушки, слепо глядящие окнами на улицу. Квартира 221 оказалась на восьмом этаже. Никто на звонок в дверь не отозвался. Малахов с иронией посмотрел на примитивный замок и, достав из кармана складной набор инструментов, легко вскрыл дверь.

Однокомнатная скромная квартира. В комнате диван, стол и компьютер. Судя по всему, здесь никого из полиции еще не было. Компьютер оказался незапароленный. Не рискуя, Вадим воткнул в порт флешку и в течение нескольких минут сделал полный бэкап всех данных.

Пора сматываться, в скачанных данных Малахов решил разобраться дома. На этот раз квартиру удалось покинуть без каких-либо эксцессов. Но уже стоя у дороги и пытаясь поймать такси, Вадим увидел, как во двор стремительно ворвались два полицейских джипа. Человек пять ринулись в подъезд Байкалова. А через несколько минут из окна квартиры на

восьмом этаже раздался громкий хлопок и столб огня вылетел наружу. Стоящие внизу припаркованные легковушки разразились истерикой противоугонных систем.

Глава пятая

*Вера была, — значит, быть и надежде,
А зло губит зло, убивая, как прежде,
Кто правильно внял — забывает о горе,
Князья меж собою давно уже в ссоре.
Бывает, что люди — пустые создания,
Но начался штурм на границе сознания,
Кто-то Послание прочтет и завоет,
Другой же, в Пророчестве — Чудо откроет.*

Мишель Нострадамус о 2012 году

— Николай Петрович? — Малахов уже начал терять надежду, что на его звонок ответят. — Здравствуйте, это Вадим!

— Да как ты?.. — От возмущения у генерала перехватило дыхание.

— Не беспокойтесь, эта линия не прослушивается. Надо срочно встретиться. — Вадим немедленно отключил скайп. Он вышел на связь, сидя с ноутбуком на Крещатике, поймав вай-фай от ближайшего «Макдоналдса».

Малахов посидел еще немного на лавочке, посмотрел на голоногих, по случаю теплой погоды, киевлянок, на празднично шатающихся негров, заполонивших последнее время город, на кучки экскурсантов, озирающихся на красоты города. Потом выпил пива в летнем кафе, уже открытом, и пошел домой.

— Вадим, давай сюда! — У бордюра остановилась знакомая Малахову «Волга» и распахнулась дверца.

Вадим искренне удивился: прошло не более трех часов после разговора с генералом, а Лазненко был уже в Киеве. Видимо, очень серьезно отреагировало начальство на звонок Малахова.

— Здравствуй, Вадим. Тебе борода идет, — улыбнулся генерал. — Я надеюсь, что у тебя были достаточно веские основания, чтобы выйти на связь вопреки инструкциям. Ты сам понимаешь, чем мы рисковали? Рассказывай.

— Скажите, а вы что, из Москвы прямо на «Волге»?

— Нет, у нас просто гараж свой здесь, — невозмутимо ответил Лазненко.

То ли не поняв шутки, то ли давая понять, что сейчас не время для них.

— У вас ноутбук есть? Я хочу сбросить вам файлы и заодно познакомить с интересными документами. Мне больше надо показывать, чем рассказывать. — Вадим выудил из кармана флешку и вопросительно глянул на Лазненко.

— Да вот, сколько угодно, — тот жестом показал за спину. На заднем сиденье лежал портфельчик, в котором хранился небольшой, компактный компьютер.

Пока загружалась операционная система, Лазненко отыскал в боковой улице укромное место для парковки.

— Значит, так. Я вел расследование, связанное со смертью одной девочки. Там очень темная история. Так вот, — Вадим рассказывал и одновременно показывал все документы, которые хранились у него на флешке, — судя по аутопсии, девушка умерла от потери крови. Причем заключение было украдено и заменено фиктивным. В реальности девушке банально порезали вены и держали связанной, пока она... пока не добились желаемого.

— Сатанисты? — прервал его Лазненко.

— Нет... Кроме того, на шее девушки в районе артерии находились два отверстия. По словам патологоанатома, похоже, что кто-то пытался расковырять сонную артерию. Но

отверстия маленькие, быстро забивались тромбами, и серьезного кровотечения не получилось. — Вадим говорил четко, он давно уже мысленно представлял себе этот доклад.

— Просто резануть — ума не хватило? — раздраженно спросил Лазненко.

— Ума не хватило на другое. Кто-то очень хотел изобразить из себя вампира. — Вадим замолчал, давая генералу время подумать.

— Но это же детские сказки. И вообще легенды о клыках вампира — полный викторианский бред. Клыки нужны для того чтобы разделять шейные позвонки. А для прокусывания сосудов — это худший из возможных инструментов, — прочел краткую лекцию Лазненко.

— Я в курсе, — улыбнулся Вадим. — Мне удалось поговорить с друзьями погибшей и выйти на некоего Колохатенко, весьма странного юношу. Мне удалось скачать с его компьютера что-то вроде дневника.

— Ну и? — На лице генерала легко читался скептицизм, он явно не это ожидал услышать от Малахова.

— Юноша этот был так называемым мажором — сыном больших шишек. Шикарная квартира, разгульная жизнь. Но все это были родительские деньги, сам он учился до войны на факультете международных отношений, потом бросил. Ну так вот, время от времени в этом дневнике проскальзывает упоминание о том, что вот-вот этот самый Колохатенко будет принят в некое тайное общество и у него откроются невероятные перспективы. Вплоть до власти над миром.

Он писал, что еще не узнал, кто конкретно входит в этого общество и где они собираются, но заявлял, что все члены общества — вампиры. И он был уверен, что если его распознают как вампира, то есть большие шансы самому войти в тайное общество. Дальше бред про мясо кошек, про мух. И про то, что главное — выпить кровь у жертвы.

— Детские фантазии, — резюмировал Лазненко.

— Да, скорее всего я бы так и решил, если бы не некоторые обстоятельства. — Вадим достал пачку сигарет, вопросительно глянул на Лазненко, тот кивнул. — Так вот, когда я готовился выйти на прямой контакт с этим юношей, то увидел, что за ним ведется слежка. И в эту же ночь парня банально убили.

— А кто следил? — проявил вялый интерес генерал.

— Вот это самый существенный вопрос. Удалось только выяснить фамилию владельца машины, которая следовала за тем юношей, и его адрес. Судя по всему, это что-то вроде конспиративной квартиры. Никаких признаков того, что там живут, я не нашел. Мне и там удалось скопировать содержание компьютера.

— Герман тебя хорошо научил этим трюкам, — усмехнулся генерал.

Вадим на секунду замолк. Сделав несколько затяжек, он продолжил:

— В этом компьютере нашлось много интересного. Вот, например — ролик, снятый с моего коммуникатора. Причем именно оригинальный, а не тот, что пошел в эфир. — Вадим сделал эффектную паузу.

— Так. — Лазненко посерьезнел. — Дальше.

— Вот документ очень интересный. Скан. — Вадим запустил графическую программу.

На экран выскочило изображение документа:

Из архивов особого отдела при правительстве России

Доклад группы «Табигон» от 14.10.2014.

Сов. Секретно.

Согласно ранее разработанному плану на начальном этапе миссии в Зоне Отчуждения проведена интенсивная разведка без применения специальных средств.

Первый контакт подтвердил информацию о предельной криминализации официальных представителей на границе Зоны. В дальнейшем, при выходе на начальный рубеж, группа была вынуждена осуществить техническое сопротивление лицам из организованных бандформирований. В итоге для сохранения мобильности

было принято решение о раздельном продвижении группы с целью защиты основных технических средств.

Группа прикрытия в составе Тираторе и Доктора была вынуждена, несмотря на повышенную опасность, занять позицию на границе Рыжего леса. После силовой нейтрализации нападавших, произошло столкновение с биоценозом Рыжего леса, что привело к тому, что группа прикрытия разделилась. Тираторе выдвинулся на воссоединение с основной группой, в то время как Доктор, войдя в доверительный контакт с биообъектами в районе леса, не имел возможности немедленно присоединиться к группе. Предварительные выводы говорят о том, что зона леса населена крайне мутировавшими существами с различными поведенческими моделями. В дальнейшем возможен контакт с отдельными группами, видимо, являющимися результатом симбиотических изменений человека.

Тираторе для поиска группы использовал помощь сталкера Сухого, данные на которого были получены ранее. Часть группы (Танильга, Морзянка) была обнаружена на территории подстанции в недееспособном состоянии. Состояние объяснялось, с одной стороны, мощным пси-воздействием неизвестного происхождения, с другой — риском поражения электрическими полями аномально высокой интенсивности. К сложному положению сотрудников группы привела неконтролируемая последовательность ситуаций, а именно: при выдвигении к месту встречи группа столкнулась с множественной подвижной аномалией типа «воронка», которая заблокировала движение транспортного средства. Для ухода от прямого контакта с гравитационной аномалией группе пришлось покинуть транспорт и выйти из зоны ее влияния самостоятельно.

Группа была немедленно атакована большим количеством псевдогуманоидных объектов типа «main down», судя по всему, находящихся под воздействием мощного психотронного излучения. Кроме того, пси-поле было применено и к членам группы. Основной удар психотронного электромагнитного импульса пришелся на Морзянку. При попытке ухода от излучения группа попала в ловушку «Мэри-Кристмасс» в районе подстанции. Ловушка представляла собой мощный коронный разряд, возникавший на неработающих элементах подстанции. Во избежание травматизма решено было ожидать прибытия остальных членов группы.

При стимулированной помощи сталкера Тираторе удалось вывести членов группы из-под воздействия артефакта и воссоединиться с Доктором.

Выводы по результатам пассивной разведки.

1. Повышенная агрессивность бандформирований по отношению к группе свидетельствует о возможной утечке информации о целях и задачах группы.

2. При дальнейшей работе группы имеет смысл привлечение обитателей участков Зоны, ранее фигурировавших как недоступные (Рыжий лес, возможно, Кладбище техники).

3. Вызывает тревогу активность в районе подстанции, возможно, спровоцированная большим источником ионизированного излучения неизвестного происхождения. Желательно провести очистку подстанции техническими средствами вплоть до уничтожения.

4. Во избежание препятствования работе группы необходимо произвести внешнюю спутниковую разведку зоны и уничтожение очагов локализации бандформирований.

5. Считаем целесообразным продолжить работу с привлечением скрываемых до настоящего момента потенциалов группы.

Резолюция руководителя центра:

Объявить выговор отделу подготовки операции. Руководителя службы безопасности центра понизить в звании и заключить под стражу до момента обнаружения канала утечки информации. Виновных наказать по всей строгости внутреннего устава.

Продолжить работу группы с применением всех возможных средств. В ближайшие шесть часов перебросить в распоряжение группы спецсредства для уничтожения подстанции. Бандформирования засечь и уничтожить после выведения внедренной агентуры.

Подпись

Генерал полковник... неразборчиво.

Заметка красным карандашом на полях документа: «Что за жопа новый год? Кто так готовит операции? По завершении миссии — группу ко мне на прием».

Президент Российской Федерации... подпись неразборчива.

— Что за бред? — Лазненко взял из рук Вадима ноутбук и еще раз перечитал документ. — Это наш отчет. Он вообще совершенно секретный. И какой, к черту, 2014 год? И что за резолюция президента? Он вообще не подозревает о существовании нашего Центра. И факсимиле его совсем не такое. Хотя если 14-й год, то все может быть.

— Я тоже не могу даже предположить, зачем это сделано, — ответил Вадим. Он затушил сигарету, открыл окно машины и выкинул окурки.

— Далее там присутствует аудиофайл. По описанию файла — записан в прошлом году в Мальвиле. Совещание какой-то структуры. Какой — совершенно непонятно. Идет обсуждение, как сорвать нашу миссию в Зоне. Там упоминаются имена участников. Я думаю, по ним вы легко сможете расшифровать, что это за совещание, что за структура, и, наконец, выяснить, откуда растут ноги.

— Да, это серьезно, — задумчиво произнес Лазненко. — А что по этому, хозяину автомобиля?

— Здесь еще интересней. Это некий Дмитрий Байкалов. Я о нем слышал раньше. В-первых, в Зоне он считается призраком. Он и его оранжевый «ситроен». А во-вторых, именно этот «призрак» купил и доставил в Зону ту снайперскую винтовку, которая и была целеуказателем на вход в Монолит.

— Вот черт... — Лазненко затеребил подбородок. Это был признак особого волнения.

— После меня в его квартиру нагрянули люди — не знаю кто, может, полиция, может, кто-то другой. Квартира взлетела на воздух.

— Так, Вадим, отдай мне эту флешку. Мы займемся. Ты пока уйди в полный покой. Никуда и ничего. Еду тебе будут доставлять наши люди. Оружие у тебя будет дома к твоему возвращению. Вот телефон для связи. — Лазненко достал из кармана сотовый и вручил его Вадиму. — И никакой самостоятельности.

— Я так понимаю, разгадки — в Зоне? — предположил Малахов.

— Это почему же?

— Я думаю, что этот «ситроен» мы только там и найдем. — У Вадима уже давно созрел план действий.

— О Зоне забудь. Там уже хозяйничают ООН, ПАСЕ и прочие. Нам получить туда пропуск даже теоретически невозможно. И это уже не та Зона, в которой ты был. Реальность поменялась.

— А что, нужен пропуск? А пешком? — не отставал Вадим.

— Повторяю: Зона уже не та. Полный барьер, блокпосты, минные поля и стрельба без предупреждения.

— А местные? — Вадим искал хоть какой-то вариант.

— Да откуда я знаю? Тема для нас закрыта полностью. Только из газет и знаем. Все системы контроля нам недоступны. Так что — забудь. И жди звонка. Боюсь, тебя придется перебазировать в другой город. Как тебе, например, Сочи?

— Ну... — протянул Вадим.

— Я спросил, потому что Сочи точно не будет. Олимпиада там будет. А ты... ладно давай, пока никто не видит, топай домой, жди.

Глава шестая

*Смущаюсь и робею пред листом
бумаги чистой.
Так стоит паломник
у входа в храм.
Пред девичьим лицом
так опытный потупится поклонник.*

*Как будто школьник, новую тетрадь
я озираю алчно и любовно,
чтобы потом пером ее терзать,
марая ради замысла любого.*

*Чистописанья сладостный урок
недолог. Перевернута страница.
Бумаге белой нанесен урон,
бесчинствует мой почерк и срамится.*

*Так в глубь тетради, словно в глубь лесов,
я безрассудно и навечно кану,
одна среди сияющих листов
неся свою ликующую кару.*

Белла Ахмадулина

— Вадим, здравствуй. — Голос Лазненко в телефонной трубке был сух. — Мы не смогли идентифицировать никого из тех, кто упоминается в твоих документах. Поэтому решили перевести тебя в другой город.

— Я что, как крыса всю жизнь буду по норам прятаться? Все? Отбегался Малахов?

— Вадим, пойми, мы находимся в очень затруднительном положении. Мы...

— Вы можете мне помочь хотя бы оборудованием, чтобы проникнуть в Зону? — перебил его Вадим.

— Нет, об этом не может быть и речи. — Вадим живо представил, как на том конце линии Лазненко сухо поджал губы.

— Ладно, нет, так нет. Я пойду один. — Вадим отключил сотовый и с размаху швырнул его в стену.

16 июня 2013 года. Внешняя сторона периметра Зоны отчуждения

Утренний туман в низине скрывал ограждения Зоны до восьми утра. Сороки, летящие по своим делам над низиной, разгоняли его мелкими вихрями. Потом белая мгла постепенно растаяла, и ее рваные клочья вместе с сыростью унес легкий ветерок.

Периметр казался неприступным даже на расстоянии. И если прорваться сквозь двойной кордон из спиралей Бруно и гадкой «Егозы»¹ было не так трудно, то проскочить минное поле — весьма и весьма проблематично. Особенно ранним утром. Особенно человеку, у которого, кроме кусачек, струнной пилы и ножа, никаких инструментов нет.

Минное поле начиналось метрах в пяти от опушки, на которой прятался Малахов. Камуфляжная сетка надежно скрывала его в густой июльской листве. Но помочь попасть за периметр она не могла.

— Понастроили, — буркнул под нос Вадим. — Демократию развели.

---

¹ Спираль Бруно и «Егоза» — заграждения из колючей проволоки.

Не удовлетворенный результатами рекогносцировки, он осмотрелся. Ничего подходящего для форсирования кордона на опушке не было. Обычный лес, в котором прорублена просека для кордона. С европейской педантичностью срубленные деревья очистили, попилили на бревна и сложили красивыми пирамидами подальше от заграждений в глубине леса. Молодой подлесок выползал, стараясь прорваться на минное поле, но регулярная чистка периметра не позволяла ему нарушить порядок. Утреннее солнце уже нагрело и землю, и желтую хвою. Из леса шел дурманящий запах. Насекомые дружно гудели в летнем воздухе, придавая военизированной местности вдоль кордона нереально мирный вид.

Решение пришло внезапно, простое и незамысловатое. На самой границе леса стояли несколько молодых гибких березок. Углубившись в чащу, Вадим нарезал длинные ленты лыка. Благо в лесу были и липы, и молодые дубы. Потом, проверив прочность, он связал полоски в длинную ленту. Как много лет назад, в детстве, в пионерлагере, Вадим вскарабкался на высокую березку и, отклонившись в сторону, заставил ее согнуться до самой земли. Потом он подхватил конец, привязанный заранее к крепкому пню. Повторив ту же самую процедуру еще с тремя деревьями, Вадим перешел к следующему этапу.

У самой опушки из пирамиды бревен Вадим выбрал верхнее. Он столкнул его с вершины и с большим трудом подтащил к опутанному лыком пню. Пришлось изрядно попотеть, чтобы получилось импровизированное требюше.² Изогнутые березки были соединены со сплетенной из лыка сеткой-карманом. В кармане лежало полено. Отдельной лыковой лентой согнутые деревья крепились к толстому дереву. Эта растяжка не давала распрямиться напряженным стволам берез. Не желая получить летящим бревном по голове, Вадим отошел в сторону и, привинтив глушитель к пистолету, выстрелил. Древесная лента звонко лопнула, и полено, описав гигантскую дугу, выскочило из кармана и с силой шлепнулось на минное поле у периметра Зоны. Взрывы нескольких зарядов разнесли бревно в опилки.

Ждать долго не пришлось. Через несколько минут примчался зеленый «Хаммер» с охраной периметра, распространяя бензиновый смрад.

Военные, не выходя из машины, сначала долго осматривали участок, сердито ощерившись стволами винтовок из окон внедорожника. Не заметив полосок лыка на березках, охранники выбрались из машины, посоветовались и принялись за дело. Из «Хаммера» извлекли миноискатель, тщательно изучили место, где сработали мины, и установили несколько новых. Благодаря этому у Малахова появилась ценная информация. Во-первых, он теперь знал, где закопаны мины, во-вторых, он узнал, что это старые противопехотные «Дойче-мины 11». Случай непростой, но и не смертельный.

Дождавшись, когда военные скроются за деревьями, Вадим приступил к работе. Одну за другой он обезвредил мины. Это было достаточно просто, потому что ооновские вояки выдергивали чеку и бросали ее рядом. Видимо, периметр охраняли в основном от нелюдей и дилетантов.

Итак, проход был готов. Если, конечно, верить тому жулику в баре, который за немалые деньги продал ПДА, подсоединенный к сети Зоны. Этот ПДА показывал, кроме кучи ненужной информации, места, где недавно были попытки прорыва Зоны. А минные поля в этих местах со стороны Зоны обновлялись не чаще, чем раз в неделю. В таком месте у Малахова был шанс пройти до второй полосы колючей проволоки и спокойно идти дальше. Развороченная земля по ту сторону заграждений была надежным подтверждением того, что вчера-позавчера кто-то большой напоролся на минное поле и разрядил с десятков мин. Ошметки монстра, уже дурно пахнущие, до сих пор украшали колючую проволоку.

Ждать лучшего момента не имело смысла, однако предстояла еще одна задача. Автоматические пулеметы слева и справа от точки прохождения простреливали нейтральную полосу, реагируя на любое движение. Тщательно изучив этих компьютеризированных церберов Зоны, Вадим точными выстрелами уничтожил датчики

---

² Требюше — метательные машины гравитационного типа, известные под французским именем «trebuchet» (требюше).

движения пулеметов. Теперь медлить было нельзя. Малахов пробежал по участку с разряженными минами, молясь Богу, что при разминировании не пропустил ни одной. Пассатижами он быстро перекусил колючую проволоку, по-пластунски, стараясь не зацепиться за острые жала заграждения, преодолел первый рубеж. Потом нейтральная полоса, на следы плевать, пусть ищут. Теперь опять колючка, вся в гниющей плоти монстра. Снова уповая только на удачу, Вадим в несколько прыжков преодолел второе минное поле. Оно и вправду было не перезаряжено. Все. Он в Зоне.

Тропинка вдоль системы заграждений была, видимо, протоптана людьми, обслуживающими периметр. Проходила она по южному краю периметра и сейчас находилась в тени. Сырой, не прогретый лес был полусонным, из прохладного сумрака доносился грибной дух. Тропинка, конечно, вела к блокпосту, но если верить тому же ПДА, скоро появится ответвление, и по нему можно прийти к заведению с игривым названием «Стал на выхах». Наладонник и в этом случае не соврал.

Бар, хотя это скорее был и бар, и кафе, и гостиница, и местный клуб под одной крышей, находился в новеньком, с иголочки, здании. Сооружение строилось в рамках европейского проекта для пострадавших от природных катаклизмов территорий. Однако за те несколько месяцев, которые бар просуществовал в Зоне, на нем появились совершенно неуловимые особенности средней полосы России.

Задуманные ооновскими спецами мелочи, должны в значительной степени повысить качество отдыха, не работали. Открытая веранда на подиуме со столами под зонтиками давно превратилась в склад пустых пивных кегов и сломанных стульев. Под зонтиками хранились дрова для мангала, который сейчас сиротливо стоял в углу веранды. Видимо, сегодня вечером шашлык не предполагался. Левый угол здания, окрашенного белой краской, уже порядком облупившейся, украшала выбоина. Не простая выбоина от какого-нибудь шального грузовика или пьяного грузчика с бочкой. Вблизи стало видно, что кто-то с ненормально большими челюстями выгрыз кусок облицовки и кирпичной кладки, оставив следы впечатляющих зубов. И еще процарапал когтями стены с обеих сторон угла, видимо, стараясь утащить здание себе в логово.

Поморщившись, Вадим толкнул входную дверь. Тихо звякнул колокольчик на косяке, и Малахов оказался внутри бара. Пахло кислым пивным духом, стоялым табачным дымом и прогорклым постным маслом. Время было еще раннее, и посетители пока не утомили хозяина. В темном зале, где слабый свет над каждым столиком скрывал детали, стойка в дальнем конце выглядела, как хрустальный замок. В памяти всплыл «Ириш-паб», и Вадим отметил про себя, что по крайней мере в области общепита Зона приблизилась к европейским стандартам. Правда, чем здесь кормят и поят, было пока неизвестно.

Не колеблясь, Малахов подошел к стойке и вопросительно посмотрел на бармена. Тот сидел на высокой табуретке и ничего не делал. По круглому, как глобус, пузу спокойно ползала муха. Толстяк даже не посмотрел на Вадима.

— Можно пива? — спросил Малахов, присев на высокий табурет у стойки.

Мгновение бармен сохранял неподвижность сфинкса, потом, не изменив выражения лица, поднялся и стал наливать большую кружку. Видимо, спрашивать о том, какое пиво хочет клиент, здесь считалось невежливым. Пока наполнялся бокал, Вадим поинтересовался:

— А Сухой тут не бывает?

— Сухой нигде не бывает, — немедленно ответил бармен, словно ждал вопроса.

— А что с ним? — Малахов облокотился о столешницу.

— Нету его.

Пиво потекло в бокал и быстро добралось до самого верха, белая пена перевалилась через край. Толстяк поставил пиво на стойку и потерял к нему интерес.

— А ты знал Сухого? — Теперь была очередь бармена задавать вопросы.

— Да, несколько месяцев назад пересекались. Дело у меня к нему, — спокойно ответил Вадим, глядя на оседающую в бокале пену.

— Раз знал, скажи, какие сапоги себе пошил Сухой? — Бармен внимательно смотрел на посетителя.

Малахова такой вопрос очень удивил. Он задумался.

— Да уж не сомневаюсь. Небось из крокодила он себе сшил сапоги, — ответил Вадим и улыбнулся, вспомнив, как они охотились на речное чудовище.

Бармен немедленно забрал из рук Вадима бокал, из которого тот не сделал ни единого глотка, и вылил содержимое в мойку.

— Тогда держи. — Бармен наклонился под стойку, раздался звук отодвигаемой скользящей дверцы.

На столешницу шлепнулась пластиковая клетчатая сумка, которую очень любят китайские коммивояжеры.

— Ты смотри, а я пока тебе другого пива налью. Для клиентов, — все так же невозмутимо произнес бармен, взял красивую граненую кружку с дальней полки и стал наполнять ее из другого крана.

Вадим дождался, взял пиво, сумку и пошел за дальний столик, не желая изучать содержимое при свидетелях. Основной объем в сумке занимали короткие сапоги. И вправду — из крокодильей кожи ручной выделки. И размер именно такой, как нужно. Кроме сапог, в сумке лежало несколько предметов, назначение которых Малахов сразу не смог определить. И записка:

«Иди за ними».

Малахов внезапно почувствовал голод. Он жестом привлек внимание бармена. Тот кивнул, и через зал к Вадиму двинулась женщина, скрывавшаяся до сих пор за шторкой возле стойки. Только по блокноту в ее руках можно было догадаться, что она здесь работает официанткой.

— Сегодня курица и картошка фри, — без особых церемоний сообщила женщина.

— Ну и хорошо, — согласился Вадим.

— Водки сколько? — не отставала официантка.

— А что, это обязательно? — Малахову с утра пораньше водки не хотелось.

— Все берут... — просто сказала женщина.

— Ну, тогда как всем. — Вадим не хотел нарушать некие устоявшиеся традиции.

— Все просят на два пальца, — кисло сообщила официантка.

— Ну, на два, так на два. Но я бы предпочел в рюмку, — ответил Вадим.

Официантка безразлично хмыкнула и удалилась. Тут скрипнула входная дверь, и в пустой бар вошел худой человек. Бритая голова, бегающие глазки, кожаная куртка и спортивные штаны придавали ему весьма специфический вид. На ногах были грязные кроссовки. Толстенная золотая цепь тускло блеснула в сумраке бара. Ни на секунду не колеблясь, человек подошел к Малахову и плюхнулся на стул.

— И шо, мужик, что ищем в наших краях? — Бритоголовый закурил, держа сигарету большим и указательным пальцем, фильтром наружу. — Давно с материка?

— Что ищу? Правду жизни, — отшутился Малахов, внутренне напрягшись.

Визитер никак не отреагировал и стал осматривать бар. Потом он закурил и опять повернулся к Вадиму.

— Смотри не ошибись. Зона — место не простое. А кто пропуск выписывал? — строго спросил он Малахова.

— А ты что, милиция? Или как сейчас модно называть, полиция, чтобы спрашивать?

— Ты понты не бросай. — Лысый глянул на Вадима с гримасой отвращения. — Запомни, вход сюда — плати, как можешь, а за выход ты не забудь заплатить столько, сколько скажут. Иначе тут и останешься.

Бритоголовый взял граненый стакан и налил в него водки, которую к тому времени уже принесли, и залпом выпил.

Малахов с трудом сдержал себя, чтобы не ответить бандиту. А тот спокойно встал и пошел на выход.

— Официантка, принесите новую посуду, к этой говно прилипло, — громко попросил Вадим, подняв в руке стакан.

Бритоголовый с порога оглянулся и злобно сверкнул золотой фиксой. Малахов понял, что с этим ему еще придется встретиться.

Через полчаса бар стал постепенно заполняться посетителями. Первым пришел безликий человек в невзрачной одежде. Он подошел к бармену, что-то ему тихонько сказал и устроился в дальнем углу зала, за столиком, почти скрытом в полутьме. На стене над столом висело чучело большой рыбы, видимо, местная достопримечательность. Посетитель сел так, что его фигура полностью утонула в тени неосвещенного угла. Луч света с потолка падал только на стол и стоящие на нем бокал и пепельницу. Еще через несколько минут в зал ввалилась компания из четырех человек. Трое молодых людей возбужденно обсуждали события, по всей видимости, недавние.

— А я вижу — ну точно «трамплин»! Ну, я и думаю, сейчас я его как... — Тощий юноша с дредами, похожими на гнилые веревки, размахивал руками невпопад. — А она, зараза, как ё...

— Да нет, ты, Усик, лоханулся! Кто же «трамплин» разряжать лезет! Вот он и... — Невысокий крепыш в камуфляжных брюках и футболке без рукавов, с пустым рюкзаком за спиной говорил жестко, словно он тут был главным. — И почему ты не позвал нас, когда «трамплин» засек? Там же сквозь кусты два шага.

— А тебе завидно? — Усик запустил руку в карман и выудил золотистый комок из кармана. — Ты, Траба, не трепись, «медуза» зато моя!

Четвертый человек в этой компании был постарше. Он резко отличался от молодых людей. Одет он был в хорошо подогнанную камуфляжную форму. Она, конечно, видала виды, но от модных шмоток «милитари» ее отличала лаконичность и практичность. Потертая разгрузка держала тяжелую кобуру, у самого плеча на шлейке в ножнах торчал нож с костяной ручкой. Старший зашел в бар последним и, обойдя своих молодых попутчиков, решительно направился к стойке. Его путь пролегал мимо Вадима, и он услышал, как тот пробормотал под нос: «Расчирикались, отмычки». Видимо, он был у них главным, сталкером. Подойдя к стойке, он сбросил с плеч небольшой рюкзак прямо на столешницу. Бармен все так же невозмутимо взял поклажу и спрятал ее в недрах барных шкафов.

Несмотря на то что эти четверо пришли вместе, молодежь села за отдельный столик, немедленно заказала себе водки, портвейна и крабовых палочек, а сталкер сел в стороне и заказал пиво. Отпив залпом полбокала, он закурил и, взяв пиво, неспешно пошел в дальний конец зала, где сидел безликий человек. Минут пять о чем-то с ним поговорил, после чего вернулся за свой стол. К тому времени молодежь, нахлебавшись спиртного, разошлась. Они вспоминали героические минуты недавней вылазки в Зону. До Малахова доносились только обрывки фраз, с каждой рюмкой водки и стаканом портвейна все более невнятные.

— А ты сам не заметил кровососа, если бы не я, фиг бы Лямблий заметил...

— Не сцы! Я кровососа заваливал с трех выстрелов, когда только в Зону пришел. Я даже неделю сам за хабаром ходил и даже стал себе берлогу рыть, но тут наехали эти...

— А я...

— Так, молчать! — Сталкер не выдержал потока горделивого эпоса. — Забрали бухло и марш спать.

— Ну, Лямблий, мы только...

Старшего, оказывается, звали Лямблий, этимологию имени Малахов не мог даже примерно себе представить.

— Мне что, повторять? — Лямблий, судя по всему, был абсолютным авторитетом у молодежи.

Пацаны, больше не проронив ни слова, подхватили недопитое и мелкой рысцой исчезли из бара.

Только на входе они посторонились, пропуская женщину.

Женщина была чем-то неуловимо похожа на Лямблия. Рациональная одежда, правда, разгрузка отсутствовала. Впрочем, на широком текстильном поясе висела кобура. По краешку рукояти Вадим понял, что у дамы был совсем не дамский «Магнум» 45-го калибра. Поношенная кобура говорила о том, что хозяйка с оружием не расстается. Протопав тяжелыми берцами по вытертому линолеумному полу, дама уселась рядом с неприметным человеком и махнула рукой бармену. Тот лично подбежал к столику с бутылкой мартини, совершенно неожиданного в этих местах. Вадим отметил про себя, что за полгода обстановка в общепите Зоны действительно сильно изменилась.

Потом народ повалил непрерывно. В основном приходили суровые мужчины, Малахов не сомневался, что это сталкеры. Но появлялся и совсем разночинный народ, люди коммерческого вида, видимо, перекупщики, бандиты, люди без определенных занятий, вечно отирающиеся в местах, где можно пожить. Свободных мест уже не было. Только за стол в дальнем углу, где сидел серьезный человек, так никто не подсел. И за стол Вадима, которого здесь никто не знал, тоже не рисковали садиться.

Малахов спокойно созерцал посетителей, когда к нему незаметно подошла официантка, наклонилась, пахнув дешевым дезодорантом для зубов, и тихо сказала на ухо:

— Дядя Сеня хочет поговорить.

— Кто? — не понял Малахов.

Официантка взглядом указала на тот самый стол в темном углу. Видимо, дядя Сеня тут и вправду был человек, чью просьбу нельзя игнорировать. Вадим неторопливо поднялся, взял с собой пакет Сухого и отправился к столику под рыбой.

— Садитесь, вы здесь человек новый, я погляжу. — Тот, кого называли дядей Сеней, даже предупредительно отодвинул стул.

— Здравствуйте. Да, я здесь впервые.

— Какими судьбами в наши края? Работу ищете или?.. — поинтересовался словно невзначай Сеня.

Он казался безликим только издали. Вблизи было видно, что одежда у него хорошего кроя, скромная и не бросающаяся в глаза. Из-под рукава дорогой рубашки на мгновение промелькнул браслет «Ролекса». Вокруг распространялся запах дорогого одеколона.

— Скорее «или». Хочу просто по Зоне пройтись. Много слышал про нее. Я вообще большой любитель опасных мест. Знаете ли, водопады, Кавказские горы, однажды даже чуть на яхте в Турцию не пошел. Люблю приключения.

— Ну ладно, не хотите говорить — не надо. Только одному долго искать приключения никогда не удавалось. — Дядя Сеня состроил кислую мину.

— А это не ваш человек сегодня утром мне пытался правила объяснить? Такой бритый, в спортивном костюме? — как бы невзначай спросил Вадим, делая глоток из бокала.

— Ну что вы, это мелкая шушера. Надо было его... — зло сказал Сеня и продолжил уже другим тоном. — Да ладно, я сам разберусь. Наглеет всякий сброд. Так вот, может, вам проводник нужен? Зачем самому рисковать? Заодно достопримечательности покажет.

— Заодно присмотрит, да? — хитро глянул Вадим.

— Ну и присмотрит, чтобы вы в беду не попали. Зачем нам Зоне плохую репутацию создавать. — Дядя Сеня достал из внутреннего кармана клубного пиджака сигару и стал ее раскуривать.

— Я так понимаю, это все не бесплатно? — Внешне спокойный разговор с дядей Сеней начинал утомлять Вадима. Малахова раздражала его начальственная, высокомерная манера говорить.

— Оплата проводнику — он сам скажет сколько. Хабар продавать только Сидоровичу. Мне десять процентов от добычи. Деньгами.

— А если я не собираюсь искать хабар?

— Так не бывает. Я не верю в ваши стремления посмотреть мир. Небось прикупили где-то в городе карту с кладками? Да и от Сухого, вон, пакетик. Для вас ведь? Так что... — развел руками дядя Сеня.

— Ну ладно, присылайте вашего проводника. — Вадим прекрасно понимал, что одному не удастся пройти в Зону.

— Вот и отличненько! Успехов в вашем путешествии. — Дядя Сеня поднялся, давая понять, что разговор окончен, и протянул руку. Малахов пожал ее в ответ. Рука Сени была мягкая и влажная.

Когда Вадим подошел к своему столику, за ним уже сидел человек. Внешне он мало отличался от десятка других сталкеров, отиравшихся в это время в баре. Та же полувойенная форма. Куртка, вылинявшая от дождей и солнца, нарочито медлительные движения. На вид ему было за тридцать, ранняя лысина обнажила правильный череп. Малахов не смог понять, то ли сталкер не брит, то ли специально поддерживает романтическую небритость гарлемского стиля. Тонкие нервные пальцы играли рюмкой.

— Я Шип. Ты со мной пойдешь. Пять штук и вперед. Две трети хабара — мои. Идти будем два дня. Смоешься — пропадешь, — не глядя на собеседника, проговорил человек.

Все было сказано так, чтобы не оставить у клиента ни грамма сомнения в том, что он самый крутой сталкер в Зоне и спорить с ним не имеет никакого смысла.

— Я Вадим. Две штуки. Одна сейчас, вторая по возвращении. Хабар бери себе хоть весь. Идти будем столько, сколько я скажу. Захочешь смыться — убью, — точно с теми же интонациями произнес Вадим, глядя прямо на сталкера.

Шип поднял глаза на Малахова и посмотрел на него с некоторым любопытством.

— Убьешь? А ты когда-нибудь убивал? — с нескрываемым сарказмом спросил Шип. — И чем, вилок, или ложкой?

Тут сталкер натянуто улыбнулся. Будь Малахов молод, как те недавние отмычки, то, возможно, его слова могли вызвать у собеседника искренний смех. Но возраст Вадима, жесткий взгляд и шрам у виска от удара о грузовик заставили сталкера хохотнуть нервно и напряженно.

— Я не буду тебя убивать вилок. Хотя мог бы. Я вообще не люблю убивать. Но я предупреждаю, так, на всякий случай. Чтобы не было недомолвок. Как партнер партнера. Договорились?

— Денег мало, — буркнул Шип.

— А кому сейчас легко? Кризис экономический, — без тени иронии ответил Малахов. — Кредитки принимаешь?

— Шо-то придумаем. — Шип согласился легко, видимо, это было больше, чем он ожидал.

Вадим поискал глазами официантку, но она затерялась в суете заполненного бара. Он поднялся и пошел к стойке. Бармен был невозмутим и все так же тер один и тот же стакан.

— Две водки можно?

Бармен кивнул и ловко выставил два шкалика на столешницу. Одним непрерывным движением он наполнил их жидкостью.

— Ты Кривошипа слушай, но не очень. Шебутной он, — сквозь зубы процедил бармен.

— Кривошипа? — Малахов не понял, о ком идет речь.

— Он когда-то в лесу медведя-шатуна встретил. Если бы у шатуна хоть что-то в желудке было — обосрались бы оба. Вот с тех пор к нему и прилипло. Не любит он свое погоняло.

— А зачем ты мне это рассказываешь? — Вадим испытующе посмотрел на бармена. Малахов никогда не доверял барменам.

— Потому что Сухой велел, — ничуть не обижевшись, ответил толстяк.

— Ну, за знакомство. — Вадим поднял свою рюмку и уже доброжелательно глянул на своего нового напарника.

— Будем! — кратко тостанул сталкер и опрокинул свою. Потом он крикнул и, взяв из маленькой корзиночки на столе кусок черного хлеба, смачно его понюхал.

— Скажи, Шип, где тут можно переночевать?

— У меня в гараже можешь упасть. Считаю, входит в сервис, — не задумываясь ни на секунду, ответил сталкер.

— Ну, пойдем и там поговорим о деталях. — Малахова вполне удовлетворял такой вариант.

— Между прочим, у вас уже и женщины среди сталкеров есть? — некстати спросил Вадим, когда они выходили из бара.

— Это Малча. — Шип сразу понял, о ком идет речь. — Она не сталкер. Она сталкеров в чувство приводит, когда они возвращаются, а мозги еще в Зоне зависли. Без нее вокруг Зоны даже птицы не летают.

— Психолог?

— Да нет, нормальная баба, — просто сказал Шип, оглядываясь на пороге заведения. — У нее просто все схвачено, да и умеет она с человеком поговорить, помочь ему. В Зону не ходит. Не пускают ее туда мужики, она тут нужнее.

Жилье Кривошипа располагалось совсем недалеко от бара, идти пришлось минут пять. Новенький поселок из стандартных модулей построили таким образом, чтобы бар был легко достижим отовсюду. Как объяснил Шип, сразу, как только Зона перешла под контроль международных сил, сюда навезли огромное количество комплектов для организации лагерей для беженцев. Из этих комплектов соорудили поселки почти у каждого блокпоста на входе в Зону. Но оказалось, что население Зоны гораздо меньше, чем рассчитывали. Поэтому здесь нет никаких проблем с жильем. Все, кто хотел, смог получить собственный домик за небольшую плату.

У сталкера он был двухэтажный. На первом этаже зачем-то соорудили гараж, хотя автомобили нельзя было в Зону провезти ни под каким видом. Тем более что любой транспорт даже здесь, еще на границе с реальной Зоной, за три дня прекращал работать. Выглядел как настоящий, но никак не отзывался на попытки завести. А вот вроде бы в пяти метрах, за колючкой, уже нормально. Шип по пути домой трещал без умолку, вываливая информацию на Малахова. У него оказался один большой недостаток. В спокойном состоянии он был болтлив.

— Вот тут в гараже переночуешь сегодня. — Сталкер показал Вадиму на крашенные коричневой краской железные ворота. — Завтра утром выйдем. А куда, кстати?

Вход в гараж был справа от главного входа в дом. Автоматические ворота с поломанным приводом были опущены, и пришлось долго вертеть длинную ручку, пока железная панель не ушла вверх. Внутри стоял пустой верстак с одинокими тисками и продавленный диван. И еще на стене висело несколько неглубоких железных шкафов, скрывавших целый арсенал стрелкового оружия, который Малахов оценил сразу, как только Шип их открыл.

— Вот, выберешь себе оружие на ходку. — Сталкер махнул рукой на свою коллекцию. — У тебя небось ничего нет?

— Да практически ничего. — Вадим достал из рюкзака свой «Таурус», который случайно купил на Караваевых дачах перед самым отправлением в Зону.

— Это что за дура? — Шип поразился длине ствола и калибру.

— Да нормальная, можно на охоту. — Вадим протер оружие тряпочкой и, открыв барабан, протянул его Шипу.

— Так тут... — сталкер взял из рук Вадима револьвер и посчитал патроны, — всего пять зарядов. Куда с таким?

— А ты что, будешь охотиться на бизоны стада?

— Не, ну а промажешь? — язвительно спросил Шип.

— А не надо мазать. — Вадим ответил так, что у Шипа почему-то не возникло желания спорить.

— Так куда идем? Карта где твоя? — перешел к делу сталкер.

— Какая карта? Контурная?

— Тут любой, кто приходит, приходит со своей картой. Без карты военные и пропуска не выпишут, — удивился Шип.

— У меня нет пропуска. И карты нет. Я так пришел.

Кривошип поморщился, словно его за нос укусил комар. Потом почесал голову и сказал:

— В смысле — без пропуска? Это как?

— Через забор перелез, — убедительно объяснил Вадим.

— Ну, ладно. Так куда идти? — перешел к делу Шип.

— Вот смотри, объясни мне, что это такое? — Вадим достал пакет Сухого и вынул оттуда странные предметы, которые оставил ему Сухомлинов. Сапоги он спрятал в рюкзак еще в баре.

— Ну что тут, ничего особенного. Так, мелкие артефакты. Продать можно, в принципе потом можно месяц в потолок плевать. Тем более что такой набор надо долго собирать. — Шип разложил артефакты на верстаке и стал их рассматривать.

— Почему долго?

— Ну как почему? Вот смотри, это «ночная звезда», ее проще всего у Гаражей найти, там «трамплинов» море. А вот это, — Шип отложил в сторону отливающий зеркальным блеском артефакт, чуть фосфоресцирующий даже на свету, и взял в руки другой, Вадим не увидел разницы между ним и «звездой», — вот это «золотая рыбка». Она только возле «воронки» бывает. Это надо в ДК «Энергетик» идти. Там с полгода назад, говорят, такая «воронка» была, что до сих пор легко «рыбку» найти. Она, видишь, сейчас тоже никому не нужна, — продолжил Шип. — Обычно «рыбка» светится красиво, ночью может даже как лампочка работать. Но с собой носить не следует. Пули притягивает.

— А в чем прикол? Я не вижу особой разницы. — Малахов повертел в руках «рыбку» и положил ее рядом со «звездой».

— А все просто, «звезда» пули стороной отводит, а «рыбка» наоборот. И найти их рядом так же невозможно, как и «трамплин» рядом с «воронкой». Кто-то долго эту коллекцию собирал и зачем-то вместе хранил. Артефакты от этого разряжаются. Эти почти все ужедохлые. Я бы продал их лохам и не парился. Я знаю, их можно натереть, потом в кислоте подержать, так они пару дней как новые будут выглядеть. Давай, да?

— Не спеши, продадим. Мысль у меня есть. — Малахов аккуратно разложил все предметы из пакета Сухого. — Можешь назвать места, где каждый из этих артефактов чаще всего встречается?

— Ну, за этим, — Шип взял «звезду», — я бы, конечно, пошел в первую очередь, это в двух часах хода отсюда. А вот это «вспышка». — Сталкер повертел полупрозрачный, похожий на детский стеклянный шарик предмет неправильной формы. — Сейчас никому не нужна, видишь, не вспыхивает, ее надо на «Янтаре» искать. А вот за «бенгальским огнем» — то точно на Агропром надо. Вот дальше...

Сталкер задумался и стал переключать на столе артефакты, словно решая головоломку.

— Ага, если так и рассуждать, то «снежинку» надо где-то возле ангаров армейских искать. — Шип вертел в руках шарик без особых внешних примет. Просто светлый матовый шарик. — Вот только когда она протухшая, она ничем от «колобка» не отличается. Хотя нет, таки «снежинка». Хоть и старая, а мышцы чувствуют все равно. Она должна в отличие от «колобка» как биостимулятор работать. — Сталкер поежился. — А вот «золотая рыбка». Хрен ее знает... Где «воронка» есть, там и «рыбка» клюет. Ну, наверное, к «Энергетику» и чesанем. Вот «медузу»... Да по пути найдем, у любого «трамплина»!

— Значит, так, раз Сухой в записке написал, что надо идти за ними, надо идти, — решил Вадим, у которого уже голова пошла кругом от этих артефактов. — Сначала идем в Гаражи, потом «Янтарь», потом, Агропром, потом Ангaры. А дальше по ситуации решим. Согласен?

— А мне-то что? — Шип вполне безразлично согласился и пошел спать, показав Вадиму, как из гаража можно войти прямо на кухню.

Глава седьмая

*Malbrough s'en va-t-en guerre
Mironton, mironton, mirontaine
Malbrough s'en va-t-en guerre,
Ne sais quand reviendra.
Ne sais quand reviendra.
Ne sais quand reviendra.*

*Il reviendra-z-a Pèques,
Mironton, mironton mirontaine,
Il reviendra-z-a Pèques,
Ou a la Trinitü
Ou a la Trinitü
Ou a la Trinitü*

*La Trinitü se passe,
Mironton, mironton, mirontaine,
La Trinitü se passe,
Malbrough ne revient pas*

«Мальбрук в поход собрался». Французская народная песня, 1709 год

Утром Шип застал Вадима за работой. Малахов нагревал на электроплитке, невесть откуда взявшейся в гараже, столовую ложку. В ложке тускло блестел расплавленный свинец. Рядом стоял импровизированный кокиль, сделанный из гильзы двенадцатого калибра.

— Ты что тут затеял? — переполошился сталкер.

— Пули делаю. Почти жаканы, — невозмутимо ответил Вадим.

— Что такое жакан?

Вадим молча покачал головой, мол, вот ведь темнота.

— Ты хоть и опытный сталкер, но у тебя все патроны только с дробью. Ты вообще что, в Зоне на уток ходишь?

Малахов ткнул пальцем на пачку охотничьих патронов на столе.

— Да с твоим ТОЗом такие патроны использовать — просто преступление!

— Какой ТОЗ? — На лице сталкера появилось искреннее удивление.

— Как какой? Вот этот! — Вадим раздраженно взял в руки ружье, которое стояло справа за верстаком. — Разве можно оружие до такого состояния доводить?

— Ты где эту рухлядь нашел? Тебе «калаша» мало?

— Это не рухлядь. Это ТОЗ девяносто четвертый, тульский. Редкая вещь. Двенадцатый калибр, если им с умом обращаться... И чистить хотя бы иногда! Ты вообще хоть что-то в стрелковом оружии понимаешь?

— Я «калашом» замочу кого надо и не поморщусь, — с легким пренебрежением сообщил Шип. — А такое ружье... Оно что, одноствольное?

— Это автоматическое ружье, семизарядное. — Вадим говорил спокойно и убедительно. — Очень эффективное. Это не на людей.

— Ну, ты странный. То у тебя «Таурус», как ты сказал, на пять зарядов, то этот металлолом. Я его вообще нашел на помойке. — Шип даже ткнул рукой в сторону ворот.

— То, что он на помойке лежал, заметно. Из него и не стреляли никогда. Он весь в заводской смазке. Я ее пока отмыл... — Вадим любовно провел ладонью по стволу. — Сейчас подожди, я свои жаканы распилю.

Шип наблюдал за Вадимом с нескрываемым любопытством. Выколотив отливки, Малахов стал рыться в пустых ящиках верстака. В итоге он нашел половинку полотна от ножовки по металлу. Затем он закрепил заготовку в тисках и сделал несколько косых

надпилов больше чем на половину пули. Надпилив, Вадим обработал пулю так, чтобы надрезы были почти не видны, словно лепестки у нераспустившейся розы.

— Ну и? — спросил Шип. — Что ты этими тюшками делать собрался?

— Вот скажи, сталкер, кем ты до Зоны был? — спросил Вадим.

— Какая разница? Я был бизнесменом, не абы каким, кстати, у меня были издательства, целых три. Потом кризис. Чего ты вообще примотался? — Вопрос о прошлом привел Шипа в раздражение.

— Издательства чего?

— Как чего? Я книги издавал! Знаменитую серию «с прочерками» знаешь? Это я придумал. Но потом украли идею. Я с самим Шекли водку пил, а...

— Книги, говоришь? Книги — это хорошо, — перебил его Вадим. — Но могу сказать одно, что в оружии слабо ты разбираешься.

Малахов положил ТОЗ на место.

— Оружие — не главное. Главное — выжить, — с пафосом заявил Шип и снял со стены АК-47.

— Ну-ну... Выживай. Я сейчас патроны снаряжу, проверим ружьецо, да? — Вадим вернулся к работе.

— Ото, мне забот больше нет, с такой дурой носиться. «Калаш» наше все. — Шип сделал вид, что собрался уходить из гаража, но остался, ему было интересно смотреть, как Вадим снаряжает патроны.

— «Калаш» ваше все, когда на людей охотишься. А мы в Зоне...

— Ну что ты понимаешь вообще в Зоне? — возмутился Шип. — Идем, кто первый в березу со ста шагов попадет, тот и прав.

— Сейчас, дай доделать. Ты иди пока, березу выбирай.

Вадим занялся снаряжением патронов. В охотничьем подсумке, который он нашел за верстаком вместе с ТОЗом, было два десятка патронов с крупной дробью. Этого хватило на десять жаканов, порох Вадим аккуратно перераспределил. Через пятнадцать минут он вышел из гаража. В руках у него было ружье, уже вычищенное до масляного блеска. За ним шел сталкер, на его лице читалось неподдельное любопытство.

— Ну и что будем делать? — Вадим осмотрелся в поисках потенциальной мишени.

— А вот попади в ту березу! — Шип показал на дерево, одиноко стоящее примерно в двадцати метрах.

— Ну, попади ты для начала, — уступил Вадим пальму первенства сталкеру.

Шип ловко перехватил «калаш» из-за спины, выпустил очередь, не целясь, как фашист от бедра. На коре березки выпучились два куска рваной бересты. Отстрелявшись, Шип лихо забросил автомат за спину и гордо глянул на Малахова.

— Ох, круто, офигеть! — сказал Вадим без тени иронии.

Он осмотрелся и увидел вдалеке, на расстоянии ста метров, другое дерево. Тошую сосенку. Уперев приклад в плечо, Вадим застыл на долю секунды и выстрелил. Деревцо, сломавшись посередине, упало на землю.

— О, работает! — обрадовался Малахов. — Короче, ты, конечно, бери «калаш». Я посмотрел — есть пара в нормальном состоянии. А я, на всякий случай, возьму это ружье. У тебя нет больше патронов двенадцатого калибра? Я бы перепаковал. А то как-то маловато будет.

— Упс, — только и сказал ошарашенный Шип.

Следующие три часа сталкер, не возражая, помогал Вадиму готовить патроны. Оказалось, что, несмотря на издательское прошлое, Шип был вполне приучен к труду и обращался с инструментами вполне споро.

— Нам надо еще к Лева-Циркулю сходить, — между делом бросил сталкер.

— К кому и зачем? — не понял Вадим.

— Ну, в бар, к бармену. Его Лева зовут. А за брюхо его Циркулем прозвали. Ты же кредиткой платишь, вот у него можно снять денег.

— А... ну ладно. А завтра выйдем, да? Собраться же успеем, конечно? — Вадиму показалось, что визит в бар может сильно поменять планы.

— Посмотрим, — буркнул недовольно Шип.

— Ты что, сглазить боишься?

— Просто болтать не хочу, — ответил Шип и трижды сплюнул.

Вадим допилил последнюю пулю, подправил ее молотком и начал набивать патроны. Он умышленно увеличил дозу пороха. Какое-то время ружье выдержит, а долгие годы он не собирался им пользоваться.

— А скажи, Шип, ты никогда тут оранжевый «ситроен» не видал? — как бы невзначай спросил Малахов.

— Бог миловал, — ответил сталкер, нервно глянув на Малахова.

— В каком смысле?

— Кто видел его, тот не долго протянул. — Шип подскочил, подбежал к воротам и выглянул из гаража, словно проверяя, не появился ли тот самый автомобиль.

— Вот как, новое что-то. Он радиоактивный?

— Это призрак. Нет его на самом деле. И не надо о нем... Плохая примета.

— Ну, нет, так нет, — согласился Малахов, подпиливая очередной жакан.

Когда с работой было покончено, Вадим со сталкером отправились к Лева. Малахов сменил берцы на короткие крокодиловые сапоги от Сухого. Эти сапоги вызывали у Шипа неподдельный интерес, но открыто попросить у Вадима их поносить сталкер так не решился. Сапоги роперского³ стиля были покроены на манер ковбойских. Они оказались на удивление удобными.

Вечер в поселке у КПП был тих и спокоен. Весенняя прохлада накатывала со стороны леса, уныло гудели комары. То там, то тут загорались окошки в домиках обитателей поселка. Если бы не знать, что совсем рядом находится Зона, то можно было подумать, что дачный поселок для людей среднего достатка живет своей простой, беззаботной жизнью. До Малахова даже донесся запах шашлыка, капающего пряным жиром на раскаленные угли гриля. Одного не хватало — молчали птицы и по улицам не ходили кошки. Мир призонья отличался от внешнего немного, но все-таки заметно. И еще. На крышах домиков не было антенн — ни простых рогатин, ни современных тарелок. В Зоне не работало телевидение. Чудесным образом оно за кордоном нигде не принималось.

В баре ничего не изменилось по сравнению со вчерашним днем. Все так же кипела жизнь, велись разговоры. Все так же, как айсберг в океане, возвышался толстый бармен над своей стойкой. Все так же в темном углу, как паук в засаде, сидел дядя Сеня.

Шип предложил перекусить, раз уж пришли. Бармен Лева после некоторого колебания принял у Вадима кредитку и, внимательно рассмотрев и фронт, и подпись на обороте, после обычных манипуляций с терминалом выдал Шипу искомую сумму, взяв только десять процентов комиссионных. Шип обрадовался, что получил деньги без проблем, и предложил пообедать за его счет. Вадим пошел устраиваться за столиком, который он заприметил в глубине бара, пока сталкер заказывал еду.

Шип пришел к столу не один. С ним шел мужчина средних лет в обычной, городской одежде. Невысокий, чуть полноватый, лет сорока. Серый костюм дополняла белая рубашка с расстегнутым воротом. Вид у мужчины был явно не сталкерский.

— Вот знакомься, это Степан Андреевич, — представил Шип. — Мой товарищ. Он ученый. Очень захотел с тобой познакомиться. — Представив гостя, Шип поспешил к стойке бара решать какие-то срочные дела.

— Вадим, — представился Малахов. — И что изучаем?

— Да Юра преувеличивает. Не люблю я слова «ученый». Ученые обезьяны бывают. Я так, изучаю быт Зоны. Просто любопытно, — ответил Степан Андреевич. — Я собираю материал для диссертации о человеческом поведении в экстремальных условиях.

---

³ Роперский стиль (англ. *roper*, сапог) — короткое голенище (не выше середины икры), каблук прямой и низкий — обычно меньше чем один дюйм высотой.

— Интересно, наверное? — Вадим задал вопрос, не ожидая ответа, его больше интересовало, когда принесут еду и, главное, пиво. Почему-то присутствие Степана Андреевича вызвало нестерпимое желание выпить.

— Очень интересно. Вот вы производите впечатление человека образованного и должны понимать, насколько тут все непредсказуемо. — Ученый взял со стола кусочек хлеба, намазал его горчицей и стал задумчиво жевать. — Вот вы как человек в Зоне новый можете понять, что если не выполнять здесь правила — это прямой путь к катастрофе. Вы ведь человек разумный, сможете им следовать?

Вадим внутренне начинал кипятииться. Совершенно незнакомый человек без всяких причин начинал давить на него с требованием выполнять какие-то правила. Кроме того, речь собеседника была вязкой и утомительной.

— Вы должны, — опять он использовал слово «должны», — ни на секунду не забывать, что находитесь во враждебной среде, где только посвященные могут принимать решения и выбирать путь. Пока вы новичок, вам этого не дано. Шаг в Зоне стоит целой жизни в обычном мире, вот вы сейчас пойдете с Юрой за белую пелену, в чуждое вам окружение. Ведь оно вам чуждо?

Вадима от кружки пива начало мутить. Чего от него хочет этот человек?

— Юра — это у нас кто? — перебил собеседника Малахов.

— Сталкер ваш, Юрой его зовут. Ну или как там... Шип? Вам определенно подсунули дилетанта. Вы производите впечатление разумного человека, но мне кажется, что шансов вернуться у вас нет.

— Откуда вернуться? — Вадим уже взял себя в руки и говорил спокойно.

— Ну, вы куда собираетесь? В Зону ведь? А там все очень-очень сложно! Там нужно быть...

— Уважаемый Степан Андреевич. — Вадим смотрел на ученого жестко, не позволяя тому отвести глаза. — Есть одно русское слово. Букв всего ничего, а его даже отменили пару лет назад за высокую энергетику. Так вот, походи куда-нибудь, найди старый словарь в интернете, отыщи слово из трех букв и всепоглощай его. Ты меня понял?

— Вы что себе позволяете, молодой человек? — начал надуваться Степан Андреевич. — Вы знаете, кто я?

— Уйди. Немедленно! — Вадим был на взводе.

Он не вполне понимал, что происходит. Какой-то неощутимый, но жесткий посыл от Степана Андреевича взбесил его, заставил выйти из себя, забыть приличия. Но с другой стороны, Вадим знал, что он даже пальцем не тронет неприятного собеседника, и это бесило еще больше.

— Дурачок, — незлобно буркнул Степан Андреевич и ушел в темноту зала. Во всей его фигуре чувствовалось превосходство, на лице играло удовлетворение беседой.

Тут как раз вернулся Шип, заказавший ужин.

— Где ты этого хрена нашел? — только и смог спросить Вадим.

— А шо? Нормальный мужик. Сейчас таких, социологов, тут много. Он и выпить нальет, и поговорит.

— Что-то муторно мне. Не пойдем сегодня, — сказал Вадим и налил стакан водки из графина, принесенного Шипом.

— Ты о чем? Куда мы сегодня можем пойти? Вечер на дворе. Сегодня только вот по маленькой пропустим. — Шип не стал отставать от Малахова и тоже налил себе стакан.

— Как вечер? Мы же с утра в бар пришли? — Вадим подскочил и подошел к окну, закрытому шторой. Ему хотелось просто посмотреть на мир за окном и прийти в себя.

— Так ты же с этим ученым полдня проболтал. — Шип пожал плечами.

— Полдня? — Ошарашенный Малахов сел за стол и, посмотрев на стакан, произнес: — Давай!

Так началась пьянка. Вернее сказать, пьянка началась у Шипа. Малахов после первого стакана пришел в себя и далее наблюдал за развивающимися событиями с философским спокойствием. Сначала сталкер пил немного и спокойно, но постепенно, когда еда

закончилась, он начал краснеть и увеличивать дозу. Скоро речь его стала носить поэтический оттенок и терять связность. Шип несколько раз просил Вадима дозаказать водки. Потом сказал, что до самого стриптиза домой не пойдет. Стриптиз для Малахова оказался полной неожиданностью. Шип объяснил, что это было требованием властей из НАТО и что одно плохо, в Зоне стриптизерши все немолодые и некрасивые. Причем обе. Потом сталкер пытался читать стихи. Так как слушать его никто не стал, он украл с соседнего стола пустую бутылку и попытался играть ею в футбол. Спящего сталкера с распухшей ногой Вадим притащил домой, когда уже было давно за полночь.

Глава восьмая

*Свободной Мысли вечная Душа, —
Всего светлее ты в тюрьме, Свобода!
Там лучшие сердца всего народа
Тебя хранят, одной тобой дыша.*

*Когда в цепях, во тьме сырого свода,
Твоих сынов томят за годом год, —
В их муке зреет для врагов невзгода,
Слава их во всех ветрах поет.*

*Шильон! Твоя тюрьма старинной кладки —
Храм; пол — алтарь: по нем и там и тут
Он, Бонивар, годами шаг свой шаткий
Влачил, и в камне те следы живут.
Да не сотрут их — эти отпечатки!
Они из рабства к богу вопиют!*

Лорд Байрон. «Сонет к Шильону»⁴

Полусонному Малахову показалось, что на втором этаже пьет лошадь. Этот квакающий с прихлебом звук и разбудил его. Вадим подхватился и пошел в дом, в спальню Шипа, где он вчера уложил на диван невменяемого сталкера.

— А! Здорово! — На секунду Шип оторвался от зеленоватой жидкости из трехлитровой банки. — Тебе не надо?

— Это что? — поинтересовался Вадим.

— Святое после вчерашнего. Это рассол от огурцов с «каплями». — Шип запустил в банку руку и вытащил оттуда блестящий маленький огурец. Осмотрел его с вождением и смачно захрустел, словно это был не огурец, а ранетка.

— С какими такими каплями? Анисовыми? — У Вадима болела голова, все тело пронизывала легкая дрожь, а напротив него стоял довольный жизнью Шип, который выпил вчера в несколько раз больше. Водка в баре скорее всего была паленая.

— Темный ты. После «жарки» всегда куча «капель» остается, они вообще-то никому не нужны. Но если пару «капель» в банку с рассолом положить, то эффект сильный. Во-первых, рассол не скисает и всегда холодный, во-вторых — похмелье снимает как рукой. На, попробуй! А если там еще пару огурчиков осталось, то говорят, что потом вообще месяц похмелу не бывает. Но врут. Кругом вообще все врут.

Вадим осторожно пригубил из трехлитровой банки. Рассол был ароматный с горчинкой острого перца и чеснока. И самое главное — через секунду все последствия пьянства исчезли и захотелось есть. Сильно и азартно.

---

⁴ Перевод Г. Шенгели.

Когда с королевской яичницей было покончено и Шип смачно вымазывал корочкой хлеба остатки желтка с тарелки, Вадим задал главный вопрос:

— Выходим?

— Слушай, а на фиг тебе вообще этот гаражный кооператив? Там бандиты, все равно ничего не найдешь. Может, рванем сразу к «Янтарю»? Там хоть и нет сейчас «трамплинов», но зато у меня есть карта, можно найти такое, чтоб потом всю жизнь в Зону не лазить, — вдруг решил поменять планы Шип.

— К «Янтарю» успеем, а бандиты тоже люди. Сначала надо туда, к «трамплинам». Может, мне как раз надо с бандитами поговорить.

— А побьют? Или отнимут все? — не унимался Шип, которому уже никуда не хотелось идти.

— Слушай, что у меня можно отнять? — Вадим демонстративно вывернул пустые карманы. — Или у тебя? Это ты после вчерашнего в пессимизме?

— Нет! То вчера не я был! — немедленно возразил сталкер.

— А кто же?

— Ну, я бываю разный. Обычно я Шип-1, вот вчера что-то перебрал, так это был Шип-2. Сегодня я уже «первый», — изложил сталкер свою безумную теорию и добавил: — И все нормально, я просто так спросил. С бандитами сам будешь договариваться?

— Договоримся. — Вадим решительно поднялся, не оставляя сомнений, что в путь они отправятся немедленно.

— У меня нога болит, — заявил Шип не очень уверенно.

— Перелома нет, и тем более болеть она должна у тебя-второго. Собирайся.

Шип, старательно прихрамывая, пошел вниз готовиться к походу.

— Вадим, ты вот рюкзак возьми. Пенку, там, спальник, еды. Все в гараже, в шкафах выберешь, — напомнил сталкер.

Малахов подхватил рюкзак, который Шип вывалил из сундука.

К большому удивлению Малахова, в железных шкафах гаража в действительности хранилось достаточно много полезных вещей. В первую очередь две полки, забитые армейскими пайками ИРП-П. Смутило то, что срок хранения прошел ровно месяц назад. Пришлось на пробу вскрыть одну из зеленых упаковок, достать оттуда банку «Говядины тушеной» и проверить ее сохранность. Тушенка была абсолютно нормальной, и Вадим положил в рюкзак три упаковки. Шип говорил, что в двух днях хода есть его схрон, так что один пакет будет запасной. Пенка и спальник лежали на шкафу, и пришлось выбивать из них пыль. Подумав, Вадим все-таки вместо крокодиловых сапог надел берцы. И сапоги жалко, и на встречу с бандитами дорогую обувь надевать не стоило, можно уйти босиком. В одной из множества коробок, лежавших в шкафах, видимо, со времен сотворения мира, Малахов нашел хемилюминесцентные палочки, скорее всего это были наживки для ночной рыбалки. Коробка легла в рюкзак, Вадим не сомневался, что приманки могут пригодиться. Несколько дымовых шашек, неожиданно завалявшиеся гранаты РГ-42, так мило напоминавшие консервные банки, и взрыватели к ним — все было аккуратно сложено в рюкзак.

Через пятнадцать минут Вадим и Шип уже шагали на север к границе Зоны.

Июнь, мягкий, без раннего зноя, привычного в последние годы, сопровождал путешественников одуряющим запахом молодой листвы, радостным изумрудом молодой травы и свежим ветерком.

— Вообще странный ты человек, Вадим, — рассуждал на ходу сталкер. — Идешь в Зону и сам не знаешь зачем. Сам себе головоломку придумал, а что даст разгадка, не знаешь.

— Не знаю. Но, скажем, я считаю, что движение важнее результата. А по пути, может, и результат найдем.

Вадим задумался на секунду, вспомнив вчерашнюю встречу в баре.

— Вот ты говоришь, что вокруг Зоны таких, как этот Степан Андреевич, много шатается. Откуда они взялись, чем занимаются? — спросил он у Шипа.

— Да ну их, мутные какие-то люди. Приходят в бар, треплются. Или еще хуже, как хабар сдаешь, так сидят там, ну, например, у Сидоровича в лавке, разговоры трут. Шушера какая-то непонятная.

— А ты вчера говорил, что он нормальный. Нестыковка какая-то.

— Ну, понимаешь, он подошел, сказал пару слов. У меня что-то в голове и перещелкнуло. Думаю, а ведь нормальный же мужик! А вот сейчас вспоминаю — таки мутный, — стал оправдываться Шип.

— А почему Байкалов — плохая примета? — поменял тему Вадим.

— Опять ты о нем. Блин, и по пути в Зону! Я тебе так скажу, Бог миловал, я его не видел. А вот что мужики говорят: где кто Байкалова увидел на машине его дурацкой — там труп точно будет. И не просто отмычку «трамплином» на сосну кинет или, к примеру, на части «воронкой» порвет. Труп — словно из него все нутро высосали. Нет, не кровосос, никаких следов. Словно человек в мумию враз превратился. Так что ты не спрашивай про него. И вообще — помолчать сейчас надо, в Зону входим.

И действительно, через два шага Вадим погрузился в белесое марево, словно вошел в облако. Знакомое чувство, словно шагнул в пустоту, моментально вернуло в памяти события прошлого года. Маревое окончилось так же внезапно, как и началось. Тропинку окружал мокрый, почерневший от осенней промозглости лес. Под ногами чавкала размокшая желтая листва. Низкие облака тревожно неслись над верхушками деревьев. Кроме шороха мелкого дождя, ни один звук не беспокоил мир Зоны.

— Ну, вот мы и в Зоне. Добро пожаловать, — сообщил Шип.

— Тут теперь всегда осень? — спросил Вадим, запахивая куртку.

— Что значит теперь? Всегда так было. — Сталкер глянул на Малахова настороженно, словно поймал на лжи.

— Ну, это так, фигура речи, — попытался исправить оплошность Вадим.

Шип остановился, осматриваясь. На лице его читалась тревога.

— Не нравится мне что-то. Хоть на входе в Зону обычно все спокойно, но что-то мне не нравится. — Сталкер вглядывался в осеннюю мглу, в стоящие стеной бурьяны, в мокрую желтую траву и не мог принять решения.

— Ну, кинь гайку. Я слышал, сталкеры гайки кидают, чтобы проверить, что впереди, — тревога передалась и Малахову.

— Правильно слышал, — согласился Шип. Из бокового кармана рюкзака, не снимая его с плеч, он выловил гайку и, прикинув направление, метнул ее вперед.

Гайка, тихо свистнув, улетела вперед и опустилась в листву на тропинке.

— Вот теперь по крайней мере можно идти, — удовлетворенно сообщил Шип.

— А сколько до автокооператива?

— Да рукой подать. Только вот не знаю, бандиты же...

— Ну, мы с ними договоримся. Они же тоже люди, да? — подбодрил его Вадим.

— Я бы от них подальше держался. Ну ладно, я-то что, человек местный, меня тут все знают, ну а ты — твое дело. Пошли, в общем. — Сталкер решил и двинулся вперед.

Не успели они дойти до того места, где упала гайка, как очередь из «Калашникова» вздыбила у них под ногами фонтанчики мокрой земли и ошметков листвы.

— Ну вот, приехали, — буркнул Шип. Снял с плеча и положил на землю автомат. Потом он покорно поднял руки. — Что стоишь? Поднимай руки, бросай оружие, — прошипел он Вадиму.

Малахов спокойно снял свое ружье и прислонил его к ближайшему дереву. Потом поднял руки вверх, показав, что он без оружия, и сразу же опустил.

— Хваталы не опускай, борзой, тоже мне! — за спиной раздался окрик. — И не оглядывайся, сука!

Совершенно бесцеремонно чьи-то руки сорвали с Малахова рюкзак и обшарили карманы.

— Лечь на землю! Хлебалом вниз! — В спину пнули чем-то твердым, скорее всего прикладом.

Не желая злить бандитов, Малахов лег на землю и положил руки за голову. Сопение и возня говорили о том, что кто-то роется в его рюкзаке.

— У, сволочь! — Вадим получил болезненный пинок в бок. — Хотел пушку припрятать?

Ему заломили руки за спину и затянули их тонким пластиковым шнурком.

— Встать! — заговорил другой, хриплый и спокойный голос.

Малахов неловко, окончательно перепачкав одежду, поднялся.

— Можете повернуться, ушлепки, — скомандовал тот же голос.

Вадим повернулся и осмотрелся. Три бандита с автоматами, в спортивных штанах, неуместных в такую погоду, и в кожаных куртках стояли напротив. Шип с испачканным землей лицом стоял рядом, и весь его облик выражал только одно: «Я же говорил!»

— Ты почему пушку прятал? — задал вопрос третий, который до сих пор молчал. Он был болезненно худ, глаза лихорадочно блестели. Говорил он отрывисто и не очень внятно.

— Так вы и не говорили — сдавай оружие, — с демонстративным удивлением ответил Вадим. — Сказали бы, я бы отдал.

— До хрена болтаешь, — заключил бандит. — Ваше счастье, что Сип велел всех приводить, а то бы я тут тебя и положил отдыхать, пока кабаны не подтянутся.

Худой, ничего не говоря, двинулся по тропинке вперед.

— Так, взяли свои манатки и за Дряпой быстро! — скомандовал хриплый.

— А как же рюкзаки? — подобострастно возразил Шип, показав бандиту связанные руки.

Хриплый поднял рюкзак Шипа и повесил ему на шею. Потом точно так же повесил второй рюкзак на Малахова. Шею сдавила лямка, а капюшон, который рюкзак сильно натянул, впился в голову, заламывая ее назад. Вадим тихо выругался, кое-как освободил голову из-под капюшона и зашагал вслед за главарем. Но внезапно остановился и сказал хриплому:

— Ружье возьми, мне оно потом пригодится.

— Вот эта пукалка? — вмешался в разговор третий бандит. Он был коренастым мужичком с неестественно широкими плечами. — Зачем она тебе?

— На зайцев ходить, — невозмутимо ответил Малахов.

Бандит взял ружье и, неловко подергав затвор незнакомого оружия, выстрелил в ближайшую сосну. Хоть кора и разлетелась брызгами в сторону, выстрел не причинил дереву никакого вреда.

— Первый раз вижу лоха, который с дробовиком по Зоне бежит. — Бандит стал палить по деревьям, пока не кончились патроны.

— Теперь тащи его. — Коренастый повесил на шею Вадима и ружье.

«Калашникова», отнятый у сталкера, бандит понес сам, видимо, из уважения к оружию.

Шип удивленно глянул на Вадима, не понимая, почему ружье заряжено дробью, после того как они вместе несколько часов снаряжали смертоносные патроны.

Когда уже казалось, что лямка рюкзака перетерла шею до позвонков, лес впереди расступился, и показалось приземистое одноэтажное здание. Две половинки его были соединены остроконечной кирпичной аркой ворот. На ней была прибита перекошенная табличка «Автокооператив ЛОКОМОТИВ». Гараж, вернее, большой гаражный двор запирался проржавелыми воротами, закрытый на такой же ржавый, как и сами ворота, амбарный замок. За воротами сквозь щели виднелся полусгнивший остов ЗИЛа, в прошлом голубого цвета. Вадим подумал, что первая цель достигнута не с такими уж и большими трудностями.

Пленников провели не через ворота, а через небольшую дверь в левом крыле здания. Видимо, когда-то это была будка гаражной охраны. Даже сохранился продавленный диван, на котором много лет по ночам бодрствовали сторожа кооператива, устав от водки и вечного домино.

Сталкера и Вадима подвели к одному из гаражей во дворе. Открылась маленькая дверь, проделанная в стальных воротах, и из гаража пахло стоялым воздухом, смесью запахов

немытого тела, табака, несвежей пищи и многолетнего перегара. Пленников завели в помещение гаража и заставили спуститься в осмотровую яму, в торце ее был вход в погреб. Сейчас этот пустой погреб был переоборудован под тюрьму. Вадима и Шипа освободили от пластиковых ремешков на запястьях, приковали наручниками к длинной трубе, намертво закрепленной вдоль стены. Дверь в погреб захлопнулась, и наступила кромешная темнота.

Глава девятая

*Мы сегодня взяли в плен
Сто четырнадцать гиен,
Захватили десять дотов,
Восемнадцать самолетов,
Сто один мотоциклет,
Сто один велосипед.*

*Нам достались трофеи:
Сто четыре батареи,
Триста ящиков гранат,
Полевой аэростат
И сто двадцать миллионов
Нерасстрелянных патронов.*

Корней Чуковский. «Одолеем Бармалея»

— Ну что, допрыгались? Говорил — нельзя к бандитам ходить, ничем хорошим это не кончится! — немедленно заговорил Шип трагическим шепотом. — Что теперь делать будем? Отсюда не убежать. А убежать — достанут потом где угодно!

— Не суетись, Юра. Заперли — не убили. Разберутся и отпустят. — Вадим ощупывал в темноте наручники, которыми он был прикован к трубе.

— А если не отпустят? — не унимался сталкер.

— Ну, это еще посмотрим. Не отпустить нас — это постараться надо. Ты же матерый сталкер! Неужели всякую хрень в Зоне не боишься, а этих испугался?

— Я ничего не боюсь, — пафосно заявил Шип, — но...

— Ну и молодец, что не боишься. Надо пока отдохнуть. Дай я тебе наручники отстегну, — спокойно сказал Малахов, беря Шипа за запястье.

— Как отстегнешь?

— Ну, как себе расстегнул. Булавкой. — Вадим легко освободил Шипа. — Тут сухо, можно поспать.

— А смысл? Вдруг придут, а мы спим. И без наручников.

— Слушай, ты вообще чего в сталкеры пошел? — не выдержал Вадим. — Все тебе не так, из простой ситуации боишься выпутаться.

— Да я!.. — Шип так и не смог сформулировать «что он» и замолк.

— Тихо, не шуми. Может, чего услышу.

Но в гараже никого не было, и сверху не доносилось ни звука. Вадим, пользуясь давней привычкой в операциях спать, когда есть возможность, заснул чутким сном. Тем более что сидеть в темноте, выпучив глаза, смысла не имело.

Пленников разбудил громкий разговор над головой. За ними пришли. Дверь в погреб распахнулась, пропустив внутрь слабый свет.

— Пошли к Сипу, козлы, — раздался голос; это был все тот же коренастый.

Он стоял на краю ямы, а в темноту каземата шагнул незнакомый бандит.

— Слышь, Бык, а они не пристегнуты, — удивленно протянул он, обнаружив, что пленники спокойно сидят посреди каземата.

— Порежу Тырю, суку! — только и сказал приземистый Бык.

— Да что вы, ребята, в самом деле? — дружелюбно отозвался Вадим. — Мы что, звери какие-то? Мы же, можно сказать, сами к вам шли, чего вы на нас так вызверились?

— Много болтаешь, — отрезал Бык. — Так, Стос, накинь им зип-локи на ручки, не фиг так к Сипу вести. Не любит он такого инцеста.

Малахов сжал губы, чтобы не улыбнуться. Руки на этот раз затянули очень туго.

Логово Сипа, похоже, главаря, находилось в соседнем гараже. Но в отличие от импровизированной тюрьмы этот гараж был оформлен с примитивной роскошью. Стены и полы были устланы коврами, под потолком висела несуразная хрустальная люстра с коричневыми хрустальными подвесками. Она явно была трофеем из брошенных домов Припяти. Вадим посмотрел на люстру с недоверием, она могла хорошенько фонить до сих пор.

Сип был немолодым человеком, скорее всего родом с Кавказа. Его крупное лицо украшал нос, формой и цветом похожий на баклажан. Для пущей важности на бандите был шитый золотом халат, видимо, из реквизита какого-нибудь театра. Сложно представить, что такой халат наденет на себя адекватный человек. В левой руке Сип держал мундштук кальяна. При этом из-под рукава халата посверкивал «Брегет». Почему-то Вадим подумал, что это китайская подделка. Слишком уж все в этой «малине» отдавало показухой.

На коленях у Сипа лежал ноутбук, и главарь лениво нажимал клавиши, не обращая внимания на пленников. Потом, словно случайно глянув на них, вяло спросил:

— Что надо? Шо пришли?

— Ничего, мы люди простые, — быстро ответил Шип. — Мы просто шли себе, а тут ваши ребята...

— Простые к нам не приходят. А вот козлы забредают, — перебил сталкера Сип. — Спрашиваю — что надо на моей территории?

— Да что вы, ничего. Просто мы мимо шли, мы же не знали, что здесь ходить нельзя. Вот у нас можно всюду ходить, а здесь, оказывается, нет, — продолжал оправдываться сталкер. — Мы ведь просто, ну типа экскурсия. Вот человек, он на Зону посмотреть хотел.

— Что тебе надо в Зоне? — Сип глянул на Вадима мельком.

— Я путешественник. Я по всему миру путешествую. Даже на Джомолунгме был, — сказал Вадим чистую правду. — Я же не знал, что у вас не везде можно ходить... У нас вот везде можно...

Тут скрипнула входная дверца, и в гараж вошел новый человек. Он не был похож на бандита. Аккуратные брюки, не джинсы, не милитари, а классические темные брюки из тонкого шерстяного сукна. Чистые и наглаженные. Белая рубашка с шейным платком, теплый джемпер и еще более теплая стеганая жилетка. На безымянном пальце золотой, но не пошлый перстень. Судя по всему, человека этого здесь уважали. Стос, усевшийся на табуретку слева от входной двери с «калашом» на коленях, даже сделал вид, что привстал со своего места.

— А, Михаил Иванович! Заходите, тут у нас очень интересные субъекты, — сверкнул фиксой Сип. — Один говорит, что он путешествует по миру, второй вообще ничего внятного не говорит.

— Почему я не говорю! Я честный сталкер! — внезапно взвился Шип. — Я просто по найму работаю!

— И кто же тебя нанял в таком случае? — Михаил Иванович вступил в разговор, не скрывая неприязни к пленникам.

— Ну как кто? — Шип ткнул пальцем в Вадима. — Он.

— В Зоне не нанимают левые визитеры, — мрачно ответил тот, кого назвали Михаилом Ивановичем. — В Зоне без Сипа даже муравья за гусеницей не посылают, понял? А тех, кто без крыши работает, знаешь, что ждет? Сип, давно ты паяльник в руки брал? Пора над памятью поработать.

Речь этого человека разительным образом отличалась от интеллигентного вида и скорее подходила бы Сипу, который в присутствии этого человека вдруг стал говорить как раз нормально.

Сип нехорошо хохотнул. У Шипа то ли от волнения, то ли еще от чего покраснели лицо и лысина.

— Да что, я не понимаю? Чего вы на меня? Я на дядю Сеню работаю. Он меня послал, — растерянно пролепетал сталкер.

Я знаю всех, кто на него работает, не заливай, сейчас ты, красавчик, надолго запомнишь правила! — не унимался Михаил Иванович.

— Я недавно у него, — пискнул Шип совсем безнадежно.

— Сейчас мы узнаем, какой ты дядисенин. — Сип достал сотовый и набрал номер. Вадим удивился, что в Зоне работает связь.

После короткой беседы Сип сообщил:

— Ладно, пусть катятся. Только сюда не суйтесь. — Царским жестом Сип показал, что пленники свободны.

— Пусть сталкер себе идет, — неожиданно опять вмешался Михаил Иванович. — А этот пусть расскажет, что он в рюкзаке тягает и зачем.

— Ну, я пошел, да? — пытаюсь не глядеть на Вадима, спросил Шип.

— Иди-иди. Скажи там, на улице, мужикам, что я тебя отпустил. Шмотки свои заberi.

— А «калаш» отдадите? Зона как-никак, — уже нормальным голосом спросил сталкер.

— Да, скажешь пацанам. Иди отсюда. — Сип сделал жест рукой, словно отпускал на волю раба.

— Нет, подождите, у меня есть прелестная идея, — остановил сталкера Михаил Иванович. — Зачем нам с серьезным оружием человека отпускать? Пусть возьмет ружье вот этого.

Михаил Иванович кивнул в сторону Малахова.

— Пусть с дробовиком выйдет из Зоны. А не выйдет, так вина на этом пижоне будет. — Михаил Иванович подхватил прислоненный к стене ТОЗ и вручил сталкеру.

— И патроны свои с дробью возьми. — Михаил Иванович подобрал коробку, выпавшую из рюкзака Вадима, и отдал ее Шипу. — Может, зайца подстрелишь. Любишь зайчатину, сталкер? Вижу, любишь, так что спеши, тут кругом псевдоплоти рыскают, тоже, видать, на зайца вышли.

— А может, я завтра? — Шипу история с псевдоплотями совершенно не понравилась.

— Нет, сегодня. — Михаил Иванович громко засмеялся.

— Ну, пока тогда. — Чуть побледневший Шип подхватил рюкзак, оружие и шмыгнул в дверь.

— Вот народ, — буркнул себе под нос Малахов.

— Итак, господин хороший, давайте начистоту, — сказал Михаил Иванович. — Не нравится мне, для начала, скажем, содержимое вашего рюкзака. Станный ты путешественник. А мы таких не любим.

— А что не так с моим рюкзаком? — спросил Вадим.

— Нет, вы посмотрите на этого. — Возмущению Михаила Ивановича не было предела. — Он тут из себя святую невинность строит!

Мужчина подошел к рюкзаку и резко пнул его ногой. Из вещмешка высыпалось пакеты пайков, патроны и остальные вещи.

— А ну подними вон тот кулек! — Михаил командовал, словно он был тут самый главный, без оглядки на Сипа.

Вадим поднял пакет, в котором хранились артефакты Сухого.

— Вот смотри, Сип, — обратился Михаил Иванович к главарю и высыпал артефакты на пол. — Это что, человек погулять вышел?

Вадим не понимал, что было страшного в протухших артефактах Сухого, и подумал, что этому Михаилу Ивановичу совершенно безразлично, куда и зачем шел Малахов. У этого типа, видимо, была одна цель — вывести его из равновесия.

Полностью осознав это, Вадим внезапно успокоился.

— Зачем тебе это? Где взял? — прорычал Сип.

— Я с собой их принес, — ответил Малахов. — Купил в баре. У сталкера. Имя не знаю, лицо забыл.

— Я же говорю, врет он все! — закричал Михаил и наотмашь ударил Вадима по лицу. — Он еще скажет, что весь хабар он сам в Зону принес.

— Ты за кого нас держишь? — Сип хоть и говорил зло, но не срывался в истерику, как Михаил Иванович.

— Да ни за кого не держу, — ответил Вадим, вытирая кровь с лица. — Я просто такие же хотел найти. А то эти протухли. А как называются — не знаю. Взял сталкеру показывать.

— Сип, шлепнуть его надо, мутный человек, — не унимался Михаил.

— Ну, шлепни, — легко согласился Сип.

— Сип, ты знаешь, я таким не занимаюсь. Дай человека, я прослежу, — скорчил брезгливую рожу Михаил Иванович.

— Бык, оформи клиента, — вяло проговорил Сип и, кажется, полностью потерял интерес к происходящему.

Бык молча, словно примитивный робот, подошел к Вадиму, схватил его за связанные запястья.

В вечерних сумерках, под тем же промозглым морозящим дождем, Бык вел Малахова, держа за руку. Вадим отметил, что из-за пояса сзади у бандита торчала рукоятка «Тауруса». А в правой руке Бык сжимал за цевье неизменный автомат. Рядом, чуть позади, шествовал Михаил. Он успел надеть ветровку и накинуть на голову капюшон.

— Допрыгался, хитрый, — бурчал в спину Михаил Иванович. — Вот подумай, стоило ли твоей жизни то, что ты сюда пришел? Хотя уверен, что и жизнь твоя — никчемная, как и смерть. Небось учился, семью завел, а денег нет? Решил в Зоне шахер-махер устроить? А тут такое не проходит.

— Слушай, умник, иди знаешь куда? — сказал Вадим. Голос у него был спокойный, словно он был на прогулке в парке, а не шел на собственный расстрел.

— А ты не нервничай! Чего ты нервничаешь? Вот видишь, уже из себя вышел! — не унимался Михаил Иванович.

Они уже прошли главные ворота, на этот раз не через боковой проход в комнате охранников, а через калитку, которую отпер Бык. Обойдя кооператив справа, вышли по тропинке к небольшому болоту.

— Вот здесь, в трясине, твой труп и сгниет! — Михаил вещал, словно комментатор на стадионе.

— Могу поспорить на патрон для «калаша», что сгниет тут твой труп, — сказал Малахов, глядя поверх голов на туман, встающий над болотом.

— Стой тут, — скомандовал Бык, поставив Вадима у самой кромки болотной трясины.

— Ты меня убивать будешь? — В голосе Вадима промелькнула легкая ирония. — Со связанными руками? Ну, ты и крут. Боишься, да?

— Я? Тебя, вошь? — Бык неспешно вытащил нож и перерезал зип-лок на руках у Малахова.

Бандит поддался на простую провокацию. Не успел он убрать нож, как Вадим, не оборачиваясь, одним движением заломил ладонь Быка внутрь и подхватил выпавшее лезвие. Резкое движение, и бандит рухнул на землю с ножом, торчащим между шейных позвонков. Пока падал труп, Вадим успел выхватить свой «Таурус» из-за пояса Быка.

Михаил Иванович удивленно смотрел на ствол револьвера, направленный ему между глаз.

— Ну и кто теперь здесь главный? — спросил Вадим. — Выбери место в болоте, где гнить собрался.

— Ты хоть попадешь? — только и смог спросить Михаил, все еще пытаясь спровоцировать Вадима.

— Да уж не промажу, не беспокойся. Ты лучше мне расскажи, кто ты такой и что здесь делаешь?

— Я просто ученый... — начал Михаил дребезжащим голосом.

— Обезьяны бывают ученые. Так мне вчера в баре сказал один тип, больно на тебя похожий, — перебил его Вадим. — Что ты тут делаешь в Зоне, в банде?

— Я исследую социальные потоки в Зоне, мне важно знать психологическую атмосферу. — Михаил Иванович был сама любезность. Он заглядывал в глаза Малахову с искренней готовностью сотрудничать и даже дружить.

— Ладно, врать ты можешь кому-нибудь другому. — Вадим знал, что любые исследования в Зоне проводят только под эгидой ООН и никак не люди из России. — Ответь мне тогда. Где найти Байкалова? Человека с оранжевым «ситроеном»?

Михаил Иванович побледнел.

— Не знаю я никакого Байкалова, — отрезал он.

— А что так испугался? Я дьявола вызвал?

— Лучше ты подальше держись от этих дел, только и сказал Михаил. — Я могу тебе помочь.

— Мочи его, Вадим, — раздался голос из глубины леса.

— Ты смотри, Шип! Уже и не чаял, что ты появишься, — улыбнулся Малахов, не отводя взгляда от Михаила.

— Замочить его надо. — Шип вышел из зарослей. — Он же сейчас к бандитам чесанет, и потом они нас по всему лесу будут гонять, как бешеных собак.

— Не суетись, привяжем к дереву, рот заткнем. Часа два будет времени, не догонят.

— Я буду молчать как рыба, — жалобно проговорил Михаил Иванович. От его напора и пафоса не осталось ни следа. — Я действительно никому ничего не скажу, я признаюсь, я был с вами необоснованно жесток, но ведь это просто ошибка, ведь вы можете простить человека, который признает свою вину?

И тут Вадим совершил ошибку. Он на секунду оглянулся на stalkера, повинуюсь непонятному порыву. Михаил, воспользовавшись этим случаем, резко, совсем неожиданно для его возраста, ринулся в сторону, Шип, не задумываясь, поднял ружье и выстрелил. Но выстрел произвел совершенно не тот результат, который ожидал Шип. Чтобы остановить убежавшего, stalkер выстрелил в ногу, чуть выше левого колена, с такого короткого расстояния было нетрудно попасть. Левая нога в районе колена от выстрела переломилась пополам и, так как беглец по инерции продолжал движение, болталась на обрывках штанины. Сделав полшага, Михаил с глухим стоном упал.

— Я же... оно же, — растерянно пробормотал stalkер.

— В коробке были патроны, которые я снарядил. С жаканами. Вот теперь ты можешь убедиться, что жакан делает с жертвой, — сказал Вадим и направился к раненому. Правда, я никак не думал, что придется с его помощью охотиться на людей.

Михаил Иванович был без сознания. Из культи, пульсируя, вырывалась струя крови. Малахов расстегнул ему куртку и вытащил из брюк ремень. Потом туго перетянул раненую ногу, пока не перестала хлестать кровь.

— Пойдем, — сказал Вадим Шипу. — Он еще не скоро придет в себя, успеем уйти.

— Да через десять минут набегут псы! Он не придет в себя, — мрачно ответил Шип.

— Ну, дадим ему шанс. Если он очнется раньше, может доковылять до своих друзей. — Вадим и сам не верил в то, что говорил. — Пошли. А то псевдоплоти налетят.

— Тут не бывает псевдоплотей, думаешь, я на тот развод поддался? Я хотел с тобой остаться! — возмущенно сказал Шип и, распаляя свое возмущение, продолжил: — А куда? Ну, пришли мы сюда, и что? Толку от таких походов, кроме того, что теперь у нас надолго проблемы с бандитами? И потеряли все твои игрушки от Сухого!

— Да я помню, что там за игрушки были. Оно нам надо? Таскать лишнее, — махнул рукой Вадим.

— Да, ты прав. В Зоне такого барахла полно. Вот смотри — просто под ногами валяется. И свежий к тому же! — Шип показал на лежащую под деревом «ночную звезду». — Я нашел!

Глава десятая

*Броня крепка, и танки наши быстры
И наши люди мужества полны
В строю стоят советские танкисты —
Своей великой Родины сыны.*

*Гремя огнем, сверкая блеском стали
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И Ворошилов в бой нас поведет!*

*Заводов труд и труд колхозных пашен
Мы защитим, страну свою храня,
Ударной силой орудийных башен
И быстротой и натиском огня.*

*Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде,
Мы на чеку, мы за врагом следим.
Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.*

*А если к нам полезет враг матерый,
Он будет бит повсюду и везде!
На полный газ работают моторы
И по лесам, оврагам и воде.*

Марш танкистов. 1939 г.
Музыка: Дм. и Дан. Покрасс
Слова: Б. Ласкин

— Я, наверное, тоже нашел то, что мне надо, — ответил Вадим. — Теперь нам на «Янтарь», так ведь?

— Э нет! — сразу возразил сталкер. — До «Янтаря» с голой... с голыми руками нам не дойти.

— Тебе «калаша» мало? — Вадим подобрал оружие мертвого Быка.

— Да нет. Туда без ночевки не дойти уже. Пошли домой, надо запас взять, да и с мужиками перетереть — что и как. Палм что-то молчит... А потом, патроны к ТОЗ-у кончились, куда без него в Зоне, ты что, совсем очумел?

— А что нам палм должен говорить? — удивился Малахов.

— Сразу видать, что ты в Зоне первый раз, — менторски изрек Шип. — Палм — это уши и глаза сталкера. Ну, не совсем, правда, уши. Это как бы уши дистанционные. Все, что случается в Зоне, приходит на палм. Я думаю, когда-нибудь и про меня напишут на всех наладонниках: «Погиб Шип». Это ведь красиво!

— А кто же эту сеть поддерживает? Ты хоть понимаешь, что наличие такой сети говорит о том, что в Зоне существует охрененный информационный комплекс! Это же просто фантастика, не то что ваши кровососы, собаки и кондукторы! — Вадима история с палмом очень заинтересовала.

— Всякое говорят, — протянул сталкер. — То ли сверхразум, то ли тайные хозяева Зоны. А нам-то что? Работает, да и ладно!

— Ясно. Мне тут как раз на базаре, еще за периметром, продали один. — Вадим остановился и выудил из кармана тот самый наладонник, с помощью которого он вошел в Зону. — Он тоже тут работать будет?

Шип с видом эксперта взял наладонник и стал внимательно изучать. Изучение заключалось в том, что он потыкал в экран пальцем, повертел гаджет и, не добившись ничего, вернул устройство назад.

— Странно, — сообщил сталкер. — Тут нет никаких данных о владельце. Палм не регеный. Странное дело... Ну, мы потом, вне Зоны, попробуем с ним что-то сделать. Пока он того...

Обратную дорогу Шип выбрал далеко не прямую. Закон не возвращаться тем же путем он соблюдал строго.

— Вот нам тот лесок обогнуть по срезу немножко, а потом через бурьяны, — объяснял по дороге сталкер. — К сумеркам поспеем.

— А что в этом леске? Не сидят случайно упыри с контролерами?

— Ну, как... Как повезет. Но, надеюсь, проскочим. У тебя ж патроны еще есть? — Шип был настроен оптимистично.

От промозглой сырости болели плечи и колени — влага пропитала всю одежду до самых последних складок. Дождь хлестал так, что казалось, эти холодные струи летят и с неба, и в небо, и слева, и справа, заливают глаза и затекают в рукава, и так было и будет всегда.

— Сколько еще? — Вадим терял терпение.

— Откуда я знаю сколько? Мы в Зоне. Когда придем, тогда и придем. А ты вообще лучше бы нормально укладывал рюкзак, чтобы не греметь, как кладбище столовых приборов, — зло ответил изнуренный Шип.

— Иди в жопу. — Вадим тоже был на пределе. Он попрыгал на месте, и его рюкзак не издал ни единого звука. — Я умею укладывать вещи.

— А что это гремит, как танк на... Ой. — Шип приложил ладонь ко рту, как будто пытался поймать нежеланное слово, готовое сорваться с губ.

Из-за редкого леса уже совершенно явно раздавался металлический лязг.

— Это что за звон? Мелиорация болот в разгаре? — спросил Малахов.

— Хрень какая-то. Чтобы в Зоне что-то ездило, надо очень много и старательно стараться, — с легкой дрожью в голосе ответил Шип.

— В смысле?

— Не может машина ездить по Зоне. Не может! Она сразу влетит в аномалию.

— А если за рулем человек с пониманием?

— Не... ай! Что это? — Шип махнул рукой, показывая куда-то за спину Малахова.

Вадим оглянулся. Ломая хрупкие деревца, на опушку выполз асфальтный каток. Никакого водителя, вернее, оператора в кабине этой машины не наблюдалось. Каток, тяжело перевалив через противопожарную полосу, выполз на непаханое поле, давя стоялые бурьяны.

— Это ты его так испугался? — сдерживая смех, спросил — Это же прямо смерть, какой страшный монстр!

— Тихо! — резко одернул его Шип. Вадим замолчал.

Железный лязг исходил совсем не от катка. Все сильнее и сильнее скрежет тяжелого металла наполнял пространство.

— По-моему, пора валить, — тихо сказал Шип.

— Почему? — спросил Вадим и сразу же понял бессмысленность своего вопроса.

Опрокидывая деревья, кроша покрытую прелой хвоей землю, из леса показалась армада транспортных средств. Рыча моторами, загребая влажный чернозем ковшами, впереди шли три экскаватора. Колеса с давно сгнившей резиной чудесным образом не погружались в грунт, а важно и неотвратно несли машины вперед.

Вслед за экскаваторами на открытое пространство вылез целый выводок вертолетов. Были они потрепанные, с обломанными лопастями роторов, с выломанными люками и вырванными стеклами иллюминаторов. Но словно в страшной агонии вертолеты угрожающе вращали кульями лопастей и плоскостями хвостовых винтов. Неведомая непонятная сила влекла их по земле.

За вертолетами показалась несметная орда пожарных машин. Выйдя из леса, они разорвали воздух воплями тревожных сигналов. Вадим не видел такого множества пожарных машин и такой истерики сирен со времен своей миссии «09.11.01». Пожарки сменили два старых и поломанных танка. Пушки были срезаны автогенном давным-давно. Только чудо спасло гусеницы от разрушения. Правда, у третьего танка была только одна гусеница. И, спасая своего товарища, два других поддерживали его бортами, чтобы он не стал елозить по кругу.

У этого железного марша был предводитель. Горбатый «запорожец», таща за собой на проводах зажигания выпавший из-за ветхости кузова мотор, следовал впереди всей ржавой армии. Время от времени он, каким-то образом ухитряясь оставаться самым быстрым транспортным средством всей армады, останавливался, нервно помигивая разбитыми фарами и попискивая слабым клаксоном. Желтые облупившиеся бока «запорожца» были видны отовсюду, и металлические собратья малыша, услышав его призыв, начинали двигаться чуть быстрее. Но как только главарь уходил в отрыв, машины опять притормаживали, экономя силы. Не выдержав такого неравномерного движения, желтый автомобиль вернулся в самый хвост колонны и, подгоняя, с размаху ударил бампером шагающий экскаватор. Потом «запорожец» вернулся на авангардную позицию.

— Вот же блин. У меня первая машина была «запорожец», — не к месту сказал ошарашенный Малахов.

Техника выползла на поле и застыла, возбужденно урча двигателями. Казалось, орда железных монстров ждала команды. Но вот, ухая и свистя паром, появился последний стальной исполин. К стае присоединился паровой шагающий экскаватор. Откуда он мог взяться в Зоне и тем более откуда он вообще мог взяться, знали только боги. Неуклюже выставляя свои лыжи-хожни, шагающий экскаватор вылез на открытое пространство и замер, нервно посвистывая стружкой пара.

Армада железных воинов ждала приказа, чтобы ринуться в бой. Шип и Вадим словно зачарованные смотрели на этот металлический шторм, не понимая, что происходит.

— У вас такое регулярно? — спросил Вадим.

— Не глупи, впервые вижу, — вполголоса ответил Шип.

— Они что ищут?

— Спроси что-то попроще, — прошипел сталкер. — Если я ни разу такое не видел, то откуда я знаю, что они ищут?

Машины словно только и ждали, чтобы люди голосами выдали себя. Опять взревели на максимальных оборотах моторы, и железная стая ринулась на людей. Уже никто из машин не соблюдал исходного порядка. Первыми, трубно крича, вперед вырвались пожарные машины, за ними экскаваторы. Инвалиды вроде танков и вертолетов, разбрасывая комья чернозема из-под гусениц и сломанных шасси, спешили, но не могли догнать более расторопные машины. А позади, сипя и присвистывая, неотвратимо, как закат, двигался шагающий экскаватор.

— Это что, жопа настала? — поинтересовался Вадим.

— Это, это... — не нашел слов Шип. — ВАЛИТЬ НАДО!!! — заорал он изо всех сил.

Малахов и сталкер, насколько позволяло разведанное пространство впереди, бросились бежать. Железо, словно учуяв дух погони, взревело во сто крат громче и двинулось за людьми. Хрустели от натуги оси, стучали пальцы поршней, выжимая всю мощь из изношенных двигателей. Металлическая орда охотилась на человека.

— Вон туда. — Шип показал на овраг, рассекающий луг, как военная траншея. — Они не перелезут!

— А мы, — сбивающимся от бега голосом спросил Вадим, — перелезем?

Шип только отмахнулся и прибавил ходу. Казалось, что запах горячего масла уже заполняет легкие, и от лязга железа по спине пробежали злые мурашки. Добежав до края оврага, Шип, не раздумывая, прыгнул вниз. Вадим последовал за ним и сразу пожалел. Овраг был достаточно глубокий и с крутыми краями. Сгруппировавшись перед встречей с мокрым песком, Вадим избежал тяжелых травм, но потом, несколько раз перекувыркнувшись, все-таки сильно ударился боком о какой-то шальной корень, торчавший из земли. А вот Шип словно и не падал. Он уже ловко карабкался по противоположной стороне оврага. Вадим последовал за Шипом, скользя подошвами по земле, по хлюпающему от воды песку, и все-таки выбрался из оврага вслед за Шипом. Тот к тому времени уже гордо возвышался на краю обрыва и глядел на приближающуюся железную стаю.

— А если бы там ловушка была? Ты подумал о том, что нас могло ждать в этой яме? — просил Вадим, пытаясь хоть как-то стряхнуть грязь с одежды.

— Так все равно погибать, — философски заметил Шип. — Пойдем отсюда, не хочу я смотреть, как они выть на той стороне будут.

Шип повернулся и зашагал по лугу к дальнему лесу, предварительно бросив гайку. Малахов, понимая, что сталкер прав, покорно пошел за ним.

— В ельнике Сидорович, надо будет поздороваться, — сообщил Шип, показав на деревья.

С этими словами он оглянулся и изменился в лице.

— Ой, мама...

Вадим тоже оглянулся и не поверил своим глазам. Возле оврага шла активная работа. Машины, словно понимая, что преодолеть препятствие им просто так не удастся, начали организованную операцию. Шагающий экскаватор подошел к самому краю оврага и аккуратно, слой за слоем, снимал грунт со склона, делая его пологим. Длинная стрела, метров в девяносто, позволила разрыть землю, не сходя с места. Закончив работу, экскаватор осторожно спустился вниз.

Вадим с Шипом как замороженные смотрели на работу машины. Шагающий экскаватор, забравшись в овраг, стал оттуда обрабатывать второй склон.

— По-моему, у нас осталось совсем немного времени, — произнес Вадим. — Они же не попрутся за нами за Зону?

— Не должны, — с сомнением ответил Юрий. — Надо хоть до Сидоровича добраться, он тут свой.

И они опять припустили по лугу, прокладывая путь к уже недалекому лесу. Тем временем машины дождались, когда экскаватор сделает подходящий спуск и подъем, и продолжили погоню.

Техника выползла из оврага и опять построилась в боевые порядки, только что-то произошло с экскаватором, и он жалобно загудел, застряв прямо на рабочем месте. Привод одной из лыж не выдержал нагрузки, захрустели шестеренки, и сломанная конечность застыла. Никто из машин не вернулся, чтобы помочь попавшему в беду гиганту. Законы железных организмов оказались жестокими.

Высокий бурьян не давал Малахову и Шипу бежать достаточно быстро, размокшая трава цепляла за ноги, и двигаться становилось все трудней и трудней. Расстояние сокращалось, и Вадим уже стал прикидывать в уме возможные варианты развития событий. Но тут из леса, до которого оставалось метров сто, показался человек.

— О, Сидорович, — обрадовался совсем запыхавшийся сталкер.

Шип остановился, вставил в рот два пальца и свистнул так, что у Вадима зазвенело в ухе. Человек на опушке, кажется, увидел их. Он помахал рукой, полез в карман и достал оттуда какую-то черную коробочку. Потом опять призывно помахал рукой. Беглецы, собрав последние силы, ринулись к нему. Пот Малахову заливал глаза, а легкие, казалось, забились угольной пылью. Каждый шаг отдавался болью в колене, сказывалась старая травма. Но все-таки спасительная опушка приближалась. Сидорович пошел навстречу, впрочем, не очень быстро. Малахов и Шип поравнялись с ним, когда до толпы машин оставалось метров двадцать не более. Сидорович, пропустив людей за спину, поднял черную коробочку в

правой руке и нажал на ней кнопку. В воздухе раздался высокий чмокающий звук, словно кто-то отключил автосигнализацию. Машины застыли как вкопанные, заглушив двигатели.

— Чего взбесились?! — заорал на машины Сидорович. — Мало я вам гаек пооткручивал? Вот сволочи! Точно, их кто-то науськал. Ведь никогда без спросу со свалки не выходили, а тут! — Сидорович был вне себя.

— Слушай, откуда тут шагающий экскаватор? — поинтересовался Шип, как только восстановилось дыхание. — Откуда в Зоне шагающий экскаватор? Тут что, карьеры или, там, не знаю что?

— Да сам пришел, говорят. Шел мимо и тормознул на кладбище техники. Ладно, пошли ко мне, передохнете. Сидорович, — представился он Малахову.

— Вадим.

Они обменялись рукопожатием.

— А вообще, что это за полтергейст? И как ты их успокоил?

— Да успокоить проще простого. Эта коробочка, — Сидорович потряс той самой черной коробочкой, — издает звук, будто у машины сигналку включили и типа заблокировали мотор. А они же тупые, сразу в кому впадают. Привычка. Вот только не пойму, чего они вдруг на вас так вызверились. Нет. Точно, в Зоне кто-то новый шкодит.

Сидорович направился к своему дому, на ходу продолжая говорить:

— А вот, мужики, ходят слухи, что тут с техникой очень интересное место есть. Вроде как кусок шоссе, и на нем из ниоткуда появляется колонна транспорта, совсем странного, не нашего, и метров через сто исчезает. Вроде как в никуда уезжает. И говорят, что транспорт этот вроде как телепатией управляется. Не встречали?

— Нет, — отрицательно помотал головой Шип. — Не встречали, а я даже и не слышал, а что?

— Да нет, говорят, — не согласился Сидорович, — просто, если бы мне одну такую машинку кто пригнал, ему бы уже всю жизнь не надо было горбатиться и по Зоне шастать. Есть покупатель один, из Эмиратов. Так что, точно не видели?

— Нет, — в один голос сказали Шип и Вадим, уставшие от бега по полю.

— Жаль, — вздохнул Сидорович. — Я бы хорошо заплатил. Так что вы подумайте, вдруг увидите, так сразу ко мне и гоните.

Жил Сидорович в добротной избушке, явно построенной уже после катастрофы. Аккуратные, пропитанные олифой бревна, стеклопакеты на окнах. От жилища веяло миром и достатком. Над трубой вился легкий ароматный дымок, в печи пекся хлеб.

— Ну, заходите, показывайте. — Сидорович открыл дверь, приглашая внутрь.

— Так мы это, без хабара вообще. У нас, типа, экскурсия, — объяснил Шип. — Мы так, поздороваться просто зашли. И уже пора, скоро темнеет, а дел до фига. Спасибо, что помог!

— Да не за что. — У Сидоровича моментально пропал к гостям интерес, и он с радостью попрощался. — Ну, если что, заходите. А к поселку вот тут через лесок по тропинке!

— А чего это ты так сразу решил уйти? — поинтересовался Вадим, после того как они удалились на порядочное расстояние от дома Сидоровича.

— Да он гостям рад, только если ему хабар принесли, а так... С ним лучше ухо остро держать. Угостит, покормит, а потом еще вычтет из хабара при продаже. Знаем мы таких, — ответил многоопытный Шип.

По узкой лесной тропинке пришлось идти гуськом. Пару раз сталкер предупреждал об опасности, один раз переждали, пока ветерок не прогнал бродячую «карусель». Хвойный лес, скорее островок леса, был темен, и что там, в глубине, — совершенно не просматривалось. Но когда Малахов и Шип пошли по тропинке, которая стелилась вдоль сосен, Вадиму показалось, что он увидел в темноте что-то странное.

— Это что тут у вас, диснейленд? — спросил он.

— Где?

— Да вон, в чаще!

И вправду, приглядевшись, можно было рассмотреть, что в лесу происходит активное движение. Когда глаза привыкли к сумраку, картина стала совсем ясной. В чаще развлекались зомби. Они собрались в хоровод и кружились медленно и неотвратно вокруг нескольких елочек. Те, кому не хватило места в круге, построились в три ряда, как детский хор на утреннике, и гудели что-то диссонансное.

— Что это они? — спросил Вадим.

— Ну, видать, веселятся. Зомби последнее время странные пошли. Если раньше они все толпами бегали, как чумные, так теперь потише стали. Я как-то даже видел одного с гармошкой. Я думаю, они что-то замышляют. В любом случае в зомби надо сначала стрелять, а потом разбираться.

— А зачем в них стрелять? Милые интеллигентные люди. Я вот помню, у нас в жэке был кружок пения и танца для пенсионеров, очень похоже, — улыбнулся Вадим.

— Это ты с ними мало встречался. Зомби — он и в Африке зомби. Валим, пока они нас не увидели.

— Вот паникер, — пробормотал Вадим и последовал за Шипом. — То машин боишься, то зомбей.

Когда они отошли на порядочное расстояние от леса, Вадим спросил:

— Слушай, а когда у зомби поведение поменялось, недавно?

— Да как завалили Радар, так и... — начал рассказывать Шип, но вдруг оборвал себя: — Так, тихо, граница Зоны!

Привычно промелькнула стена белого тумана, и Вадим в сопровождении сталкера вступил в теплый летний вечер вне Зоны.

Глава одиннадцатая

*Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.*

*Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.*

*Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.*

*Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?*

*Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.*

*Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.*

*Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.*

*Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?*

28 декабря 1903
Александр Блок. «Стихи о прекрасной даме»

— Все, нет моих сил, иди сам в бар, — мрачно произнес Шип, войдя в дом и сбросив рюкзак у порога.

— А зачем в бар? У нас перекусить нечем? — Вадим измотался не меньше Шипа, хотя причин усталости не понимал.

— Ты что, с правилами не знаком, без доклада дяде Сене нельзя. Но не обязательно мне, у тебя лучше получится. Я тут пока вещи разложу. — Шип неожиданно так устал от похода, что не нашел в себе сил пойти даже в бар.

Вадим тяжело вздохнул, но, прекрасно понимая, что неписанные правила лучше не нарушать, отправился в бар.

Он медленно, словно ожидая подвоха, открыл дверь и прошел внутрь. Поздний вечер в баре был горячим временем, и на Вадима никто не обратил внимания. Помня строгое предупреждение Шипа, Малахов первым делом подошел к бармену и сказал, что хотел бы доложиться дяде Сене. Циркуль степенно кивнул и предложил пока выпить пива у стойки. В баре свободных мест не было. Вадим с удовольствием сделал первый, большой глоток пива. То ли он уже привык, то ли просто после Зоны у него изменились ощущения, но пиво показалось очень вкусным. Или опять Циркуль налил гостю эксклюзива. Не успел Вадим глотнуть пива второй раз, как к нему подошел человек и предложил пройти к дяде Сене. Малахов хотел оставить пиво на стойке, но потом вспомнил, как Лямблий еще пару дней назад ходил на доклад к Сене с пивом, взял с собой бокал.

— Ну, садись, садись. — Дядя Сеня весело улыбался. — Впервые вижу человека, который, войдя в Зону на два шага, столько шуму наделал.

— Да какой там шум. — Вадим и не сомневался, что Сеня знает все подробности их путешествия и что доклад — это скорее всего просто ритуал. — Так, пришлось отбиваться подручными средствами. Это же не криминал?

— Ну, тут я, конечно, немного виноват, — покачал головой дядя Сеня. — Надо было сразу по сети кинуть, что Шип на меня работает. Ну а Сип редкий отморозок, надо будет им заняться. Нашли что-то?

— Ну, больше потеряли, чем нашли. «Ночную звезду» одну. Но зато четыре артефакта от Сухого, что он на память оставил, там бросили. Да и не смогли до «Янтаря» дойти.

— Ну, такие находки только для баловства. А ты мне лучше скажи, ты ведь Байкаловым интересуешься? — Дядя Сеня глянул жестко, с подозрением. — Мне говорил народ из бара...

— Да, — не стал скрывать Вадим. — У меня есть к нему один личный вопрос.

— Ну, это твое дело, зачем он тебе. Но сам факт, что ты, человек, пришедший оттуда, — Сеня ткнул куда-то за спину большим пальцем, — знаешь о существовании этого типа и, более того, хочешь его увидеть, — крайне интересен. Мы с тобой потом еще поговорим об этом. Давай отдыхай, ты же завтра, я так понимаю, опять идешь?

— Надеюсь, — ответил Вадим и встал из-за стола, не забыв свой пустой бокал.

Он вернулся к стойке и попросил еще. Циркуль, на лице которого не дрогнул ни единый мускул, налил пива и поставил перед Малаховым рюмку с водкой, накрыв ее соленым огурцом.

— От заведения, — произнес Циркуль, не глядя на Вадима, в ответ на его удивленный взгляд. — Потом к Малче иди, она ждет уже. Ее, кстати, Наталья зовут.

Вадим без труда нашел жилище Малчи, ее домик уютно устроился в дальнем конце поселка. Сразу можно было догадаться, что здесь живет женщина. Газон перед домом был пострижен, то там, то здесь среди травы торчали аккуратные розовые кусты. А по стене над окном вился удивительный экзотический плющ. Входная дверь была покрашена трогательной розовой краской и разрисована вручную ромашками.

— Да заходи! Там не заперто! — Из-за двери Малчиной обители тянуло чем-то вкусным, скорее всего там жарили картошку на подсолнечном масле. — И плюнь на эту вазу!

Малахов осторожно открыл до конца входную дверь и вошел в освещенную тусклым светом прихожую.

— Наташа, какую вазу? — удивился он, не найдя в прихожей не только вазы, но и вообще никакой мебели.

Хозяйка вышла в коридор. Она вытерла ладони передником и осмотрелась.

— Да, действительно... — улыбнулась Малча. — А ведь было бы классно — входит кто-то, я ему говорю про вазу, и она падает на пол.

— Ты «Матрицы» пересмотрелась, — изрек мрачно Малахов.

— Да зачем мне «Матрица», пойдем, я тебе коржик дам. — Малча повернулась и обратно на кухню. — Иди сюда, не топчись там. Я в кино не хожу, я вообще больше телевизор смотрю, — бросила она через плечо. — Вот недавно ООН очень интересный ролик показывала.

— Малча, вот что не надо мне рассказывать, так это то, что ты телевизор смотришь. Здесь телевизоры не работают. — Вадим понял, что разговор будет совсем не о том, о чем намечался. — А ты никому не рассказывала об интересных роликах ООН?

— Я похожа на человека, который бежит по Зоне и орет — вот смотрите, тот самый Стрелок объявился?

— Я не Стрелок, — произнес Вадим. — И никогда им не был. Даже думать об этом нельзя.

— Ага, ща. Попадалец. Садись. — Хозяйка указала на стол посреди большой кухни, скорее похожей на столовую. — Можно подумать, я не знаю, кто ты и зачем здесь.

Пока Вадим устраивался, женщина немедленно поставила на стол бутылку водки и простую сельскую закуску. Черную икру, рокфор, разрезанный пополам большой белый трюфель, домашний хлеб, сливочное масло, явно не заводское. Подумав, Малча подвинула табуретку к подвесному шкафчику и извлекла банку маринованных белых грибов.

— Вот так-то лучше для беседы. Ты наливай, не женское это дело. Пока по маленькой, потом и картошка поспеет. — Малча подождала, пока наполнятся рюмки, и, подцепив вилкой миниатюрный боровичок, произнесла: — За тебя, искатель.

Наталья лихо опрокинула рюмку и закусила. Потом, густо намазав два куска хлеба икрой, один пододвинула ближе к Малахову.

Вадим за два укуса проглотил бутерброд и, не обращая внимания на изысканный трюфель, потянулся за вторым.

— Ну, рассказывай. Я пока трюфель спрячу, а то воняет, как пропан-бутан. Я думала, ты их любишь, а ты, оказывается, сторонник простой пищи.

— Что рассказывать? — недоуменно произнес Малахов. — Ты же сама меня позвала. Мне сказали, что у тебя ко мне дело есть.

— Да мало ли, что сказали, — усмехнулась женщина. — А сам прикинь. Вот приехал сюда, тычешься, как кутенок, с Шипом связался. Это вообще дурная примета. Особенно для него самого. Расскажи, что ты ищешь? Хотя я, наверное, и сама могу сказать.

— Это ты сказала, не я...

— Да ты ешь-то икру, ешь! Мне ее девать некуда, после того как один безумный сталкер нашел заговоренную банку. — Малча проследила, чтобы Вадим наконец дожевал бутерброд, и постучала ногтем по пустой рюмке. — Я так думаю, что ищешь ты не хабар, не сферу золотую, а самого себя, не так ли?

— Ну, за понимание, — передразнивая популярного актера прошлого, произнес Малахов.

— За него! — согласилась Малча, с третьей попытки наколов скользкий грибок на вилку. — Так вот, — продолжила она, — скажи мне прямо, ты ищешь того, кто тебя подставил в прошлый раз?

— Ну, в том числе, — уклончиво ответил Вадим.

— А если это не кто-то, а что-то или, к примеру, аномалия Зоны такая? Ты же не высечешь «воронку» плетью? Или не перевоспитаешь кровососа? Хотя последнее не

факт. — Малча смотрела на Вадима хитро. — Ты все-таки определись для начала, у кого узнать хочешь? У Зоны?

— Я... — начал Вадим.

— Ой, слушай, а то я опять забуду, ты можешь мне лампочку ввертеть? — вдруг перебила его Наталья и встала из-за стола.

— В смысле? — Малахов почему-то смутился.

— Вот блин, вы там, в Москве, совсем ошизели? Повторяю по слогам: В-вер-теть лам-поч-ку! В люстру, а не куда ты там думал, — засмеялась Малча.

— Я из Киева, — угрюмо бросил Малахов.

— Ну, конечно же, это меняет дело радикально. У них там резьба левая. На, стрелок. — Малча протянула небольшую картонную коробку, в которой лежала спиральная люминесцентная лампа. — Вот, в люстре заменить надо. Дотянешься?

— На стол можно?

— Ну... — протянула Наталья.

— Я сапоги сниму, а ноги я мыл, — немедленно сказал Вадим и, не дожидаясь ответа, сбросил сапоги Сухого и ловко залез на стол. Как только он достал лампочку из коробки, она засветилась прямо у него в руках.

— О, отлично, не горелая, — обрадовалась Малча, — вкручивай.

Когда с лампочкой было покончено и Вадим, слегка ошарашенный происходящим, сел за стол, Наталья осторожно поинтересовалась:

— Так у кого ты будешь искать ответа?

— В смысле?

— Ну, кто виноват в провале твоей первой миссии? — уже прямо спросила Малча.

— Я все-таки думаю, что это людских рук дело. Или чем там это делалось. — Вадим вдруг понял, что ему очень нравится черная икра, и намазал еще два бутерброда. Для себя и для хозяйки. И понял — что-либо скрывать от Малчи не имеет смысла.

— Есть факты? — Малча встала и проверила, не подгорает ли картошка.

— Да, есть, — прямо ответил Вадим. — Для этого мне надо найти Байкалова.

— Вот как. — Малча, сжав губы, поставила рюмку на стол и задумалась. — Ладно, о нем позже. А что у тебя от Сухого? Говорят, он тебе пакет оставил. Сухой был не тот человек, который старым приятелям подарки дарит. Просто так дарит.

— С Сухим вообще дело темное. Он мне оставил набор артефактов. И велел следовать за ними. Мы с Шипом подумали и предположили, что это просто наметка на маршрут, по которому надо пройти.

Аромат жареной картошки постепенно заполнил кухню. Из-под тумбочки показалась мышиная мордочка и нервно зашевелила усами. Хозяйка заметила и шикнула, прогоняя голодного зверька. Мышка шустро пробежала вдоль стенки и скрылась под веником.

— Свой маршрут всегда надо пройти, — тихо произнесла Малча, глядя туда, где только пробежала мышь, и отправилась накладывать картошку. — А что в конце пути?

— Да мне не так важна цель, — ответил Малахов. — Просто чтобы искать, нужно идти хоть куда-нибудь, само не придет.

— Это если только, когда ты будешь искать, не будешь убегать от того, что ищешь, — загадочно произнесла Малча. — А зачем ты комиссара убил?

— Какого комиссара? — удивился Малахов. — М-м-м, картошка у тебя вкусная.

— Мужу ногу кто отстрелил, там, у Сипа? Я таких комиссарами называю. Не за столом, конечно, будь оно помянуто. — Малча положила себе микроскопическую порцию и попробовала ее осторожно.

— Объясни, я не понимаю, что ты говоришь. — Вадим ловко накалывал картошку, которая была пожарена до той нежной ломкости, которая получалась у Вадима редко, вернее сказать, никогда не получалась.

— Да вот такие личности тут странные в Зоне появились. Не так давно. Ничего не ищут, ничего не делают. По точкам расселись. Да ты налей еще. Ты что, ждешь, когда нагреется?

— А ты знаешь зачем? — Вадим твердой рукой налил по полной рюмке и поднял свою.

— Ну, что знаю я, не всем поможет. Но одно могу сказать — осторожно с ними надо.

— Кстати, — Малахов вспомнил недавнюю встречу, — а Степан Андреевич, тип такой, в баре отирается, не комиссар случайно?

— Ты все правильно понимаешь, — усмехнулась Малча. — Только этот совсем какой-то... ну, узенький, убогий. Видать, потому дальше бара и не ходит. Ну ладно, давай по последней и топай. Тебе на завтра надо подготовиться, а у меня дел невпроворот.

— Про Байкалова так ничего и не скажешь?

— Не торопись... Ну, давай! — Малча выпила оставшуюся в рюмке водку и встала, показывая, что аудиенция окончена. — Байкалов все сам скажет.

Вадим прихватил с собой бутерброд с икрой, попрощался с хозяйкой и отправился напрямик в бар, где его уже ждал Шип.

— Слышь, тебя опять дядя Сеня хочет. — Шип нервничал от излишнего внимания начальства.

— Ну, пусть хочет. А что ему надо? — Малахов сел на свое место и показал Циркулю издалека пустую пивную кружку Шипа и два пальца, мол — неси две, хотя пить уже не хотелось.

Что-то совершенно неуловимое после разговора с Малчей беспокоило его. Словно давно забытое ощущение или неуловимый запах.

— Ну, пошел я к нашему Сене. — Малахов поставил пустой бокал, который он опорожнил залпом, и пошел в глубь зала. Навстречу ринулся громила, пытаюсь остановить.

— Тузик, пропусти, — раздался тихий голос дяди Сени. — Я его жду. Садись, долго ты собираешься. — Дядя Сеня был недоволен, ясно, что ждать он не привык, и произнес эти слова с особой интонацией, в которой скрывались грозные раскаты.

— Как освободился, пришел, — ответил Вадим.

Дядя Сеня посмотрел на Малахова с некоторым удивлением, но ничего не сказал.

— Я узнал про твои терки с Сипом, считаем, инцидент исчерпан. Таки твоей вины нет, это все недоразумение.

— Отлично, — кивнул Вадим. — Спасибо за понимание.

— Теперь у меня к тебе дело есть. Ты, говорят, Байкаловым интересуешься? — Голос дяди Сени чуть изменился, немного, но настолько, что Вадиму стало ясно — разговор начинается серьезный.

— Ну, в общем-то да. Вы уже спрашивали.

— Ты с ним знаком или как? — осторожно поинтересовался Сеня.

— Да нет, вопрос у меня к нему, — повторил свои прежние слова Вадим.

— Какой? — не отставал Сеня.

— Приватный, я уже говорил, — отрезал Вадим.

— Ты, видать, фрукт не простой. По крайней мере не тот, кем кажешься, — мрачно пробормотал дядя Сеня. — Но это дело твое. А у нас тоже есть интерес к этому Байкалову.

— У вас?

— Ну, скажем так, есть люди, которые за его голову очень много дадут, — пояснил дядя Сеня и, подняв руку, шелкнул пальцами.

Через мгновение ему принесли рюмку с коричневой жидкостью. Даже после всего выпитого Вадим смог понять, что это армянский коньяк.

— Думаете меня киллером нанять? — спросил он напрямую.

— Я не нанимаю никого. Люди, если хотят, работают на меня по собственному желанию. Это их личный выбор. И тебя я не хочу нанимать. Одно скажу, этот твой Бай, как его еще называют, много народу положил. И продолжает убивать. И если ты с ним встретишься, то по окончании этой встречи только один уйдет живым. — Дядя Сеняпил коньяк, смакуя каждую каплю, так аппетитно, что Вадиму опять захотелось выпить.

— Ну и? — не выдержал паузы Вадим.

— А то «и», что если ты уцелеешь, во что я мало верю, и если ты принесешь мне хоть какое-то свидетельство того, что Бая нет, считай, мы тебе будем очень обязаны и благодарны.

— А где его искать? Раз уж вы заинтересованы, то, может, подскажете? Хоть наметку дайте.

— Там, где смерть, там и ищи. На вот. — Дядя Сеня взял в руки конверт, который лежал рядом с ним на стуле, и положил его перед Малаховым.

«Что-то за последний месяц мне надавали пакетов с фотографиями больше, чем за предыдущие десять лет», — подумал Вадим, беря в руки конверт. Он открыл его и извлек несколько фотографий. На них были только мертвецы.

— Вот такое остается от человека после встречи с твоим Байкаловым, — хриплее, чем обычно, сказал дядя Сеня. — Считай, что это его автограф. Вот по таким следам и ищи его.

Мертвецы на фото были очень похожи друг на друга — словно мумии или умершие в страшной жаре трупы. Как будто из них высосали все соки.

— Это как же такое возможно? — Вадим положил фотографии обратно в конверт и вернул Сене.

— Вот у него и спросишь. Будет у тебя два вопроса вместо одного. И обещаю — мои люди тебя теперь не тронут. Ни один, кто хотя бы краем уха слышал обо мне. Завтра выходи. Шипу скажу, чтобы не копался, как он обычно копается.

Поняв, что и эта аудиенция окончена, Вадим вернулся за свой стол.

— Ну что, завтра с утра на «Янтарь», — скорее сообщил, чем спросил он у Шипа.

— Ну, давай, только надо собраться. Давай сейчас вот пообедаем, по маленькой дернем и пойдем собираться, да? — Шип не хотел никуда и никогда идти.

— А может, пойдем собираться, а потом будем пьянствовать? — вложив в голос максимум металла, произнес Вадим, зная, чем кончается у Шипа «по маленькой».

Глава двенадцатая

*Плоти — плоть, духу — дух,
Плоти — хлеб, духу — весть,
Плоти — червь, духу — вздох,
Семь венцов, семь небес.*

*Плачь же, плоть! — Завтра прах!
Дух, не плачь! — Славься, дух!
Нынче — раб, завтра — царь
Всем семи — небесам.*

9 мая 1918

Марина Цветаева

С грохотом распахнулась входная дверь, и в бар ворвался человек с автоматом в руках.

— Прорыв в ста метрах отсюда! — истерично закричал он и немедленно выбежал наружу.

Все, кто находился в помещении, немедленно ринулись на выход, подхватывая оружие. Тяжело вздохнул Циркуль, вытащил из-под стойки древний ШКАС, взвалил его на плечо и, прихватив коробку патронов в рассыпной ленте, вышел вслед за всеми. Только дядя Сеня остался недвижим в глубине зала.

— Что там? — Вадим остановил рванувшегося за всеми Шипа.

— Прорыв! Это значит, из Зоны всякая мразь к нам лезет. Не остановить — всем конец. Тут уже не до других дел.

Вадим понял, что и вправду происходит нечто нехорошее, когда, уже на улице, увидел, как все обитатели поселка с оружием бегут в одну сторону. Народ спешил к развалинам строения, видимо, когда-то служившего гаражом для грузовиков или другой тяжелой техники. Люди заняли оборону напротив этих руин. На полуразвалившихся кирпичных стенах чудом держались проржавевшие железные ворота, запертые на висячий замок.

Обороняющиеся стали полукольцом у того места, где должен произойти этот самый прорыв. Полуразвалившаяся стена старого гаража отсюда, с позиции, где стоял Малахов, казалась нематериальной, словно видел он ее сквозь марево нагретого воздуха.

— Сейчас полезут, видишь, проход формируется? — прошептал за спиной Шип. — Готовься.

— Да чего бояться? Объясни, ну, пролезет мутант, это что, проблема? Да его с полпинка завалить и спать дальше. — Малахову непонятен был такой ажиотаж вокруг вероятного прорыва из Зоны. — Вон посмотри, человек полтора, все с оружием. Кабанов боитесь, или кто там должен появиться?

— Кабаны — игрушки, — мрачно изрек Шип. — Даже кровосос — ерунда. Вот если бюреры рванутся... Тут непонятно еще, кто стрелять будет и чем все кончится.

Не успел сталкер окончить фразу, как неустойчивое марево лопнуло, разорвав пространство, и из разлома стены в гараже ринулась стая слепых собак. Они неслись, как лемминги, под которыми и земли не видно, выливаясь потоком из Зоны. Застучали «калаши», брызгами полетела в стороны черная собачья кровь. Собаки, встретив сопротивление людей, как по команде изменили тактику, словно ими кто-то управлял. Они, появившись из распластанного воздушного марева, сразу же растекались в стороны, стараясь прорваться к флангам обороны. И им это удавалось.

Переноса огонь на фланги, людям пришлось ослабить его в середине, а лавина собак росла, теперь как трезубец наседая и в центре, и по флангам. Несмотря на шквальный огонь, стая насадала и сокращала расстояние между авангардом прорыва и обороняющимися людьми. Вот в самом центре в смертельном броске одна из собак вырвалась вперед и в прыжке нацелилась клыками прямо на горло одного из оборонявшихся.

Загудел басом ШКАС Циркуля, звук авиапулемета можно было легко узнать. До человека долетела только голова пса, туловище разнесли очереди автоматического оружия, но даже так челюсти собаки сомкнулись на шее человека. Защитник городка упал и, катаясь по земле, попытался сбросить с себя окровавленный капкан. Помочь ему никто не мог, потому что нельзя было прекращать огонь ни на секунду.

Сил людей явно не хватало. Злобно взвизгнув, из цепи обороняющихся отступил тот самый бандит, который в первый же день наехал на Малахова в баре, и побежал прочь от гаража, в безопасное место.

Стая, словно оценив обстановку, стала соединять центральный и левый фронты, пытаясь смять левый фланг обороны, явно теряющий огневую мощь. Через секунду огонь защитников поселка в этом месте захлебнулся — стая врзалась в людей, и теперь уже каждый был за себя. Выли собаки, отлетая со вспоротыми животами и разорванными автоматным огнем боками. Выли от боли люди, в которых впились собачьи клыки. Стая побеждала.

Но когда казалось, что прорыв неминуем, сзади загремела очередь двух крупнокалиберных пулеметов. Их дополнили хлопки автоматических гранатометов. Жители поселка не заметили, как подошли два «Хаммера» войск ООН и включились в схватку.

— Ну, все, надо сматываться! — заорал Шип Вадиму на ухо, стараясь перекрыть грохот пулеметов. — Дальше тут без нас обойдутся.

Сталкер перекинул автомат за спину, развернулся и потрусил к своему жилищу, до которого было рукой подать.

— А чего сматываться, объясни, — догнал его Малахов.

— Все просто. Сейчас проход вакуумной бомбой закроют, а тех, кто был в обороне, начнут трясти. Документы проверять, разрешение на пребывание в Зоне. Мы же здесь все нелегалы.

— А почему именно сейчас?

— А проще некуда. Когда надо прорыв закрыть, так и мы им нужны, и они нам. А вот если патруль чуть от периметра вглубь пойдет... Ну, в общем, мало не покажется. В общем, у нас такой симбиоз. Хрупкий.

— Симбиоз, говоришь? Ха... — Малахов не ждал от Юрия таких слов.

— Так, пойдем собираться, а то... — Шип, кажется, принял окончательное решение.

— И часто у вас такая карусель?

— Ну... Не часто. Конечно, прорываются монстры. И даже к самому периметру добираются. Но тут, — Шип показал в сторону прорыва, — впервые.

Вадим и сам помнил, что проходил периметр в том месте, где кто-то из мутантов разрядил мины, явно вырвавшись за пределы Зоны.

— Ладно, пошли домой. Готовиться. — Шип, вмиг протрезвевший и усталый, повернул к дому.

Но на этом день не окончился. Из-за угла вышли три фигуры и преградили дорогу. Главенствовал тот самый бандит с фиксой и лысым черепом.

— Ну и кто тут понтовый такой? — В темноте сверкнула золотая фикса. — Вас, пацаны, учить надо, или что?

— О боже! — в сердцах воскликнул Шип. — Это еще что?

— Это, видимо, кто-то малограмотный. — Вадим не воспринимал этих бандитов всерьез. — Хочет, чтобы мы с ним поделились.

— А может, ты, Вадим, отстрелишь ему яйца? — Шип поддержал Малахова.

— Какое? Левое, правое? — поинтересовался Вадим, глядя на бандитов.

Те стояли, остолбенев, не понимая, о чем речь. Что-то в интонациях Малахова и Шипа было такое, что заставило урок испугаться.

Бритоголовый попытался вернуть инициативу:

— Ты шо, пала, по рогам хочешь? — Он помахал в воздухе пистолетом.

Вадим тяжело, с глубоким сожалением, вздохнул, молниеносным движением достал свой «Таурис» и сделал два выстрела. Первый выбил пистолет из рук бандита, второй отстрелил ему большой палец на левой ноге. Бритоголовый упал тяжелым кулем и, подвывая, схватился за ногу.

— Ну а теперь по яйцам? — спросил Вадим Шипа.

— Давай!

Но стрелять было уже особенно не в кого. Лысый качался по земле, а два других исчезли так быстро, что даже весенняя трава еще не успела распрямиться там, где они только что стояли.

— Вадим, не трать патроны, — с веселым энтузиазмом сказал Шип. — Я просто ножом отрежу.

Юрий двинулся к лежащему. Тот, взыв, как дикий зверь, подскочил и несуразными прыжками скрылся в темноте.

— Ну, теперь точно спать! — удовлетворенно резюмировал Вадим.

Глава тринадцатая

*...Обідрана, сиротою
Понад Дніпром плаче;
Тяжко-важко сиротині,
А ніхто не бачить...
Тільки ворог, що сміється..
Смійся, лютий враже!
Та не дуже, бо все гине, —
Слава не поляже;
Не поляже, а розкаже,*

*Що діялось в світі,
Чия правда, чия кривда
І чії ми діти...*

Т. Г. Шевченко

*Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою,
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...*

Н. А. Некрасов

Грязь чавкала под ногами уже второй час. Вадим шел, отставая на шаг от Шипа, полностью доверившись ему. Он тихо проклинал ботинки, к которым грязь липла с каким-то особым азартом, килограммовыми слоями. Наверное, или день был такой спокойный, или Зона отдала все свои силы на прорыв, но сегодня, за все время движения к Агропрому, ничего не произошло. Один раз вдали мелькнул кабан, но людьми он не заинтересовался. И один раз Вадим вдруг ощутил, как его накрыло волной липкого ужаса и смертельного холода. Шип, почувствовав то же самое, сказал, что где-то тут прячется бюрер, но и тому не было особого дела до людей. Даже гниющая листва вдоль дороги не пахла тленом так остро, как обычно. И Вадима стало в который раз глодать сомнение.

— Слушай, Шип, а может, мы неправильно поняли игрушки Сухого? Вот ведь что. В других местах «бенгальских огней» нет? Может, есть какая-то другая связь между этими артефактами?

— Ну, ты же это... сам решил. Одно могу сказать, я уже говорил, если бы мне нужно было набрать «огней», я бы полез на Агропром, а если бы «вспышка», то в «Янтарь». Так что решай сам. Мне не головоломки решать надо, а за дорогой следить, — сердито ответил Шип.

— Ладно, все равно ничего другого в голову не приходит. А мусолить сто раз одно и то же не хочется. — Вадим поправил свой ТОЗ, который все время сбивал с плеча рюкзак.

Они шли по разбитой бетонке, слева и справа тянулись черные, непонятно кем и когда вспаханные поля. От дороги их отделяла чахлая посадка, совершенно прозрачная и неживая. Казалось непонятным, как в этой вечной осени сохраняются редкие желтые листья на полуживых деревьях, они должны были облететь уже много раз.

— Стой. — Шип резко остановился. — Видишь?

Вадим и сам почувствовал что-то необычное. Мрачное растрескавшееся шоссе впереди, метрах в двадцати, вдруг становилось идеально ровным, как будто его построили два дня назад. Свежее покрытие играло мелкими вкраплениями искрящихся кристаллов. Даже свеженькая разметка сверкала белой краской. Такой отрезок, прямо как с рекламы «Дорстройтреста», тянулся метров шестьдесят.

— Не нравится это мне, — заявил Шип, ошарашенно вертя головой. — На таком шоссе никто и никогда разметок не делал.

— Не говори банальности. Даже мне понятно, что тут не пройти, — ответил Вадим. — Лучше скажи, по полю идти можно?

— А что поле? — растерянно спросил Шип. — Откуда я знаю?

— Блин, кто тут сталкер, ты или я? Да ведь поле — оно тоже в идеальном состоянии! Или у вас тут агрофирмы обосновались — пашут и боронят ежедневно?

— Ладно, ладно, расшумелся. — Шип внезапно обрел уверенность, полез в карман своих полуармейских штанов и достал горсть гаек. — Сейчас проवेशаем путь.

Выбрав гайку, сталкер примерился и кинул ее в лесопосадку метрах в десяти слева от дороги. Ничего необычного не произошло.

— Вот по лесопосадке и пойдем. Она нормально выглядит, — удовлетворенно сообщил сталкер.

— Только ты винтики-гаечки кидать не забывай, да? — Вадим сердито напомнил Шипу его обязанности.

— Да кину, кину. Вот дойдем до первой гайки, так и кину, — успокоил его сталкер, но пошел все-таки крайне осторожно, внимательно глядя под ноги.

После первой гайки последовала вторая, потом третья. Вроде бы путь был безопасен. Но от этого тревога внутри Вадима только росла.

Четвертая гайка по дуге ринулась сквозь деревья посадки. С хрустом ломаемых веток и пугающим хрипом с ближайшего ясеня рухнуло громадное существо. Вадим был готов поклясться, что только что на этом дереве никого не было. Падая, чудовище успело всей силы ударить лапой Шипа, отбросив его метров на пять вперед. Теперь монстр стоял между Вадимом и Юрием. Не обращая внимания на Малахова, который был гораздо ближе, он двинулся к Шипу.

Кровосос, Вадим его узнал по щупальцам на морде, медленно приближался к лежащему человеку. Правой лапой кровосос прижимал что-то к груди, Вадим не мог понять, что это. А разбираться не было времени. Грохнул выстрел ТОЗа, и голова монстра разлетелась кровавыми брызгами. Зверь, словно не замечая этого, как обезумевший робот приближался к Шипу. Еще два выстрела отсекали кровососу ноги и пробили в спине дыру в том месте, где могло быть сердце. Монстр прополз еще немного, загребая по земле свободной рукой, и, перевернувшись на спину, замер. Несмотря на то, что чудовище было уничтожено, Вадима все равно не отпускало неприятное ощущение, словно опасность не ушла, а только выросла. Его сковал бессознательный страх.

Малахов осторожно, с колотящимся сердцем, подошел к поверженному кровососу, прикладом ружья отбросил его лапу, которая прижимала что-то к груди. Это был сверток из старых тряпок. С чудовищным усилием, словно сквозь пелену, поглощающую сознание, Вадим попытался чуть подтолкнуть сверток ногой в надежде, что он развернется. Брать в руки кровавый ворох тряпок не хотелось. Но тот, прокатившись по листве, зашевелился и от движения развернулся. Внутри был младенец.

В ужасе Вадим отпрянул. И вовремя. Шип с остекленевшими глазами поднялся и пошел на Малахова, неуклюже пытаясь перекинуть автомат из-за спины. В голове у Вадима что-то щелкнуло, сказались многолетние тренировки, и он на мгновение проломился сквозь холодную темноту, окутавшую его сознание. Малахов осмотрелся и скорее по наитию, чем осознанно, выстрелил в смутное темное пятно на противоположной стороне шоссе. Раздался короткий хлюпающий возглас, почти скрытый в грохоте ружейного выстрела, и мир вокруг вернулся в обычное состояние. Шип стоял напротив и растерянно озирался. В грязных пеленках жалобно плакал младенец. Шел противный осенний моросящий дождь. Сталкер присел на корточки и несколько секунд смотрел в землю, время от времени потряхивая головой. За это время Вадим подобрал с земли младенца и перепеленал его в запасную трикотажную майку, которую достал из рюкзака. Потом он завернул ребенка во флисовое одеяло.

— Да, славно контролер порезвился. — Шип пришел в себя. — Посмотри, шоссе-то такое же, руины Парфенона, а не покрытие.

Вадим посмотрел на дорогу — и вправду на месте вылизанного и сверкающего куска дорожного полотна опять была разбитая бетонка. И еще Вадим увидел, как в посадке по ту сторону шоссе крадется человеческая фигура.

— Стой, стрелять буду, — заорал Вадим и выстрелил в воздух.

Человек, прятавшийся в деревьях, был невысокого роста, в удобной камуфляжной одежде явно какой-то солидной фирмы — она хорошо скрывала среди листвы и не болталась, как дешевая рыболовная или охотничья роба. Он задержался на минуту, а потом опять ринулся, пригнувшись, вдоль придорожных кустов.

— Стреляй гада! — закричал Шип.

— Не буду. Во-первых, жакан с большой вероятностью о кусты ударится, развернется и улетит черт-те куда. Во-вторых, на фиг нам человек? Нам бы с этим разобраться. — Вадим протянул Шипу запеленатого младенца. — Что это вообще может значить? Ведь ее не было на дереве. Как же мы прозевали?

— Во даешь! Да она же стелс-режим завела, и ее фиг увидишь. А вот это убить надо, — уверенно сказал Шип. — Не будь контролера, фиг бы она полезла на нас. И нянчила бы сейчас своего выродка.

— Кто она и почему надо убить ребенка? — Вадим с возмущением посмотрел на stalkера.

— Она — это самка кровососа! Вот кто. Они, когда детенышей кормят, не охотятся. И не ребенок это, обычный кровососий выблядок.

— А мне кажется, что обычный человеческий, — поморщившись, сказал Малахов.

— А на кого еще ему быть похожему? Кровососы-то — они от кого произошли? Мутанты и скорее всего потомки местных. Дети у них поначалу, первые несколько месяцев, от наших не отличаются. А потом... Ну, что потом из них вырастает, ты видел. — Шип кивнул на труп кровососа.

— Я не готов убить нечто, не отличающееся от человеческого ребенка, — категорически ответил Малахов. — И тебе не дам. Оно что ест? Вернее, сосет?

— Как что? Молоко, вот посмотри, сиськи болтаются. — Шип опять кивнул в сторону убитого монстра.

— Уже валяются, — поправил его Малахов. — У тебя сгущенка есть?

— Не дам, — не очень уверенно сказал Шип. — И если ты такой сердобольный, то надо отнести его к доктору, тут есть один. Он всякую такую гадость у себя дома собирает. Идем посмотрим, что ты там на той стороне завалил. Хотя сто пудов — контролер.

Они осторожно перешли шоссе и подошли к убитому монстру. Вадим впервые видел такое чудовище. Внешне почти человек, но несуразная голова, сейчас, правда, разmozженная, четырехпалые руки и отвратительная, покрытая мокнущими струпами шкура придавали убитому существу омерзительный нереальный вид.

— Повезло, что ты ему в лоб попал, — заключил Шип, потыкав для собственной уверенности тушу палочкой. — А то бы помотал бы он нас по кочкам.

— Не повезло, а куда целился, туда и попал, — ответил Вадим. — А это что у него? Нашее?

— Ерунда какая-то. Никогда не видел у контролеров ошейник. Слушай, так тут еще и поводок! Ну, ни хрена себе дела... — Шип поразился не на шутку.

Он оглянулся по сторонам, зачем-то стыдливо присыпал труп листвой и, кинув гайку, пошел на шоссе. Увидев, что Вадим стоит в нерешительности, махнул рукой:

— Ну что застрял, пойдем, спешить надо.

— Нет, надо ребенка забрать, я все-таки не могу его тут бросить, — отрицательно покачал головой Вадим.

— Тьфу ты, вот зануда. Иди бери! — Шип надеялся, что Малахов побрезгует брать с собой младенца.

— Ну, ты что, тупой? Гайку кинь! — Вадим и не подумал сдвинуться с места до тех пор, пока Шип проверит гайками, что там впереди.

— А... — уныло протянул Шип, жалея гайку. — Ну, на, кидаю.

По провешенному пути Вадим вернулся в посадку, за ним, храня верность stalkерскому долгу, поплелся Шип.

— Слушай, а если она не нападает, чем она тогда питается? — неожиданно для самого себя спросил Вадим.

— Самцы ей приносят еще теплые трупы. У них типа много мужей сразу. — Сталкер побледнел, осознав ситуацию, и с ужасом глянул на Малахова. — Делаем ноги!

Через полчаса они оба были уже достаточно далеко от этого места, рядом чернело здание Агропрома.

— Я так думаю, что в Агропроме сейчас никого нет. Там место спокойное. И у меня в подвале схрон есть. Переночуем, а утром к доктору. Сбагрим это, если до утра протянет. — Шип привык и перестал коситься на спеленатого кровососа в руках у Малахова.

А ребенок был на удивление спокоен. Всю дорогу он спал, предварительно нализавшись сгущенки, которую Вадим подсовывал ему на пальце. Чтобы было легче нести ребенка, Малахов сделал из одеяла импровизированный слинг и теперь отдаленно напоминал цыганку на базаре.

Шоссе было обычным шоссе, как все дороги в Зоне, — разбитым и запорошенным гнилыми листьями, и уже через полчаса исчезло чувство тревоги, которое не проходило с момента встречи с самкой кровососа.

— Да что за хрень. — Шип остановился как вкопанный. — Вон смотри.

У самой кромки дороги лежал труп.

— Интересно, давно он тут? — спросил Вадим.

— Не больше часа. Если дольше — его бы собаки уже истерзали. — Шип кинул гайку и, убедившись, что все в порядке, подошел к телу.

— От же ж! — воскликнул сталкер, перевернув лежащего ничком покойника. — Я так и знал!

Вадим подошел. Убитый неуловимо напоминал мумию. С тем только отличием, что это была мумия в камуфляжной форме, с автоматом за спиной и была она не черной и сухой, а вполне еще свежая. Только впавшие щеки и закатившиеся глаза в темных глубоких глазницах говорили о том, что человек умер странной смертью.

— Ты спрашивал про Байкалова? Не знаю, где он сейчас, но это дело его рук. Или не знаю, что там у него растет вместо рук! Ну, давай, позови его! Ты же его ищешь?! — Сталкер был в истерике. От крика проснулся младенец и тоненько захныкал.

— Тихо-тихо. — Малахов покачал ребенка на руках. — Не ори. Увидим Байкалова — будем разбираться. Веди лучше в свой схрон, не век же мне этому кровососенку нянькой быть.

Тут звякнул сигнал наладонника Шипа.

— Ну, вот — сразу новость повесили. «Агропром, погиб сталкер Пуля». — Шип сунул палм Малахову под нос для убедительности. — А я и не знал Пулю. Слыхал, пару раз про него мужики говорили. Типа он смысл жизни тут искал. Вот и нашел.

До самого входа в Агропром они молчали. Изредка Вадим качал беспокойно спящего малыша, когда тот начинал попискивать. Каждый раз Шип смотрел на это с нескрываемым отвращением. Словно Малахов ковырялся в своей заднице на сцене Большого театра во время премьеры.

Шип подходил к комплексу Агропрома осторожно, останавливаясь чуть ли не через каждые пять метров. Вадим понял, что сталкер шел ко входу, который прятался под короткой галереей с давно разбитыми стеклами. Вдали краснела громада дымовой трубы, выделяясь на фоне серых коробок НИИ. Протиснувшись в узкий проход, который образовывали пять бетонных плит, сложенных аккуратно одна на другую, слева, и гора прямоугольных блоков, сваленных справа, Шип остановился нескольких шагах от входа.

Газовая труба, сохранившая на себе желтую краску, огибала проход, украшая его, как арка портала. В глубине, уже по ту сторону галереи, стояли ржавые ворота с приоткрытыми створками, за ними виднелось большое свободное пространство вроде зала или ангара.

— Вот если ворота эти пройдем, то тогда, считай, уже дома, — прошептал Шип.

— А гайку кинуть?

— Тут нельзя. — Юрий строго покачал головой. — Можно такого накидать.

— А что делать?

— Обычно отмычку посылают. Он должен подойти и посмотреть, что там в зале. Так что ты иди! — беззастенчиво заявил сталкер.

— Подожди, кто кого нанял? — удивился Вадим. — Ты ведешь. Ты и води.

— Если там со мной что случится, ты мне не поможешь, а если с тобой, то я что-нибудь придумаю. Наверное. — Логика сталкера была безукоризненна.

— Черт с тобой. Вот возьми только ребенка. — Малахов протянул сверток Шипу. Тот отдернул руки как от огня.

— Нет! Держи эту гадость при себе!

— Тогда иди сам!

На лице сталкера читалось невероятное отвращение. Его лысина засияла розовым из-под сдвинутого на затылок капюшона.

— Ладно, но это в последний раз! — Шип взял в руки ребенка, словно гремучую змею.

— В первый, — сказал Малахов и, достав из кобуры свой «Таурус», более уместный в этом случае, шагнул к воротам.

Хрустнул под ногами битый бетон и стеклянное крошево. Вадим подошел к воротам и заглянул внутрь зала.

Здесь когда-то располагался склад. Сейчас в большом помещении не было ничего, кроме нескольких разбитых деревянных поддонов, обломков бетона, стекла и пластика и обрывков бумажных мешков. Вадим внимательно осмотрел ворота и, убедившись в том, что это обычные ржавые металлические створки на таких же ржавых петлях, потянул правую на себя. Она, вместо того чтобы открыться, с грохотом рухнула на бетон.

— Ты что, идиот! — заорал Шип. — Кто же ворота трогает!

— Упс, — спокойно сказал Вадим.

Упавшая створка открыла вид на весь склад, теперь его можно было лучше рассмотреть. Ничего не вызывало беспокойство. Изнутри пахло теплой сыростью и запахом битума. Свет в помещение с трудом прорывался из узких окон под потолком, стекла в них, на удивление, были целыми. Пара опорных колонн поросли ржавым пухом, впрочем, не больше и не меньше, чем это встречалось обычно. А одна из колонн стояла, не касаясь ни потолка, ни пола. С такими сведениями Вадим и вернулся к Шипу. Сталкер взбесился.

— Ты что, угробить нас решил? Ты вернулся ко мне той же дорогой! — даже не выслушав, стал ругаться Шип. — Что нам теперь делать?

— Ну, видишь — вернулся. Выжил. И что? А что я должен был делать? Орать тебе оттуда? — Вадим спустил курок револьвера и спрятал его.

— Мог бы и проорать! Что там?

— Мне там одна колонна не нравится. — Вадим показал большим пальцем себе за спину, в сторону входа.

— Да нормально. Я знаю, о чем ты. Она всегда такая. Что еще?

— Ну, пуха там немножко. И все. Ничего я особенного не увидел. Вот нашел штучку! — Вадим протянул сталкеру артефакт, который он походя подобрал у ворот. — Что это? «Огонь»?

— Ну, ты везунчик! — искренне обрадовался Шип. — Считай, «бенгальский огонь» у нас в кармане. Прячь. Кстати, а дед не сидел на поддоне в центре зала? — Голос Шипа дрогнул.

— Нет, не сидел. Там вообще никакого деда не было. А что, часто сидит?

— Да пока еще ни разу его не видели, — сказал Шип и протянул детеныша Малахову. — Забирай своего.

— Это не мой. У меня свой есть далеко отсюда. Надеюсь, его тоже не обижают. А во-вторых, ты что, не видишь, ребенок уписался. Перепеленать не мог?

— Ой, блиин. — Шип только сейчас заметил, что вся его куртка мокрая. — Он что, литрами ссыт? Блин, говорил — прибить это отродье надо! Как я теперь пойду?

— Ну, не ходи. Нам надо бы, кстати, побыстрее. Если не перепеленать, он разорется.

Малахов опоздал с этими словами. Над всем Агропромом раздался обиженный, полный глубокого возмущения и справедливых требований плач младенца. Орал он так, что было ясно — чего-чего, а сил у него много.

— Идем, черт с тобой! — прошипел Шип.

Но пошел он не той дорогой, которой только что ходил в разведку Вадим, а взял чуть левее и приблизился к воротам по дуге. В зале он немедленно свернул направо и, стараясь не касаться стенки, подошел к двери. За ней находилась лестница, ведущая в подвал. Вадим еле поспевал за сталкером. На лестнице Шип достал фонарь и осветил уходящие вниз ступеньки. Темноту бетонных сводов прорезал синеватый свет фонаря. Спускаться пришлось несколько пролетов. Дальше начинался длинный подземный коридор. Пол его был усыпан сорванными хлорвиниловыми квадратами, когда-то служившими покрытием. Сейчас они тихо хрустели и крошились под подошвами ботинок. В подвале было сухо, и затхлый, стоялый воздух был насыщен обычными подвальными запахами — крысиного помета, ржавых водопроводных труб и вечной вони битума из гидроизоляции.

Шип остановился у железной двери и отпер ее ключом, который он выудил из кармана.

— Мой схрон, заходи, — слегка церемонно пригласил сталкер.

Узкий луч фонарика выхватил кучу книг, ящики, но рассмотреть подробно, что же там за дверями, было невозможно. Войдя все-таки первым, Юрий зажег керосиновую лампу, и помещение залил слабый, дрожащий желтый свет. Это была небольшая комната с громадным топчаном посередине и горой армейских ящиков вдоль стен. Впрочем, одна из стен была полностью закрыта полками с книгами.

— Ты много читаешь? — удивился Вадим.

— Да нет... Я просто... — Тут Шип замялся. — Ехал я себе из издательства, вез остатки на слив. Заехал на Щербаковскую. Потом очнулся в Зоне с кучей книг. Ничего не помню. Так и остался тут.

— Надо меньше пить, — заключил Малахов. Давай спать укладываться. Только этого надо накопить.

Шип, повозмущавшись немного, все-таки помог покормить младенца.

Когда детеныш заснул, Шип вдруг стал показывать свои реликвии. Там были и книги, которые он когда-то издавал, и сборники его стихов. Малахов сказал, что почитает их потом, на досуге.

Потом сталкер вспомнил, что они ничего не ели. Он долго копался в своих заначках, перебирал консервные банки. Вадим, который устал настолько, что забыл о еде, сначала хотел возразить, но все-таки дождался, когда Шип наконец выберет нужную банку, нарежет хлеба и сделает бутерброды. Лосось в собственном соку оказался в самый раз. Сталкер, подумав, достал из-за книг на полке чекушку водки. Водка пошла на «ура». Когда все было съедено и выпито, Малахов начал готовить себе ночлег, но тут увидел на полу большую стопку журналов «Ukrainian wireless news» за 1913 год.

— О, а эта фигня тебе зачем? — развеселился Вадим. — Оно же ни на что не годится!

— Ну, — Шип смутился, — я-то знаю, что это вещь бесполезная и бессмысленная. Но думал, что можно на туалетную бумагу пустить. У нас же с этим туго.

— Ну и?

— Все руки не доходят выкинуть, — уклончиво ответил сталкер. И видя, что Вадим ждет конкретного ответа, добавил: — Оно даже как туалетная бумага не работает. Не работает!

Глава четырнадцатая

*Переживи ночь, пересиди день,
Перебеги свет, перебори тень,
Перекричи тишь, перемолчи звук,
До перехода в нет двери входной стук.*

*Не ошибись вдруг, многое не поняв,
Время крошит мозг, все под себя подмяв,
Крутится возле нас, трогает за спиной,
Кажется, не идет — просто ползет волной.*

*Странные хозяева с ночи вползают в дом.
С вечера это плоть, утром уже фантом.
Кто-то кричит вот — новое в нашу жизнь.
Кто-то в своем уме молча прогонит мысль.*

*Кажется, все не то, кажется, все прошло.
Только совсем не так — это не тем смешно.
Смехом не перебить, словом не проломить.
Рядом уже ничто — медведица хочет пить.*

*Только не слушай их, не принимай всерьез.
Это просто вода, а не мокро от слез.
Не перестанет быть, не перейдет в нет
Сотканный из ничто, не на росе след.*

Сергей Слюсаренко. «Крик»

Тревожный сон прервали гулкие удары в дверь.
— Чего надо? — Шип прислонился к стене справа от входа.
— «Долг»! Откройте, проверка документов! — глухо донеслось из-за двери.
— На каком основании? Почему шум подняли, ребенка разбудите! — возмутился Шип.
Последняя фраза вызвала у Вадима улыбку.
— Открывайте, иначе вынесем тут все на хрен!
— Ладно, не спорь с ними, они вообще-то безвредные, — решил Шип.
— Только ты отойди в сторону, а то вдруг окажешься на линии огня, — тихо подсказал ему Вадим.
— Какого огня?
— Моего! Дружеского.
Шип отступил от стены и сбросил дверной крючок. В помещение ворвался свет сразу нескольких фонариков. Вошли три человека в полувоенной форме, в ладно пригнанных бронежилетах.
— Руки за голову! — проревел один из визитеров. В бандане на голове, с торчащей из-за спины дубинкой он был похож на ниндзю-черепашку.
Шип немедленно выполнил команду. Судя по всему, гости, хоть и выглядели матерыми и бравыми черепашками, не догадывались о том, что им в спину смотрит ствол.
— Не оборачиваться, иначе сейчас вы все тут ляжете, — тихо предупредил Вадим.
— Да я! — начал тот, что стоял слева, держа наизготовку «калаш», но не договорил.
Выстрел вышиб из его рук автомат.
— Я не собираюсь никого убивать, если вы гости, представьтесь и объясните цель своего визита. Кстати, руки поднимите, да? — невозмутимо и спокойно произнес Малахов.
— Мы — группа «Долг», ищем бандитов, — ответил главный черепашка.
— У нас нет бандитов. Вы разве не видите? — Вадим обвел рукой помещение.
Тут раздался детский плач. Выстрел и громкие голоса разбудили младенца.
— Вот видите, вас предупреждали, — назидательно сказал Шип, впрочем, все еще держа руки вверх.
— Да мы ничего плохо не хотим, нам просто сказали, что тут бандиты... — Тон у визитеров был уже мирный, если не сказать — извиняющийся.

— Кто сказал? — Шип уже пришел в себя, опустил руки и, подхватив автомат, заговорил уверенно.

— Ну как кто? Старший. Старший и приказал проверить.

— Давайте так, ребята. Отставим оружие и поговорим нормально, согласны? А то мне надо ребенка успокоить. — Шип зажег керосиновую лампу, от ее света как будто стало уютней, чем в нервных лучах фонариков.

Почему-то в этой ситуации Шип стал себя вести так, словно в пеленках лежал его собственный ребенок.

— Ну, что тут говорить — обычным тоном, без признаков милитаризма, заговорил «долговец». — Начальству доложили, что тут, в подвале, бандиты, вот и послали нас проверить. Кто же знал, что вы нормальные мужики. Да и тебя я, кажется, знаю. Ты сталкер. Кривошип, да?

— Шип меня зовут, — недовольно буркнул Юрий.

— А можно спросить, кто доложил? — заинтересовался Малахов. — Да вы, мужики, садитесь, раз пришли. Слышь, Шип, может, по маленькой?

— Да нет, нам нельзя, мы на службе. — Тот, в бандане, который был старшим в группе, замаялся и посмотрел на своих подчиненных.

Даже в тусклом свете керосинки была видна мучительная борьба на лицах «долговцев». Шип, оценив критическую ситуацию момента, немедленно извлек из ящика бутылку водки и несколько граненых стаканов. Вадим тем временем успокоил младенца. После первой завязалась непринужденная беседа.

— Так, в общем, у нас сегодня все спокойно кругом, тихо. Мы уже смену сдали, а тут, командир и говорит, Миша... меня Миша зовут, — представился военный.

Он обменялся рукопожатием с Шипом и Малаховым, а потом оба других «долговца» тоже представились.

— Ну, так вот, он и говорит, Миша, там, говорят, бандиты в подвале. Я ему, кто говорит, а он — Андрей Павлович, говорит, сказал. Ну, пришлось пойти.

— А что это за Андрей Павлович? — поинтересовался Малахов и вопросительно глянул на Шипа. Тот налил еще.

— Да ученый тут, говорят, социолог. Типа от него зависит, будет ли ООН «Долгу» помогать. Я открою, а то стоит на столе, а закусить надо, чтоб начальство не унюхало? — Михаил ткнул пальцем в банку армейской тушенки, которую Шип выложил на стол, но не открыл.

— Давай, — кивнул Юра и достал из заначки кирпич черного хлеба.

— О, откуда это? Свежий, — потрогал Вадим хлеб.

— А ты в зоне человек новый, что ли?

— Ну, в общем, считай, что новый, — кивнул Вадим.

— А вот потому и не знаешь, что если в тесто добавить жгучего пуха, так, всего ничего, то хлеб не черствеет! Правда, только в Зоне.

Шип аккуратно нарезал хлеб, в это время «долговец», которому Малахов вышиб выстрелом автомат, его звали Игорь, ножом открыл тушенку. Потом ее долго, в тишине и сосредоточенности, намазывали на хлеб. Выпили и закусили, и только после этого Михаил вернулся к рассказу.

— Командир сильно этому ученому доверяет. Не нравится мне он что-то. Мутный какой-то тип. Поговоришь с ним, так башка потом гудит. Вот и потребовал вас привести. Наговорил на хороших людей. Вы сходите ж с нами, мужики?

— Да сходим, конечно, чего бы и не сходить. Правда, Шип? — согласился Вадим. — Тем более что и водка-то уже кончилась.

Куриль все вышли в коридор. Шип не позволил дымить в схроне, чтобы не навредить ребенку. Минут через десять, тихо переговариваясь, они пошли по длинному подземелью туда, где сидел командир «Долга». Процессия выглядела достаточно странно. Впереди Шип, знающий коридоры как свои пять пальцев, за ним Вадим с младенцем, а за ними «долговцы», мирно беседуя о какой-то ерунде.

— Слышь, мужик, ты там не ляпни, что мне «калаш» изуродовал, ладно? — попросил Игорь. — Никто не заметит, что у меня другой.

— Да нет проблем. Но следующий раз стучи потише.

— Ну, так кто знал, что тут дешевая подстава? Нам такого нарасказывал Вадим Анатольевич. — Игорь раскаивался в содеянном.

— А это кто? — удивился Вадим. — Еще один комиссар?

— Ну, у нас недавно тут еще один человек поселился, говорит, тоже социолог. Сам без оружия, но всегда там, где стычка, отирается. И что за социолог такой... Такая же гнида, как и Андрей Павлович, но только с начальством не общается, нас перед выходом инструктировал. Я вот... Ой!

Он застыл как вкопанный. Свет фонаря вырвал из темноты фигуры трех кровососов, которые словно поджидали людей в сумраке глухих коридоров. Все вскинули оружие, готовые открыть огонь, но их остановил Малахов. Стрелять в узком коридоре было рискованно, срикшетиравшая пуля могла попасть в кого угодно.

— Не стрелять, попробуем договориться! — Он поднял руку.

Потом выступил чуть вперед и на вытянутых руках показал запеленатого детеныша. Шип, понимая, что это шанс, тоже подошел поближе. Рык кровососов оборвался, они тихонько заурчали, но было что-то в их бормотании необычное. Впрочем, необычность заметили все, кроме Вадима. Для него, никогда не слыхавшего и не понимавшего звуков, издаваемых кровососами, глухое бормотание не говорило ничего. Кровососы нерешительно топтались на месте. Нервно шевелились щупальца с присосками, лоснящимися от смердящего секрета. Один из кровососов, самый матерый, с глубокими морщинами вокруг налитых кровью глаз, развел в стороны лапы, придерживая соплеменников, рвущихся к людям.

Малахов сделал шаг вперед, монстры, поколебавшись, расступились. Еще шаг и еще. Вадим уже находился между чудовищами, он чувствовал их дыхание и мерзкий запах. Сзади сопел от напряжения Шип. Внезапно один из кровососов протянул лапу и подтащил сталкера к себе. Не успел Вадим даже обернуться, как зверь, понюхав куртку Шипа, опустил его. Так мелкими, осторожными шагами прошли мимо монстров. Еще десяток шагов — и бормочущие кровососы остались далеко позади.

— Ну что, Шип? Небось теперь ты не сильно расстраиваешься оттого, что детеныш твою куртку обмочил? — когда спало напряжение, спросил Вадим.

— Еще секунда, я бы и сам того, — сказал Шип и засмеялся.

— Мужики, а объясните, что вообще произошло? — спросил Михаил.

Военные до этого молчали и напряжено сопели.

— Что за новый метод — ребенка совать под нос кровососам? Я, честно, здесь вообще впервые младенца вижу. — Голос Михаила дрожал.

— Да делов-то? — с бесшабашной пренебрежительностью в голосе заявил Шип. — Это кровососа детеныш, а вы что думали?

— Твою мать, — только и вымолвил Игорь и бросил на пол свой сломанный «калаш».

Руководство «Долга» располагалось в другом крыле здания. Пришлось подняться по лестнице на первый этаж, пройти мимо висящей опоры и через маленькую дверь пройти в помещение, которое «Долг» выбрал себе под штаб.

Михаил жестом показал — ждите здесь, сейчас мы все решим. Он открыл дверь и, стараясь дышать в сторону, доложил:

— Товарищ майор, подозреваемые доставлены. Оказались не бандитами. Свои!

— Опять нарушаем, Дмитриев! Я же предупреждал! — послышался сердитый голос.

— А у меня смена кончилась, это я для дезинфекции, — не растерялся Михаил.

— Какой дезинфекции?

— У наших гостей биологический образец живой, вот на всякий случай.

— Так вы привели их или нет? — Майор был крайне раздражен.

— Так точно, товарищ майор! — лихо отрапортовал «долговец» и, отступив от двери, потянул Малахова за рукав, мол — заходите.

Вадим глянул на Шипа и шагнул в помещение.

Штаб был оборудован с армейским аскетизмом. У тыльной стены с грязным зарешеченным окном стоял письменный стол начальника. Стоял он так, чтобы входящие сразу попадали в поле зрения. На столе стоял полевой телефон, графин с пожелтевшими остатками воды, рядом лежал пистолет Стечкина. За столом сидел человек в офицерской, еще советских времен, форме с петлицами артиллериста. Погоны были и вправду майорскими, с защитного цвета звездочками. Майору было на вид лет сорок, он был слегка полноват и явно раздражен. С торца стола сидел штатский. По его облику Вадим сразу решил, что это тот самый социолог Андрей Павлович.

— Документы! — строго потребовал майор.

— Сам свои покажи. — Вадим заговорил неожиданно жестко.

— Да как ты! — Майор покраснел и вскочил.

— А ты? — спросил Вадим. — Ты что думаешь, напялил на себя форму несуществующей армии и уже шишка?

— Виктор Степанович, его надо пристрелить, — бесстрастно сказал сидящий с торца социолог.

— И пристрелю! — Майор взял в руки пистолет.

— Ну и что же ты за майор такой, если штатские гниды тобой командуют? — спросил Малахов.

— Что он себе позволяет? — Андрей Павлович вскочил и двинулся к Малахову. — Ты знаешь, с кем говоришь? Да твоя паршивая жизнь не стоит и гроша! Я сейчас вызову людей...

— Ты чего тут раскомандовался? — неожиданно раздался голос майора, который, повертев в руках пистолет, положил его на место. — Я и сам все могу решить.

— Я... да я ничего, я и... — стал оправдываться штатский, не ожидавший от майора такой реакции.

Вадим, понимая, что ситуацию надо окончательно брать в свои руки, коротким ударом в челюсть уложил социолога на пол.

— Майор, давай теперь с тобой поговорим как военный с военным, без штатских, согласен? — Вадим, как бы невзначай достал из-за спины «Таурус», пристально посмотрел на него и спрятал обратно. — Шип, выйди на минутку, пожалуйста, нам с товарищем майором надо поговорить о серьезных вещах.

Шип, пользуясь случаем, не заставил себя просить дважды и выскользнул наружу, бережно прижимая детеныша кровососа к себе.

— Стой, — остановил его Вадим. — Это заberi!

Он показал на бездыханного социолога. Шип тяжело вздохнул, взял лежащего за ногу и с натугой потащил за собой.

— Садись, майор, доставай, — сказал, а скорее приказал Малахов.

— Ты кто вообще? — устало спросил майор, доставая из тумбы стола бутылку коньяка.

— Неплохо, — сказал Вадим, заметив, что армянский коньяк еще советского производства. — А я думал, что у тебя, майор, память на лица лучше.

— Э... — протянул тот и стал разливать по стаканам в подстаканниках спиртное. — Я сразу понял, что видел тебя раньше. Но не помню. Твоя борода портит диспозицию.

— Свердловская область, 1999 год. Ты тогда летехой был на точке ПВО. Правильно?

— Ну, был... — с нотками сомнения ответил майор.

— Ты в свое боевое дежурство завалил летающую тарелку, помнишь?

— Ну, я не знаю, что там завалили, мне не показывали. Но, согласно правилам боевого дежурства, по приказу вышестоящего начальства, завалил неопознанный летаю... Слушай, вспомнил. Ты с комиссией какой-то приезжал, точно! Там шишки всякие и ты. У тебя на погонах три звездочки было. Я подумал, уже не пацан, а в лейтенантах все еще. Точно! Тебя... Дима зовут?

— Вадим. А звездочки те камуфляжные. Я к тому времени уже две большие имел, но носить не разрешали. Тебя к ордену представили по докладу нашей комиссии. Получил? —

Малахов взял стакан, щедро наполненный коньяком, и, покачив напиток, понюхал его. И вправду, это был армянский коньяк.

— К ордену? — Майор удивленно глянул на Вадима. — Да мне потом сказали, что я частный самолет с журналистами завалил. Точку расформировали, меня на Новую Землю отправили с подпиской о неразглашении, а потом дембельнули через пару лет. Вернее, сам попросился, вот и того... Не врешь про орден?

— Если я выйду из Зоны, клянусь, орден тебе дадут.

— Ну, давай! — Майор чокнулся с Вадимом и залпом опрокинул стакан коньяка, занюхав рукояткой пистолета.

Малахов не стал так спешить и с удовольствием смаковал коньяк.

— Я же потом специально выяснял, по интернету лазил! Сбили мы тогда тарелку, сбили. Видел я фото и доклады всякие. — На майора нахлынули воспоминания. — Штатники даже у себя на сайтах ролик выкладывали, как наши ее изучают.

— Да знаю я, знаю. Сам этот ролик делал. Правда, там, в ролике, все неправда. На самом деле все гораздо хуже было, и надо, чтобы за океаном думали, что все произошедшее — это фейк.

— Фейк? — Майор не понял слова.

— Ну, подделка, но такая... тщательная. Тогда мы нарочно солдатиков нарядили в офицерские шинели с погонами милиционеров. Дилетанты клюнули, за большие деньги его купили. А когда спецы в научных отделах ЦРУ глянули, то посмеялись. — На Вадима наплыли ностальгические воспоминания. Веселые времена были.

— Я не понял, зачем? Шутники, да? — Майор налил себе еще раз и чуть добавил Малахову.

Глава пятнадцатая

*Что-то случилось, нас все покидают.
Старые дружбы, как листья, опали.
...Что-то тарелки давно не летают.
Снежные люди куда-то пропали.*

*А ведь летали над нами, летали.
А ведь кружили по снегу, кружили.
Добрые феи над нами витали.
Добрые ангелы с нами дружили.*

*Добрые ангелы, что ж вас не видно?
Добрые феи, мне вас не хватает!
Все-таки это ужасно обидно —
Знать, что никто над тобой не летает.*

Ю. Левитанский

1999 год. Свердловская область

Потрепанный грузовой АН грузно упал на бетонку. Чиркнули по полосе колеса шасси, оставив, как и тысячи самолетов до этого, черный след на покрытии. Госкомиссия, недовольная полным отсутствием комфорта во время перелета, медленно, на ходу разминая затекшие конечности, вышла на летное поле военного аэродрома в окрестностях Екатеринбурга. Комиссия была не очень представительной. Полковник от генштаба ПВО, майор от органов, Вадим, которого представили комиссии как работника НИИ, и еще какие-то два хмурых мужика из «непонятно откуда» с летными погонами.

К сообщению о сбитом объекте все относились крайне скептически. Так как никаких пропавших самолетов в день происшествия не регистрировали и ни одна страна не сообщила, что на территории России сбили их самолет, следовательно, скорее всего охламон-ракетчик принял метеозонд за нарушителя и завалил его всей мощью своего комплекса. Поэтому комиссия относилась к своей миссии крайне безалаберно. Прямо в самолете, предоставленном Генштабом войск ПВО, нажрались дешевого коньяка и накурили так, что летчик пригрозил открыть грузовой люк для проветривания. Загрузившись в узик-батон защитного цвета, комиссия два часа тряслась по грунтовке, пока не добрались до точки.

Военная часть встретила их крашеной травой, лоснящимися от свежего, еще липкого лака дверями штаба. В части знали о визите комиссии заранее и готовились всеми возможными средствами. В офицерской столовой был накрыт хороший стол, и после сытного завтрака, переходящего в обед, было предложено принять с дороги баньку. Вадим, сославшись на то, что он «уже», от бани отказался. Военные из комиссии не возражали, они все-таки не очень доверяли сотрудникам НИИ, хоть даже и военным в чине старлея, тем более в бане.

— А ты пока сходи поболтай с тем, кто дежурил тогда. Надо же отчет делать, — совершенно не смущаясь, дал указание Малахову полковник, глава комиссии.

Лейтенант, который тогда был в дежурном расчете и который дал команду на пуск ракет, оказался стеснительным молодым человеком. Он, видимо, уже имел не один разговор с начальством, поэтому боялся Вадима, как смерти. Малахову с трудом удалось восстановить события той ночи со скупых слов лейтенанта. Как выяснилось, проходило обычное боевое дежурство. Никаких особых отклонений от регламента не было. Когда на экране появился объект, никак не отзывающийся на запрос «свой-чужой», лейтенант доложил по команде и получил указание действовать на свое усмотрение. На такую провокацию он не повелся и опять запросил инструкций.

А цель двигалась очень медленно, совсем не как самолет или вертолет. Это и вправду было похоже на метеозонд, вот только его траектория никак не совпадала с метеоданными по направлению ветра. И еще объект совершал очень большие эволюции по вертикали. Вадим про себя отметил, что лейтенант был совсем не таким простым запуганным младшим офицером, раз сумел увидеть очень серьезные отклонения в поведении объекта.

Лейтенант уже открытым текстом задал вопрос — что делать с нарушителем, он как раз подходил к закрытой для полетов зоне. Спустя двадцать минут поступил приказ «Сбивайте».

— Ну, я в соответствии с полученными инструкциями и произвел пуск ракеты по нарушителю, — скромно закончил свой рассказ лейтенант.

— И это все?

— Ну... объект был уничтожен с третьего пуска, — мрачно сообщил лейтенант, густо покраснев.

— Мазал? — сочувственно спросил Вадим.

— Да как я мазал, если заряд сработал все три раза. Судя по тому, что было видно на радаре, боевая часть срабатывала на расстоянии больше достаточного для поражения цели.

— В смысле? — не понял Вадим терминологии.

— Грубо — сбивали эти ракеты. А меня потом называли идиотом, — вдруг лейтенанта прорвало, — и сказали, что, если подтвердится, что боевые части не проходили регламента, как положено, с меня башку снимут. Я же к тому регламенту никакого отношения не имею. Это пусковики за этим следят, а не радисты. А тут нашли крайнего.

— Ладно. Не шуми, — попытался его успокоить Вадим. — Мы разберемся, и поверь, никто тебя не тронет, если не заслужил. А если всё так, как ты говорил, так еще и на погоны что-нибудь упадет.

— Да кто там разбираться будет, — уныло протянул лейтенант.

— А где упал объект, примерно координаты знаешь?

— Ну, на карте точно могу показать, я тогда следил за траекторией, — оживился ракетчик. — Вот здесь оно должно быть, — ткнул он пальцем в точку на карте, которую

достал из сумки Малахов. — Ну, если бы это был метеозонд, скажи, он шел бы по дуге на посадку со скоростью километров сто пятьдесят в час? Не падал, плавно шел!

— Да, конечно, странно, — кивнул Вадим. — Туда как добраться можно?

— А никак, там чаща непролазная.

— Вертолет у вас есть?

— Да откуда тут вертолет? — протянул лейтенант. — Бобик у командира, да медичка, но она не на ходу. Ну и тягачи ракетные, но ты сам понимаешь, они только с гаража до позиции ездят. Два километра туда, два оттуда.

— Пошли в штаб, там есть связь?

— Ну, есть, конечно, — удивился вопросу ракетчик.

На пороге их встретил бравый сержант, дежурный по штабу. Отрапортовав, он провел Вадима с лейтенантом к дежурному по части, который дремал на топчане в дальнем закутке.

— Капитан Шабалов, — лениво представился дежурный. Он знал, что приехала комиссия, и поэтому не послал старшего лейтенанта Малахова подальше.

— Капитан, можешь меня соединить с «Траулером-77»? — назвал Вадим код телефонного узла.

Шабалов безразлично пожал плечами и поднял трубку спецсвязи.

— Ало, Маша, соедини меня с «Траулером-77», — сказал в трубку капитан и сразу же передал ее Вадиму. — На, говори, если надо.

— «Траулер», дай мне «Перемычку», — попросил Вадим и, получив новое соединение, продолжил: — «Перемычка», дай «Цинк-17», «Цинк» дай...

Капитан и лейтенант с любопытством наблюдали за этим многократным переключением коммутаторов. Наконец Вадим вышел на нужный аппарат.

— Николай Петрович, это Малахов, — совершенно не по-военному доложил Вадим. — Да, судя по всему, ситуация положительная. Вертолетом могу добраться до точки контакта. Здесь? Секунду... Мужики, тут есть площадка нормальная, чтобы пара тяжелых вертолетов села? — спросил Вадим ничего не понимающих ракетчиков.

— Ну, на позиции, там вполне. Только же траву попортят, и потом... — промямлил капитан.

— Да, говорят, на позиции вполне. Да, после обнаружения я дам точные координаты, прикрытие все-таки готовьте, мало ли что, — сказал Вадим в микрофон. — До скорого!

Он положил трубку и спросил капитана:

— Сейчас сюда пара «вертушек» прилетит, не собьете?

— Ну да как? — Дежурный по штабу не понял шутки. — Нет, конечно.

— Ну и хорошо, проводите меня на позицию.

— Дежурный! — позвал Шабалов сержанта. — Проводи товарища старшего лейтенанта на позицию.

Худой сержант с видимым удовольствием открыл дверь в штаб, пропуская Малахова вперед. Случай прогуляться и отвлечься от нудного дежурства был как нельзя кстати.

— Ну что, ты про сбитый объект, наверное, все знаешь? — спросил Вадим сержанта, когда они отошли на порядочное расстояние от штаба. — Не часто ракеты пускают у вас?

— Да я вообще впервые пуск видел. Мы обычно летом на полигон ездим, на учебные пуски. Ну не все, те, кто уже на дембель уходит, вот они и ездят. Там опытные нужны, — охотно включился в разговор юноша. — А тут такое было...

— А что было?

— Ну у нас же боевое дежурство было, а значит, все строго, все по кабинам, а я пусковик, как раз моя смена была. Я командир расчета. У нас, когда дежурство, ракеты на пусковые не ставят. У нас готовность номер три. Час времени есть для перевода в полную готовность. В кабинах только дежурные расчеты, и тоже байдыки бьют. Мы же вообще не в приграничном районе, а в глубинке. Так что...

Вадим с изумлением посмотрел на сержанта, который вдруг неожиданно проявил слишком глубокое для солдата знание дела.

— Хорошо тут у вас готовят сержантов, — улыбнулся он.

— Готовят. Только я, ну... после военки вообще-то. У меня диплом политеха, и военку я окончил именно по этим комплексам. Но так вот вышло, что... В общем, не получил звездочки, — с сожалением в голосе сказал сержант.

— Это же как надо было залететь? — Вадим присмотрелся к нему внимательней. И вправду парень выглядел чуть старше обычного солдата.

Да и то, что он совершенно спокойно и с достоинством разговаривал с офицером, отличало его от обычного срочника.

— Да как. Ничего особенного. У нас в лагерях сложилась ситуация такая. Оно вам надо, товарищ старший лейтенант?

— Ладно, не хочешь — не рассказывай. Давай лучше про тот день.

— Ну, так вот, — продолжил сержант, — сидим мы с расчетом, анекдоты травим, вдруг сирена. Типа боевая тревога. Это при дежурстве. Значит, надо по полной отрабатывать. Я-то подумал сначала, что просто начальству делать нечего, но учебные тревоги, когда дивизион на дежурстве, это слишком. Такого не бывает.

— А ты не боишься мне говорить, что вы на боевом дежурстве анекдоты травите, а не учите устав? — хитро глянул Малахов.

— Вам — нет, — не менее хитро глянул сержант. — Я же вижу, кто вы такой.

— Ну, не стоит смотреть дальше, чем положено.

— Я и не смотрю, — спокойно ответил парень. — Так вот, мы отработали по полной весь цикл — заправка, установка на пусковые и засели за бруствером. Выполнили все по расписанию. Ждем отбоя. Ведь снимать ракету, потом сливать топливо — тоже возни много. Сидим, сидим, а тут как гахнет, пуск! Сразу две. А потом и третья. Я даже видел пуск третьей.

— Не выдержал, высунулся?

— Ну а что? Все равно, если бы грохнуло, так траншея бы не спасла. Рассказывали, как-то как одна ракета стартанула, а с пусковой не сошла, бугель заклинило. Так прыгала она по позиции вместе с пусковой...

— Ну ладно. И что ты видел?

— Я видел, как первые две ракеты сработали. Это потом узнал, что нештатно. Никогда не думал, что взрыв боевой части ярко-синий. Словно шар громадный в небе, синий такой. Ну, это далеко было, но сверкало знатно. А потом третья туда пошла, и там точно шарик огненный расцвел, и все.

Так, за разговором, незаметно дошли до позиции, которая скрывалась в лесу. Действительно, места для посадки вертолетов было достаточно. Малахов поблагодарил сержанта и отправил его назад.

Потом присел на травку, и вправду аккуратную, как на поле для гольфа, и стал ждать. Через двадцать минут, грохоча и прижимая травку к земле воздушными потоками, на позицию приземлились два транспортных вертолета с эмблемами МЧС. Вадим запрыгнул в открытый люк, передал карту с отметками места падения легчику и присоединился к группе сотрудников Центра в кабине.

Отыскать место падения объекта оказалось проще простого. Уже на достаточном от него расстоянии было видно, как нечто, идя над лесом на низкой высоте, сначала срубало верхушки вековых елей, а потом просто валило толстые стволы на землю. Точку падения вертолеты, согласно инструкции, первый раз прошли на большой высоте. Термосканеры зафиксировали лежащий на земле овальный объект с температурой, превышающей температуру окружающей среды на пятнадцать градусов. Но для того чтобы найти его, никакие сканеры были не нужны. Вокруг места падения поднимался дымок легкого пожара. Немедленно был вызван летающий пожарник, который вывалил тонны воды туда, где находился загадочный объект.

Когда вертолеты прошли над точкой на небольшой высоте, стало понятно, что сбитый объект никакого отношения к аэростатам или известным самолетам не имеет. Согласно все той же инструкции, разработанной много лет назад, в небо поднялись истребители прикрытия, которые должны были до особого приказа барражировать в районе места

падения. Авиация должна была прикрывать объект с воздуха и быть готовой уничтожить его всей мощностью бортового огня. На случай совсем неожиданного сценария в верхних слоях атмосферы кружили два бомбардировщика стратегической авиации. Согласно особой инструкции они были снаряжены ракетами с ядерными боеголовками, в которые введены точные координаты места падения объекта.

Высадка первой разведгруппы, в которую был включен Малахов, состоялась на большой поляне в километре от объекта. Ближе высадиться не позволял лес, а десантирование с зависшего вертолета не предусматривалось. Непроходимый лес стоял черной стеной на пути исследователей, и километровый переход превратился в пытку. Но все равно любая дорога приводит к цели, вот уже впереди засветилось пространство, где неизвестный объект повалил деревья, создав просеку.

Исследовательская группа приготовилась к первому реальному контакту. В том, что упавший объект был не земного происхождения, сомнений ни кого не было. Сканеры во всех возможных диапазонах прощупывали пространство, все средства электронной разведки прислушивались к каждому колебанию электромагнитных волн в окрестностях. Группа приближалась к объекту, который, это уже было четко видно, мирно лежал на земле.

Вадим включил видео и стал передавать картинку в Центр. Анализ воздуха показал отсутствие каких-либо аномальных примесей, радиоактивность возле объекта оставалась в норме. Вадим с легким замираньем сердца подошел к упавшему аппарату.

Тарелка зарылась на половину в землю, над буреломом виднелся полукруглый матово блестящий корпус, в котором чернел открытый люк. Из люка раздавалось легкое жужжание и попискивание.

— Вхожу внутрь аппарата, — передал Вадим.

И в это время над ним раздался грохот вертолетного двигателя. Прямо из-за сосен вынырнул большой транспортник, и из его брюха по фалам ловко спустилась команда людей в черной спецодежде. Все они были вооружены. Вадим не успел сказать и слова, как его потащили прочь от аппарата. Все сотрудники Центра стояли кучкой под присмотром людей в черном. Один из десантников представился полковником Марусиным и приказал в срочном порядке покинуть режимную территорию. Такая же команда пришла и из Центра. Вадим, грустно глянув на тарелку, видневшуюся за деревьями, вместе с коллегами печально побрел к своим вертолетам.

Когда борт, который уносил Малахова прочь от упавшей тарелки, делал вираж, Вадим увидел среди деревьев, примерно в километре от места падения, яркую вспышку. В небо на какую-то секунду ударил яркий синий луч.

Малахов успел засечь направление, и вертолет, не окончив вираж, лег на новый маршрут. Они уже почти сели на край поля, рядом с местом вспышки, но тут случилось нечто невероятное. Внезапно заглох двигатель вертолета и полностью отключилась вся электроника. Чудом удалось сесть на авторотации.

В спешке Вадим не сообщил о своем наблюдении ни в Центр, ни на второй борт, где находилась основная группа. Он оставил пилота разбираться с причинами аварии и попросил, как только появится возможность, сообщить руководству. Потом ринулся в лес, туда, где метрах в ста от опушки должен был находиться источник загадочных вспышек. Пока вертолет был в пути, Вадим видел, что сигналы повторились еще несколько раз.

После тяжелого бега по лесу через бурелом и плотный подлесок Малахов выскочил на небольшую поляну. Ему казалось, что именно там было то, что он искал. Он выскочил на открытое пространство и остановился в растерянности. Посреди поляны на примятой траве стоял треножник на котором была установлен прямоугольный черный блок с зеркальной параболой, направленной вверх.

Как раз когда Вадим увидел его, оно, глухо издав тихое «пых», залило поляну белым светом, одновременно устремив в зенит зеленый луч. Подождав, пока в глазах пропадут красные пятна от вспышки, Малахов шагнул к устройству. Но тут толчок в спину повалил его на землю. Падая, Вадим успел сгруппироваться и перекатом встать на ноги, развернувшись на месте. Рядом никого не было. Трава вокруг штатива с оптическим

передатчиком была примята, и такая же примятость, похожая на цепочку шагов, уходила с поляны в лес.

Вадим осторожно, как будто на охоте, пошел по следам, которые скрывались среди малинника. Он подошел вплотную к самым кустам и раздвинул их, стараясь не уколоться об острые колючки. Нечто или некто в молниеносном прыжке ударило его в грудь. Малахов даже не смог оценить ни формы, ни размера. Он успел схватить нападавшего и покатился с ним по траве.

Соперник был явно слабее Вадима, но намного проворнее. Незнакомый враг немедленно сделал перехват и оказался у Малахова за спиной, так и не дав себя рассмотреть. Вадим попытался его схватить, но тут раздался болезненный высокочастотный вой, который буквально парализовал волю Малахова. Пришелец немедленно опустил его. Вадим остался стоять на траве на коленях, зажимая уши ладонями.

Откуда-то сверху на поляну опустился конус ярко-синего цвета, и Малахов почувствовал, как его потянуло по направлению к источнику света, словно сетью. Сцепив зубы от боли, которая не прекращала долбить уши, Вадим пополз на коленях прочь, к границе светового конуса. Он уже почти достиг ее, но тут свет одновременно со звуком исчез. Немедленно исчезла и боль.

На поляне уже никого не было, Вадим стоял рядом с брошенным в траву передатчиком и пытался высмотреть в небе корабль пришельцев. А еще через две минуты он уже летел на доклад в Москву.

Расследование шло около месяца, в итоге комиссия была удовлетворена и докладом Малахова и его действиями в экстремальной ситуации. Медкомиссия не нашла никаких отклонений ни в здоровье, ни в психике. Дело ушло в архив, сбитая тарелка изучалась в специальном НИИ.

Но Вадим так никому и не сказал, откуда у него появился опалесцирующий камешек, который он повесил на цепочку на шею и никогда не снимал.

— Тогда ты действительно завалил настоящую тарелку, и мне даже разрешили на нее посмотреть. Не потрогать. Но рассеять слухи вокруг этого надо было обязательно. Я только знаю, что некоторые технологии, которые удалось с той тарелки получить, до сих пор под километровыми слоями сукна лежат. Лучшего времени ждут.

Вадим откинулся на спинку стула и с удовольствием протянул ноги.

— Я хотел бы тебе, майор, вот, что сказать: ты прогони этих социологов. Интуиция мне подсказывает, что ребята эти до добра не доведут.

— Да и мне они не нравятся. Особенно этот урод, — майор кивнул на дверь, — все мутит, мутит... Но ведь от них много зависит...

— Ничего от них не зависит, майор. Ты поверь мне, — грустно сказал Малахов.

— Да какой я, на хрен, майор, — так же грустно сказал военный. — Я форму на старом армейском складе нашел, да и все. Мои ребята вообще такой не пользуются, ты видел, они все в современной снаряге. А мне эта нравится. Слушай, мне иногда кажется, что «Долг» наш долго не протянет. Нельзя бороться с Зоной вот так, как бы сказать...

— Прямолинейно? Ты прав.

— Да мы и не с Зоной воюем, нам бы мир от нее уберечь. Ученым помогаем...

Майор замолчал и выпил коньяк.

— Я слышал, что народ в Зоне вас ценит. Может, и достаточно этого? Не надо мешать естественному ходу вещей.

— А кто знает, что надо? — Майора уже повело. — Куда мне было деваться? Из армии ушел, когда семью кормить было нечем, пошел в охранники, так там одна бандитва. Вот приятель в Зону потащил, говорил, бабло срубить можно. А я не бабло рубить хочу, а служить!

— Вот и служи. Все нормально. Вне Зоны ты и такой службы не найдешь. Не армия у нас, а комедия. — Вадим почувствовал, что ему давно уже надо прекращать пить. — Одно скажу, я не забуду про обещание. Дай только выбраться.

Но эти слова ушли в никуда. Майор, зажав в руке полупустой стакан, мирно спал.

Тихо, чтобы не спугнуть, Вадим вышел из штаба. У стенки сидел Шип и дремал с кровососом на коленях. Ни «долговцев», ни социолога рядом не было. Растолкав Шипа, Малахов рассказал тому, что все хорошо, конфликт улажен, и они пошли в свое убежище. Надо было выспаться перед завтрашним днем.

Глава шестнадцатая

Клянусь.

Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого от меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду проводить я свою жизнь и свое искусство.

В какой бы дом я ни вошел, я войду для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедливого и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел и ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной.

Из Клятвы Гиппократ

Первое, что пришло на ум Малахову, когда он проснулся, была мысль: «А нет ли здесь рассола на „каплях“?» Вадим лежал с закрытыми глазами и с утренним ужасом прислушивался к своим ощущениям. Вначале ему казалось, что он еще не проснулся. Потом он боялся открыть глаза, уверенный в том, что именно через открытые глаза в голову вольется боль. Потом его стали мучить детали разговора с майором. Вадиму было стыдно, что он, сразу узнав майора, не сказал об этом, а пошел на конфликт. Потом Вадим стал ждать утренней изжоги. Но она не приходила. А потом остатки сна и рефлексии прогнал чавкающий звук.

Малахов открыл глаза. В микроскопическое окошко под потолком в полуподвал пробивался слабый свет. Рядом на ящике сидел Шип. Одной рукой он держал громадный бутерброд с тушенкой и, откусывая от него большие куски, громко чавкал. В другой руке у него была чайная ложка со сгущенным молоком. Ее он держал у лица кровососенка, а тот с удовольствием и, тоже чавкая, слизывал сладкую жидкость.

— Ты не парься, я за твоими попытками проснуться давно слежу, — сообщил Шип. — Так вот, в Зоне похмелухи не бывает. Жаль, нельзя в дорогу по маленькой пропустить, больно уж тушенка вкусная. Хочешь?

Вадим понял, что хочет.

Вышли они из Агропрома через два часа. Порывистый ветер бросал в лицо охапки желтой листвы, пытаясь сбить их с пути. Один раз Шип неудачно кинул гайку, и она, попав на «трамплин», не полетела дальше по высокой дуге, а развернувшись и больно ударила Вадима в колено. День с самого начала не задался. Не доверяя больше сталкеру, Вадим полностью сосредоточился на дороге, растворился в окружающем мире, стараясь не только видеть чавкающую грязь, лес и черное небо впереди, но и слиться с Зоной всеми чувствами и мыслями. Когда Малахов решил, что пора бросить гайку в направлении подозрительно зеленого пучка травы, и вспомнил о сталкере, то заметил, что тот уже давно что-то рассказывает.

— А вообще странный он человек, этот врач, не понимаю я его. — Шип не мог идти молча, даже если его никто не слушал. — Откуда взялся в Зоне, никто не знает, живет в лесу

сам, еще бы вообще на болото перебрался. Лечит кого ни попадя. Так же нельзя. А вдруг его пациент возьмет и сожрет?

— А откуда он взялся, этот врач? Местный или как ты, с Щербаковской, со скальпелем выпал? — заинтересовался Малахов.

— Я же и говорю — никто не знает. Он тут вроде еще до периметра был. А как появился — никто не знает. Тогда же ооновцы, как периметр сделали, всех из Зоны выгнали, кто вернулся, кто пропал, а этот как был, так и есть. Странный он, точно. Да и вообще — не люблю я это место. Отдадим ребенка и пойдем, да?

Дорога шла уже через лес. Шип постоянно зыркал по сторонам, но ничего опасного не находил. В итоге за три часа удалось добраться до опушки леса, где, по словам Шипа, обитал странный врач.

Видно было, что дом врача построен давно. Может, это было жилище лесника, а может, какой-то охотничий домик для партийных бонз времен СССР, когда леса были полны настоящего зверья. Сруб пятистенка из добротного бруса, подсобки, забор из крашенных досок и легкий дымок из трубы вызвал у Малахова легкую тоску по простой сельской жизни. Будто нет Зоны, нет чудовищ в лесу, не трещит дозиметр время от времени, напоминая о том, что здесь случилось много лет назад.

— Хозяин! Дома? — проорал сталкер, открыв калитку рядом с плотно закрытыми воротами.

Никто не ответил.

— Пошли, все в порядке, — сказал Шип и шагнул во двор, придерживая калитку.

— А не ответили же? Чего кричал?

— Если бы хозяина не было дома, его зверюга бы такое устроила. Сразу б все стало ясно.

— Собака?

— Ну, на собаку она мало похожа. Доктор говорит, это у него шиншилла. Говорят, редкого окраса.

Вадим напрягся. Шип поднялся на невысокий порог и постучал в дверь. Через мгновение дверь открылась, и на порог вышел Тимур Рымжанов.

— Привет, доктор, вот знакомься. Это со мной, — представил Шип Малахова, сделав церемонное движение рукой.

— Меня Вадим зовут, — представился Малахов. Только на мгновение на его лице промелькнула тень улыбки.

— Я врач местный, — ответил Тимур бесстрастно, как на приеме в участковой больнице. — С чем пришли? Болеее?

Рымжанов почти не изменился. Только в его длинной прическе появилась одна седая прядь, и голос стал чуть жестче. И одежда на нем была совсем не такая, какую он предпочитал раньше. Не было ни кожаной жилетки, не берцев с армированными металлом носками. На Тимуре висел балахон из грубой ткани, который почти скрывал его спортивную фигуру. И еще Вадим заметил, что взгляд у его друга стал совсем другим, словно в глазах поселилась бездна.

— Да вот, завалили кровососиху, а она с дитем. Вадим не дал его прибить, зря, конечно. Но и не носиться же с ним? Он же жрать хочет, сиську просит. А как вымахает потом, куда его? Я вот подумал, что тебе для опытов, может, пригодится.

Тимур молча взял из рук Вадима запеленатого ребенка и пошел внутрь дома. На пороге бросил через плечо:

— Не топчитесь тут, заходите, сегодня тут ночевать будете.

— Так нам идти надо дальше, — встревожился Шип.

— Нельзя дальше сегодня. Опасно, — отрезал Рымжанов. — У меня переночуете, места всем хватит.

— Вот как, — печально произнес Шип. — Ну, тогда конечно. А шиншилла твоя наши ботинки не пометит?

— А ты не дразни ее, — ответил доктор.

Сталкер покорно вошел в дом следом за Тимуром, за ними Малахов, оглянувшись на пороге. В большой комнате Тимур уже укладывал ребенка в люльку, подвешенную к потолку. Люлька была совершенно новая, словно ее только что сделали из свежих сосновых досок, аккуратно ошкуренных. Боковины были покрыты незамысловатым резным узором.

— Ты что, заранее готовился? — удивился Шип.

— Конечно. Пришлось бюроерам люльку заказать, — ответил врач. — Я же знал, что вы ко мне идете.

— Откуда? — тут уже не выдержал Малахов.

— Ну, считай, кровососы и сказали, — совершенно серьезно ответил Тимур. — Сейчас я его покормлю, а то чувствую, он у вас неправильно питался. Но хорошо, хоть не голодал. Вы пока устраивайтесь, обедать будем.

Шип покачал головой, поставил у двери свой «калаш», сел на лавку у стены и принялся распаковывать рюкзак. Он заглянул в него, что-то переложил там, не доставая, тяжело вздохнул. Сталкер достал сухой паек и положил рядом с собой. Потом вытащил фляжку со спиртом, потряс ею у уха и тоже положил на лавку. Затем завязал рюкзак и, поднявшись, выложил на стол паек и флягу со спиртом.

— Пустое это, у меня есть продукты, а вам пригодится, — сказал Тимур через плечо, наклонившись над люлькой.

Тимур несколько минут возился со зверенышем, который вдруг стал издавать бормочущие звуки, потом вышел из дома и принес большую сахарную кость.

— Ребенку надо играть, — объяснил он. — Любую другую игрушку он испортит. И вообще давайте назовем его Маугли!

— Это почему Маугли? — изумился Шип.

— Ну, у меня давно был знакомый, он... Ну, в общем, его Маугли звали. Он все равно добрый был. И из этого, если правильно его воспитывать, можно вырастить хорошего гражданина. Ну, конечно, гражданина Зоны.

— Слушай, доктор, а вот на хрена тебе вся эта мразь? — не выдержал Шип.

— Во-первых, не мразь. Нельзя о существе судить по его поступкам. Может, если Маугли воспитать нормально, так он себя по-другому вести будет? Вот скажи, сталкер, если тебе на ногу уронить топор, ты что скажешь? Вот именно, а обычно тебя можно даже к детям подпускать, — строго сказал Тимур. — Ладно, сейчас обед будет.

Через несколько минут он лично накрыл стол накрахмаленной льняной скатертью, расставил хрустальные бокалы и фарфоровую посуду. А потом достал из печи запеченного фазана. Пока фазан остывал, распространяя аромат редких специй, Тимур поставил на стол большое блюдо с устрицами и бутылку хорошего шампанского. Малахов даже присвистнул, увидев «Veuve Clicquot». После устриц была уже привычная черная икра, потом немножко спаржи. К спарже Тимур достал «Шабли» 2000 года. Шип, не разбираясь ни в хорошей еде, ни в винах, поглощал изысканные блюда размеренно и безразлично, словно ел пареную репу.

— А можно поинтересоваться, откуда здесь такое? — спросил Вадим после четвертой устрицы.

— Да ерунда. Я людям, которые периметр охраняют, несколько раз помог, ну и у нас с ними договоренность получилась — я им и дальше помогать буду, а они меня на довольствие берут.

— Как же надо помочь, чтобы устрицы из Франции возили? — Малахов хитро глянул на Тимура. — Нормандские причем. И откуда в это время года спаржа?

— Ну, это просто! Тут некоторые болезни есть, которые только артефактными травами лечить можно. А в Рыжий лес, кроме меня, никто не пойдет. Ну и потом... Я как-то в гости ходил к их генералу. В полнолуние. Хорошо поговорили. Да вы кушайте, не стесняйтесь, устрицы уже завтра никому не будут нужны. А спаржа — ее из Аргентины возят. Говорят, у них там как раз весна. Или врут.

— Да... я могу себе представить, — только и сказал Вадим. — Видимо, немало ты помог властям. Или в полнолуние сказал им что-то убедительное.

— А вот скажите, доктор! — вдруг встрепнулся Шип. Но вопроса не задал, а упал прямо лицом в блюдо с устрицами и громко захрапел.

— Нормально, — сказал Тимур.

Он подергал сталкера за ухо и убедился, что тот спит.

— Ну, здравствуй, Вадим, долго же я ждал!

Из архивов особого отдела при правительстве России

Личное дело номер 029.

Хранить вечно.

Количество экземпляров — один.

Заполнять ТОЛЬКО от руки.

Уровень допуска — ноль.

Имя: Рымжанов Тимур Нурланович.

Дата рождения: 16.12.1985.

Социальное происхождение: служащий.

Позывной: Доктор.

Специальность: врач-терапевт.

Звание: открытое — лейтенант, пенсионное — полковник.

Образование: высшее; специальность: «военная медицина».

Время привлечения в группу «Табигон» — 5 мая 2010.

Участие в операциях группы «Табигон»:

2005 — операция «Чат».

2012 — операция «Золотая сфера».

Награды:

2005 — медаль «За отвагу»

Во время операции «Золотая сфера» был инфицирован неизвестным штаммом вируса, приводящим к циклическим обратимым гипертрансформациям, и потерял возможность покинуть район исследований. Внесен в список невозполнимых потерь.

В 2012 году выведен из состава группы «Табигон» и из числа сотрудников Центра.

— А этот? — Вадим покосился на спящего Шипа.

— Настояй лунного долгоносика на слюне бюрера — он часов пятнадцать проспит как ангел, — улыбнулся Тимур. — Я понимаю, что тебе раскрыться в Зоне — равносильно смерти. Рассказывай, в общем!

Малахов закурил и, помолчав, спросил:

— С чего начинать?

— Ну, с того момента, как я с Сухим пошел в Зону... А вы?..

— А с тобой что, вообще Центр не связывался? — удивился Вадим.

— Я так думаю, что даже и не пытался.

— Н-да... Ну, тогда слушай.

Малахов как мог пересказал то, что ему рассказывал Лазненко. Вадиму трудно было поверить, что он просто сидит рядом с Тимуром и разговаривает, как когда-то давным-давно.

— Выходит, мы никому больше не нужны? Отработанный материал? — грустно произнес Рымжанов, дослушав рассказ.

— Ну, это мы еще посмотрим. Кто из нас отработанный. Давай теперь ты расскажи, как ты тут и чем занят. По слухам, ты чуть ли не с нечистой местной в друзьях? — спросил Вадим и потушил сигарету в тарелке у Шипа.

— Да, лечим помаленьку. Кто просит, того и лечим. Тут травы знатные, их бы на большой земле в дело пустить — бешеный прорыв бы случился в медицине.

Тимур поднялся, взял Шипа под мышки и ловко уложил на лавке, стоящей вдоль стены. Потом он сгреб все, что было на столе, в скатерть и, не задумываясь, вынес в сени.

— Хватит выпендрежа, давай нормально поедим.

Тимур поставил блюдо с фазаном на струганный еловый стол и рассек птицу несколькими движениями ножа. Нож был совершенно необычной формы, Малахов готов был поклясться, что никогда такого в жизни не видел. Заметив, что Вадим заинтересовался, Рымжанов объяснил:

— Тут у меня новые интересы появились, я кузнечное дело изучать стал. Вернее, тут его не изучать надо, а придумывать заново. В Зоне все по-другому. Вот смотри.

Тимур принес большой колун, стоявший в углу рядом с печкой, поднял его и положил на стол.

— Тут хитрости какие-то с материалами. Они себя странно как-то ведут.

Он резко ударил ножом по рукоятке колуна и оставил на деревяшке небольшую засечку.

— Вот видишь, вроде все как положено. А теперь смотри, колун, кстати, золлингеновский.

Рымжанов аккуратно, как будто резал сливочное масло, надавил на сталь топора. Легкое давление привело к тому, что нож разрезал колун на две аккуратные половинки.

— Вот так я тут и развлекаюсь, — грустно добавил Тимур.

— А как твой вирус или что там? Лазненко говорил, что с их стороны ничего пока не удается.

— Ничего не могу сказать. Ну, в полнолуния, понятно, мне нелегко. Но я запасаясь едой и отсиживаюсь тут, в доме. Правда, не уверен, что всегда так происходит. В здешних местах монстром никого не удивишь, главное, не попасть под пулю какого-нибудь шустрого stalkера. Да и то вряд ли — я в основном в лесу, туда не суются. Но ты не уходи от главного. Ведь не зря ты в Зону пришел? — Тимур собрал половинки топора и унес их туда же, куда только что унес скатерть с хрусталем и фарфором.

— Не зря... так случилось, что, когда я сидел под прикрытием в Киеве, по работе натолкнулся на что-то, что, может быть, поможет нам всем. Поможет понять, что произошло с нами и кто нас так круто подставил.

— Ну и?

— Ты помнишь, тогда мы видели оранжевый «ситроен», и еще Сухой сказал, что это призрак такой, его Байкаловым называют? Вернее, Баем. Ну, кто как. Тот самый, на которого винтовка Гасла была записана.

— Нет, не помню... Хотя знаю, о ком речь. «Ситроена» больше нет. Говорят, поломался. Разбили о дерево. А кто и что — неизвестно. Это темная личность, и темные дела он делает...

— Ну, ладно. Короче, оказалось, что это вполне реальный человек, да еще вышел я на него совсем неожиданно. Расследовал дело каких-то идиотов, которые прикидываются вампирами.

Так вот дома у этого самого Бая я нашел кучу документов, связанных с нашей миссией. И ролик тот проклятый, и документы, почему-то подписанные в будущем, словно кто-то опять готовит заранее провокации. Найти этого Байкалова оказалось невозможно. Ни одной зацепки. Пришлось мне искать этого человека здесь, в Зоне. Центр, естественно, помогать не стал.

— Ну, это понятно. Но хоть не помешал. — Тимур усмехнулся и, вытерев салфеткой свой нож, спрятал его где-то в складках балахона.

— Вот и ищу я этого Байкалова. Да еще Сухой головоломку оставил. — Малахов рассказал про пакет с артефактами и про идею, что эти предметы — путеводитель к какой-то тайне. — А тут мне про него, про Бая этого, такого наговорили. И деньги предлагали, если его уши принесу местному пахану.

— Ну, конечно, я слышал о нем. И то, что искать его надо там, где находят трупы. Я даже один вскрывал... Станный у него способ убийства. Словно у человека моментально отказывают все органы. Интересно, как он ухитряется это делать?

— А что, никто не видел, как он убивает?

— Не слышал. Поймаешь — спросишь.

— А ты не пойдешь со мной? — Вадим внимательно посмотрел на Тимура.

— Давай выпьем сначала, потом отвечу. Водки.

Тимур поднялся и достал из шкафа непочатую бутылку. Она немедленно покрылась инеем, словно бутылку достали из морозильника.

— Хитро, — только и сказал Вадим.

— Надо просто знать возможности Зоны. — Тимур разлил водку по стаканам. — Давай, за встречу!

Водка оказалась отличной, совершенно не такая, как приходилось пить до этого в Зоне.

— Не смогу я с тобой пойти. Полнолуние на носу. Что ты со мной делать будешь? — наконец ответил Тимур. — Мне очень жаль. Да и если твой сталкер узнает — мне не жить.

— Понятно, — кивнул Вадим.

— Пойдем на улицу посидим. — Рымжанов словно начал тяготиться тем, что он в помещении. — Как-то тяжело тут.

Они вышли на порог и присели на ступеньки. Ранние сумерки наплзали на Зону, и здесь, на краю леса, казалось, что уже поздний вечер.

— Странно как-то в Зоне последнее время. Ведь после того, как периметр поставили, была Зона как Зона. Конечно, все начали делить, какие-то терки с ООН постоянно, население поменялось, но все равно. Казалось, что есть некое равновесие. А вот последние пару месяцев будто все сломалось, — сказал Тимур.

— А конкретнее? Что ты имеешь в виду под равновесием?

— Понимаешь, появилось много немотивированного зла. Я разговаривал тут с одним зомби, он приходил ко мне, помощь нужна была.

— С зомби? — не поверил Малахов. — Они говорить могут?

— Ты удивишься, таки да. Правда, они совсем не такие, как мы. Ну да ладно, так вот он мне говорил, что время от времени у них там, в их общине, все просто как будто с цепи срываются. — Тимур в сердцах выбросил сигарету и закурил новую.

— У них и община есть? Станные дела тут у вас творятся... — угрюмо произнес Вадим. — А что, может, починили антенны и опять гонят пси-поля?

— Да нет, это совсем не так. Поля — это ерунда, я их уже давно чувствовать научился. Они очень локально действуют. Кто-то пришел в Зону новый.

— Новый, говоришь? А кто или что? — насторожился Малахов.

— Вот ты и узнаешь. Походишь по Зоне — и узнаешь. Понимаешь, не могу я так вот просто, как ты, по Зоне пройти. И пациенты у меня, и... я не знаю, что со мной может случиться в любой момент. — Тимур оправдывался, и Вадим чувствовал это.

Тут слева из-за угла раздалось невнятное бормотание.

— Подожди, это ко мне пришли. — Тимур поднялся и исчез за углом.

Скоро он вернулся и исчез в доме, бросив на ходу, что он должен принести лекарство пациенту. Бормотание за углом продолжилось. Вадим от нечего делать решил посмотреть, что за гости ходят к Тимуру. Как только Малахов глянул за угол, словно волна боли накрыла голову. Маленький, мерзкого вида карлик, закутанный вместо одежды в грязные тряпки, злобно смотрел из-под низкого капюшона и бормотал несущезащицу.

Вадим отшатнулся, но карлик последовал за ним. Боль в голове усиливалась, было понятно, что этому виной уродец с его страшными, словно светящимися глазами. Карлик сделал еле заметное движение рукой под балахоном. Невидимая сила резко толкнула Вадима в грудь. Он отлетел метра на три от карлика и ударился о землю. Преодолевая боль, он потянулся к ножу на поясе, но тут раздался резкий окрик с порога:

— Прекрати!

Вадим не понял, кому кричал Рымжанов, и убрал руку с ножа. Но и головная боль отхлынула.

— Тебе кто разрешил из-за угла показываться? — грозно спросил Тимур карлика, а тот пробурчал что-то свое в ответ.

— Это я первый за угол заглянул, — сказал Вадим. — А он чего-то переполошился.

— Это бюрер, если ты не знаешь. Подожди, сейчас я с ним закончу. — Тимур подошел к существу и дал ему небольшой сверток. Бюрер поворчал и пошел в сторону леса, где почти моментально скрылся из виду.

— У него ребенок болеет, я ему травки дал. Ангина, — объяснил Тимур.

— Ты что, и вправду со всей нечистью знаешься? — Вадим чувствовал себя слегка оглушенным после отступившей боли, и собственный голос, ему казалось, шел откуда-то издалека. — А может, стоит больше людям помогать?

— Нет, я стараюсь с людьми пореже встречаться. Опасно это. А остальная нечисть — не такая уж и нечисть. Не такая вредная. Они есть хотят и жить. Правда, я говорил — что-то не так последнее время.

— Ладно, считай, что за мной долг. Я постараюсь всех вытащить из этой задницы, в которую мы все попали. Каждый в свою.

— А я, в свою очередь, — Тимур сделал вид, словно он выступает на официальном собрании, — обещаю, что тебя ни одна тварь в Зоне не тронет. Вообще кровососы тебя уже уважают. Ты только своего этого, ну...

— Шипа?

— Ну да. Придерживай. Он парень вроде неплохой, но... ой, убьют его лютой смертью, если ты следить за ним не будешь. Не любят таких местные.

— В смысле? Сталкеры?

— Нет, местные — местные. Те, кто в лесу живет. Те, к кому без подарка прийти нельзя. Это ведь... — Тимур замолчал.

— Ладно, тогда ответь на последний вопрос, который мучает меня. Да и Малча тоже... Ты Малчу знаешь?

— Да кто ее не знает? После того, как она попала в обезьянник к ооновцам и за ней прилетел рязанский десантный полк... Смешно было. Но ты что хотел сказать? Или спросить? — При упоминании о рязанском полке у Тимура на лице появилась мечтательная улыбка.

— Малча этих типов называет комиссарами... Люди такие... интеллигентного вида...

— Не рассказывай, я понимаю. Это страшные люди. У меня было подозрение, что именно они и привнесли в Зону эту... ну, как бы по-русски... Срань. Ненависть немотивированную. Только лесные не говорят, откуда идет эта волна ненависти. Зомби — те просто не помнят. Ох, боюсь, что этот самый Бай — он центр всего дерьма, этой... да ладно. Разболтался я.

— Тимур... — Малахов говорил неуверенно, словно боялся признаться. — Я там контролера завалил... Он был с ошейником и на поводке.

— Такого не может быть, — категорично ответил Рымжанов и, подумав, добавил: — Извини, я просто по инерции. Я имел в виду, что это требует очень сильного допущения. Что в Зоне есть кто-то, кто может вести на поводке контролера. Не дай бог с таким встретиться. Что опять этот самый Бай?

— Что-то он похож на исчадие ада...

— Те, кто с ним встретился, уже никогда не смогут сказать, кто он на самом деле. Ты поосторожней там, да. Когда с людьми дело имеешь — сначала стреляй, потом спрашивай.

В доме Тимур перетащил все еще беспомощного, как мешок с опилками, Шипа на печь. Вадиму предложил спать на удобной кровати, которая выехала из шкафа с тихим шипением. На недоуменный взгляд Вадима ответил:

— Я же говорил, приходят ко мне лечиться. И корова и волчица. Ну и всякие шишки, а им-то надо где-то переночевать, если процедура затягивается. Вот и притащили это чудо спального искусства. — Тимур открыл шкафчик над кроватью, там лежало постельное белье. Вадиму впервые в жизни стелили черную шелковую простыню, и тут ооновцы не пожалели денег за услуги врача.

— Эх, неудобно мне тут, — уже сквозь сон пробормотал Тимур. — Может, на болото переехать...

Глава семнадцатая

*Во все времена времен —
От адамов и ев —
Нет у богов имен,
Имя богам — гнев.*

*Есть у богов храм,
Есть у богов сад —
Жизнь началась там,
Под, посреди, над...*

*Жизнь началась в горсти —
Проще так было им.
Не было лишь — Прости.
Не был никто любим.*

*Боги несли смех,
Боги несли страх.
Рушился мир всех,
Тлен превращая в прах.*

*Мир, человек, брак —
Рушилось, что чтим...
Боги решили так —
Должен остаться один...*

*Любим теперь плоть,
Любим теперь Спас...
Любит людей Господь —
Некого, кроме нас.*

Ю. Семеновский
25.06.2010

Утром Вадима разбудил сельский, совершенно неуместный в Зоне шум. Кричали гуси, протяжно мычала недоенная корова и совершенно по-хамски бурчал и повизгивал хряк. Где-то вдалеке тарахтел трактор. Совершенно ошарашенный Вадим оделся и вышел из дома. Посреди двора сидело несуразное создание и вещало, изображая звуки колхоза-миллионера. Животное было похоже на большую, располневшую морскую свинку, покрытую вялой шерстью. Громадные уши дрожали от напряжения, когда зверь закатывал новую руладу. Задние лапы певца были длинные, как у кенгуру, передние, маленькие, он сложил на груди.

— А, тебя Челентано разбудил? — Тимур тоже проснулся и неслышно появился на пороге. — Не бойся, это шиншиллка моя. Оказывается, у них при мутациях появилась невероятная способность к звукоподражанию. Где он этих звуков пасторальных наслушался, ума не приложу. Чилия, Чилия, иди сюда, малыш!

Малыш величиной с быка-подростка легко подскочил и смешно заковылял к Тимуру. Попискивая, он стал тереться о ногу хозяина.

— Это не тот, которого ты в лесу у симбионта вылечил?

— Нет, это его потомство. Тот так и сидит в Рыжем лесу, с хозяином своим не расстается. Они же верные, как собаки, и сторожа отличные.

Тимур достал из кармана сухарик, угостил Челентано и отправил его побегать по двору.

— Ну что, нам в дорогу пора, — грустно сказал Вадим.

— Да, пора. Пока утро и вся Зона дремлет, можно много пройти. И, это... — Тимур замялся, — я был рад тебя увидеть. Я думаю, что мы еще когда-нибудь все вместе... Еще и в космос полетим. Надо только пережить эту срань.

И опять дорога. Запах прелых листьев и сырой плесени наполнял воздух, и казалось, что нигде в мире уже нет ничего, кроме осени и мертвых растений. Несмотря на то что Вадим и Шип углублялись в Зону, путь был достаточно простым. Пару раз только обошли «трамплины», раз Вадима хлестнул обрывок жгучего пуха, прилетевший с порывом ветра.

Широкая тропа, проходящая через чахлый лес, упиралась в шоссе. На этом перекрестке стояла толпа зомби. Зомби были вроде не агрессивны, по крайней мере так казалось на расстоянии. Шип, не задумываясь ни на секунду, взял автомат наизготовку.

— Приготовься, сейчас чуть ближе подойдем и открываем огонь, сноси головы по возможности. Они ходить будут, но уже потеряют ориентацию. И свалятся скоро, — объяснил он Вадиму зловещим шепотом.

— Да они же вроде нас не трогают? — возразил Малахов.

— А я что, разбираться буду, трогают или нет? Давай правый фланг накрывай. — Шип упер приклад автомата в плечо и с решительным видом прицелился.

— Стой здесь, — сказал Вадим и двинулся к толпе зомби.

Когда до толпы оставалось метров пятнадцать, зомби наконец обратили внимание на человека. Они заворчали, стали издавать нечленораздельные звуки. Их бледные лица повернулись в сторону Вадима. Из застывшей толпы вышел один из зомби. Кроме обычных лохмотьев, у него была шляпа с обвисшими полями, украшавшая лысый череп. Он направился прямо к Вадиму, на ходу стаскивая головной убор.

— *Meglio vivere un giorno da leone che cento giorni da pecore*,⁵ — гундоса, произнес визитер и поклонился.

— Что? — не понял Вадим.

— *Meglio vivere un giorno da leone che cento giorni da pecore*, — повторил зомби и опять поклонился.

— Ясно, — сказал Вадим, — это весь твой репертуар. Что тут у вас? Чего толпимся?

Зомби напялил свою несуразную шляпу и вернулся к стоящим кучкой своим товарищам. Он что-то пробурчал, скорее проворчал, и зомби расступились. На земле лежал труп. Вадим подошел поближе. Он еле выдерживал зловоние, распространяющееся от нежити, но терпел. Человек, лежащий на земле, выглядел так же, как и предыдущий труп, — словно из него высосали все соки.

— Не бойся, иди сюда! — Малахов позвал Шипа.

Сталкер подошел, опасливо поглядывая на зомби.

— А! Опять твой кореш резвится, — сказал он, осмотрев труп. — Это Трамадол. Хороший сталкер был. Пока ты тут с этими общался, мне месс пришел на палм.

— Ну, что, красотцы, видели, кто убил? Байкалов, да? — Шип неожиданно обратился к толпе, словно надеясь услышать от них ответ.

Зомби дружно закивали, взволновано залопотали и стали топтаться на месте, словно в нетерпении.

— Вот видишь, — сказал Шип Вадиму, — зомби — и те психуют.

— Ну, они волноваться могут от одного твоего грозного вида.

Вадим осмотрелся и сказал стоящей вокруг них беспокойной толпе:

— Спасибо за помощь, товарищи! Вы тут еще потусуйте, а нам идти надо! Привет Тимуру.

Тут тихо брякнул сигнал наладонника. Шип, поморщившись, стал рыться в карманах.

— Не люблю я эти сигналы на палм, — сказал он, открывая меню. — Ну вот. Выброс.

---

⁵ Лучше прожить один день льва, чем сто дней овцы (*ит.*) — цитата, приписываемая Б. Муссолини.

Словно услышав его слова, зомби засуетились и разбежались кто куда.

— Стой. — Шип поймал за рукав нежить в шляпе, который тоже пытался удрать. — Тут укрытие есть?

— Ы! — только и сказал тот.

— Вот же ж, ты прямо как сисадмин общаешься. Укрытие? Пещера?

Шип, стараясь изобразить пещеру, очертил руками что-то наподобие полукруга. Зомби неожиданно что-то сообразил и, радостно подпрыгивая, показал на ближайший лесок.

— Надо идти, выброс не пережить без укрытия. — Шип, не ожидая ответа, пошел в направлении, указанном зомби. Тот засеменил рядом и чуть позади. Вадим присоединился, понимая опасность выброса.

Зомби в шляпе привел людей на большую поляну, которая находилась метрах в двадцати от опушки, и радостно запрыгал. На поляне Вадим и Шип увидели руины, давно осыпавшиеся и безликие. Скорее всего это была церковь, причем очень древняя, построенная еще в греческом стиле. От маленького храма остались только разрушенные стены, которые поднимались не выше, чем на метр. Купола не было. Земля вокруг развалин была усыпана камнями, выпавшими из кладки.

— Так, где здесь... — начал Шип, но глухие раскаты грома не дали договорить. Лысый зомби от страха присел и заскулил. — Прятаться где?

Зомби, видимо, думая только о своей шкуре, поковылял к руинам, перелез стену и, даже не оглянувшись, нырнул в какую-то щель посреди развалин. Шип, ни секунды не медля, поглядывая на багровеющее небо, устремился вслед за лысым. Малахов не отставал.

Щель, в которую спрятался зомби, оказалась лазом в небольшой подвал под фундаментом церкви. В тот момент, когда Вадим последним проник в убежище, стены вокруг мелко затряслись, и, словно получив пинок из самых недр земли, весь подвал содрогнулся. Адский грохот пронесся в небе.

— Мы тут высидим? Оно же рухнет в одну минуту. — Вадим пытался держаться за мелко вибрирующую стену, чтобы остаться на ногах.

— Зомби знают, что делают, — буркнул Шип безнадежно. — Если бы не выброс, я бы сюда под страхом смерти не пошел.

Он тоже держался на ногах из последних сил. Грохот нарастал, вместе с дрожью на людей навалилась волна тревоги. И Малахову, и сталкеру казалось, что кто-то страшный и непобедимый пытается проникнуть в их душу и уничтожить сознание. Страх гнал людей прочь из укрытия, на верную гибель.

Когда грохот и вибрации достигли, казалось, уже невыносимого предела, внезапно, как будто сработал выключатель, все затихло. Подземелье осветилось призрачным неземным светом. Вадим и Шип, словно движимые внезапным порывом, прижались к стене. Поскуливая, к ним подполз зомби и приник к сталкеру, ища защиты. Шип даже не подумал его прогнать.

В дрожащем свете ниоткуда возникло несколько странных фигур. Это были старцы в белых балахонах. Длинные, до пояса, бороды были аккуратно расчесаны. Тоненькие кожаные ремешки, у каждого со своим узором, поддерживали на лбу седые локоны. В руках старцы держали высокие резные посохи.

Старики стали в круг, один из них взмахнул посохом, и между ними сам по себе возник костер. Странные люди в пещере выглядели реально, хотя было понятно, что от людей их отделяет невидимый барьер. Не доносилось ни звука, не грел их костер. А старцы начали разговор. Сначала они говорили спокойно, потом все более и более энергично, время от времени потрясая посохами, словно угрожая или проклиная. Потом они приняли решение и, скрестив наверху своих посохов, произнесли одновременно неслышные людям слова. Как только они замолчали и развели посохи, свет в подземелье погас, и находящиеся в нем люди и зомби погрузились во мрак.

— Что это было? — спросил Вадим шепотом.

— А ты что, не в курсе? — удивился Шип. — Ты не знаешь, где мы?

— Нет, откуда мне знать?

— Идем скорей отсюда, выброс кончился, нам пора.

Выйти из подвала оказалось гораздо сложнее, чем залезть. Царапаясь о битую плитку, скользя ногами по размокшей известке, Шипу и Вадиму в конце концов удалось выбраться на воздух.

Снаружи не было никаких признаков выброса. Небо было опять затянуто равномерным серым маревом.

— Ну, давай. Излагай. — Вадим присел на поваленное дерево и закурил. — Что это было?

Зомби в шляпе, как будто тоже хотел послушать рассказ, уселся немедленно рядом.

Шип опасливо поглядел на руины церкви и, решив, что они достаточно далеко, начал:

— В общем, когда Русь крестили, все помнят, под Киевом все капища волхвов, ну, языческих колдунов, порубали, поломали, а идолов в Днепр кинули. — Зомби энергично закивал, словно сам видел это. При этом он явно не понимал ни слова. — И тогда на самих волхвов началась охота. Каждый князь считал долгом волхва убить лично. Хитрые были времена. На христианство князьям было, по большому счету, наплевать, а вот конкурентов в плане охмурения народа убрать — это очень кстати. Ну так вот. Волхвы из самых главных не хотели с этим мириться и собрались тут.

Шип выразительно ткнул пальцем в сторону церкви.

— В церкви? Тогда церковей не было, — заметил Вадим.

— Тут было их капище! Место сбора! — пояснил Шип. — Долго волхвы, как мыши по щелям, сидели, но потом пришел полный нетерпез. Так вот, собрались они, побазарили о политической ситуации момента и решили проклясть эти земли на тысячу лет!

— Ну и? Сбылось проклятие? — поинтересовался скептически настроенный Малахов.

— А это вокруг что? — Шип обвел рукой вокруг себя. — Это что, рай земной, земля обетованная?

— А церковь?

— Так церковь построили, когда капище разломали. А видать, про каверну и не знали. Все, пора трогаться!

Сталкер решительно двинулся к перекрестку, где они встретили толпу нежити. Там все так же толпились зомби, вернувшиеся после выброса.

Шип с Вадимом, пройдя сквозь расступившуюся зловонную толпу, двинулись дальше.

— Вот видишь, и стрелять не надо, — сказал Малахов. — Не надо сначала стрелять, а потом разбираться. Тем более что места тут опасные.

— Это у тебя комплексы городские, — возразил Шип. — Один раз получилось, а во второй не получится? Что тогда?

— А ты учись доставать оружие быстро. Это помогает.

— Это ты прав. Но все-таки... Вот он, «Янтарь» видно. — Шип показал рукой на показавшиеся вдали здания. — Только туда еще попасть надо.

— А в чем проблема?

— Ты меня извини, но со снасками я договариваться уже не буду. А этой мрази тут — как мух на помойке.

Резкий, противный крик прервал разговор. Громыкнул револьверный выстрел, и под ноги Малахову упало сбитое в безумном прыжке тело. Получеловек-полуживотное, почему-то в старой солдатской шинели и противогазе.

— Снорк, твою в качель, — только и сказал Шип.

— Это я к тому, — Вадим спрятал револьвер, — что оружие надо доставать быстро.

— Боюсь, нам это не поможет — смотри! — Шип ткнул пальцем в сторону ржавого вертолета.

Сразу несколько уродливых фигур, практически неотличимых от только что убитого снарка, очень шустро двигались к ним. Снарки выглядели дико. Наряженные в шинели и противогазы, они неестественно ловко прыгали на четвереньках.

— Ну что, пойдешь разговаривать или как? — Шип покосился на Малахова.

— Как-то у вас все не по-христиански в итоге, — пробормотал Вадим и тремя выстрелами из «Тауруса» положил трех снарков.

— Могешь, — хмыкнул Шип, — только вот «калаш» надежнее.

Длинная очередь из автомата прорезала пространство. Пули, с визгом срикошетив о бетон, улетели в небо.

— Да что за хрень? — Шип с изумлением глянул на свое оружие. — Чтобы я так мазал?

— Потом разберемся! Пали, не рассуждай. — Вадим перекинул ружье из-за спины и уложил еще двоих снарков.

— Что-то они прут как бешеные, — испугался Шип. — Так много сразу я не видал еще.

— Не болтай! — прохрипел Вадим.

Сталкер отвлек его на секунду, и этого было достаточно, чтобы снарк выбрал время для прыжка. Разнесенная ТОЗОм голова снарка обдала людей фонтаном кровавых брызг. Осколок черепа порезал Вадиму щеку.

Внезапно раздался стук крупнокалиберного пулемета. Огневая точка располагалась на крыше гаража, справа от свалки. Несмотря на то что пулеметные очереди не поразили ни одного из монстров, их атака прекратилась.

— У нас тут что, друзья появились? — спросил Малахов. Последние дни заставили его опасаться «случайных» встреч с людьми. Неожиданная помощь не понравилась Вадиму.

— Никогда не слыхал о том, чтобы тут кто-то кому-нибудь помогал, — тоже удивился Шип. — Фигня какая-то. Давай валить, а?

Но свалить не удалось. Оттуда же, с крыши гаража, где за мешками с песком был установлен пулемет, раздался голос, усиленный мегафоном:

— Лечь, где стоите!

— Кто приказывает? — попытался заговорить с неизвестным спасителем Вадим, но пулеметная очередь, на этот раз на удивление точная, прошла в нескольких сантиметрах от его ног.

— Слушай, Шип, нас так и будут все время в плен брать? — прошипел Вадим, укладываясь на землю.

На Вадима и Шипа сноровисто накиннули наручники, кто-то ловко снял оружие. Потом им приказали подняться и идти вперед. В спину ткнули твердым — не было сомнений, что это ствол автомата.

— Ну, абы не расстреливали каждый раз, — резонно заметил Шип. — Видать, это военные. Их могли для охраны нанять.

— Разговорчики! — рявкнули за спиной.

Возле гаража с блоком к конвоиру, а Вадим чувствовал, что их ведет один человек, присоединились еще двое. Один из них сказал, строго глянув:

— Кто такие и зачем здесь? Кто разрешил приблизиться к режимному объекту? — Голос у военного был жестким и властным и не подразумевал нормального разговора.

— Так где написано, что он режимный? — удивился Шип. — Я тут сто лет хожу, и никому не мешало. Кто вы такие? По какому праву?

— Щас я тебя, говорливый, шлепну тут, и узнаешь твои права. — Военный ткнул сталкеру в подбородок «Таурус», который, видимо, ему очень понравился.

— Не шумите, товарищ! — спокойно проговорил Вадим. — Во-первых, револьвер не заряжен, во-вторых, отведите нас к начальству, у меня очень важные сведения для него.

— Какие такие сведения? Доложите немедленно как положено! — Командир повернулся лицом к Малахову и строго поглядел прямо в глаза.

— Уполномочен только руководству, извините. — Вадим вложил в ответ искреннее сожаление, что не может рассказать сразу все и немедленно.

— Я тебя сейчас так уполномочу, что... — Словарный запас у командира вне рамок армейского устава был крайне ограничен, и фразы получались почти одинаковыми.

— Ну, когда начальство узнает, что вы не обеспечили передачу данных, очень расстроится, вместо нас других пошлют. Всех не перестреляете. Веди, командир.

— Тебе же хуже будет, если врешь! — Военный сплюнул Вадиму на ботинок и не попал. — Вперед, быстро. Самойлов! Отведи этих в штаб. Если дернется хоть один — мочи на месте.

Скорее всего территория была хорошо изучена теми, кто охранял подходы сюда. Самойлов вел арестованных, не останавливаясь и не осматриваясь.

Их привели к небольшому бетонному бункеру, раньше это была трансформаторная будка. Из будки давно украли все — и трансформаторы, и коммутационные ящики, и медные кабели, и даже никому не нужные высоковольтные слюдяные конденсаторы. Однако само сооружение, включая железную дверь, было в полном порядке. Самойлов снял тяжелый замок, приказал войти внутрь. Сквозь закрытые двери неразговорчивый военный бросил:

— Сидите, пока не вызовут.

И, грохоча железом по железу, запер амбарный замок.

— И что теперь? — раздался голос сталкера в крошечной темноте. — Что за «вести» ты хотел рассказать начальству? И какому начальству? Я что-то не знаю?

— Нет, знаешь все, но что-то меня не тянуло говорить с тем дуболомом. Подожди секунду.

Звякнули наручники, падая на пол. Потом раздался легкий, практически неслышный хруст, и помещение осветил мертвенно-зеленый свет.

— Это как ты? — спросил сталкер.

— Ну как-как? В заднем кармане всегда найдется скрепочка. Ты словно кино не видел. Они обыскивали плохо.

— А свет?

— Нет, ты прямо совсем! Обычная хемилюминесцентная наживка. Видишь? — Вадим показал небольшую светящуюся палочку. — Тоже в кармане завалялась на всякий случай. Кстати, у тебя в гараже таких наживок целый ящик был. Давай подставляй руки.

Вадим расстегнул Шипу наручники.

— Слушай, так это ключ, а не скрепка, — удивился Юрий, растирая запястья.

— Ну, ключ, ну и что? Лежал в кармане, не помню откуда. По-моему, с того момента, как нас в прошлый раз в плен брали. Запас карман не тянет.

— Ну да... А толку? Все равно придут через десять минут и накостыляют. Влипли мы. — Освобожденные руки только больше расстроили сталкера.

— Не зуди. Надо еще, чтобы мы тут были через десять минут. Не нравится мне эта компания и их извращенное гостеприимство.

Вадим поднял светящуюся палочку над головой и стал внимательно осматривать будку.

— Понимаешь, в таких будках под потолком обязательно делали жалюзи для вентиляции. Иначе бы все внутри потело и ржавело. — Малахов всматривался под потолок и говорил скорее сам себе, чем сталкеру. — Мы их не видим, значит, их заложили кирпичами, чтобы никто не убежал. Скорее всего эта будка используется охраной как КПЗ.

— А толку? — не понял Шип.

— Это значит, что мы скоро умрем от удушья. Да не бойся, — добавил Вадим, увидев даже в полутьме, как побледнел Шип. — Вся хитрость в том, что кирпичи, которыми обычно закладывают такие окошки, держатся еле-еле — нет связки с основной стеной. Усек?

— Ну, ясно. А как выломать? Туда не дотянешься.

— А ты что, спортом совсем не занимался? — притворно удивился Малахов. — Надо разбежаться, пробежать по стене и ударом ноги выбить кирпичи. Впрочем, если ты хорошо занимался, так можно просто стенку проломить. Не можешь?

— Да ну тебя! — обиделся Шип.

— Ну, тогда становись спиной к стенке и поставь руки вот так, ступеньку сделай.

— А почему я должен под тебя становиться? — возмутился сталкер. — Я легче, и потому надо, чтобы ты внизу стоял!

— Во-первых, будешь много трепаться — прибежит охрана, — ответил Малахов. — Во-вторых, посмотри. Там еле дотянуться до кирпичей, даже если друг на друга залезем. И

значит, надо, чтобы сверху был тот, у кого руки длиннее. Я выше тебя сантиметров на пятнадцать, значит, и руки длиннее на столько. Есть вопросы?

Шип обреченно стал спиной к стене. Малахов достаточно легко взобрался сталкеру на плечи, не забыв прихватить с собой наручники.

— Ага, — услышал Шип сверху. — На глине положили. Терпишь?

— Пока да, — натужно просипел сталкер, — только не злоупотребляй.

Вадим несколькими движениями расковырял глину вокруг кирпича, примыкающего к основной стене. Когда шов был разрушен достаточно, Малахов стал раскачивать этот кирпич, пока тот не освободился и не вылез с шуршанием из кладки. Через несколько минут в стене сиял аккуратный прямоугольник, который был когда-то вентиляцией.

— Теперь сиди и жди меня, да? — сказал Вадим Шипу. — Я так понимаю, ты не сможешь подпрыгнуть до самой дырки?

— Ты хочешь меня бросить? — с готовностью обиделся Шип.

— Нет, я хочу нас обоих освободить. Ладно, сиди и нишкни!

Вадим, поерзав животом по кирпичной кладке, пролез в проделанное отверстие и упал на землю снаружи будки. Хорошо, что кругом толстым слоем лежала прелея листва. Малахов моментально осмотрелся, спрятался за будкой и стал ждать, когда придет угрюмый Самойлов.

Расчет был прост. Скорее всего тот самый конвоир, что их привел, и сам доложит начальству, и с большой вероятностью поведет пленных на аудиенцию. А если начальство не захочет их видеть, то конвоир пойдет обратно на блокпост. Тогда будет время на то, чтобы вытащить Шипа. Сработал первый вариант. Через минуту открылась дверь в здании недалеко от трансформаторной будки, и оттуда показался Самойлов. Он неспешно подошел к будке и стал возиться с замком. Но кирпич, припасенный Вадимом из разобранный кладки, остановил его манипуляции. Оглушенный Самойлов тихо упал на листву. Вадим быстренько затащил военного за будку, снял с вояки брючный ремень и крепко связал. Носового платка у Самойлова не нашлось, и пришлось в качестве кляпа использовать шерстяную шапочку конвоира. Потом Вадим вернулся к двери, и через мгновение Шип, потирая отвыкшие от дневного света глаза, вышел наружу.

— Давай этого внутрь. — Вадим показал рукой за будку.

Военного, который уже начал подавать признаки жизни, затащили в будку, поменяли ремень на наручники. Потом закрыли железные двери и заперли замок.

— Ходу отсюда, — произнес Шип, — пока не подняли шум.

— Ты давай топай туда, где мы с зомбями общались, я через часик к тебе присоединюсь, наверное, — распорядился Вадим, осматривая автомат, который забрали у Самойлова.

— Это как же я с голыми руками туда пойду? — возмутился Шип. — Там и часа не продержишься, сожрут. Да и вещи наши, как я без них? Зря мы это дело замутили. Разобрались бы с нами и отпустили.

— Ну, ты и зануда! Тогда спрячься за будкой и сиди тут. Жди, когда вояки набегут.

— Нет, надо было... — не соглашался сталкер, нервно оглядываясь по сторонам.

— Ох, блин, на, бери «калаш» и иди куда сказал, жди. Я буду скоро. И вещи, надеюсь, принесу. — Малахов сердито сунул автомат в руки Шипу и пошел в сторону строения, откуда вышел Самойлов.

Вход в здание оказался незапертым, и, шагнув внутрь, Вадим попал в пустынный, слабо освещенный коридор. В коридоре гулко отдавались шаги, как ни старался Малахов идти беззвучно. Никто не охранял помещения изнутри, военные прикрывали только дальние подступы к «Янтарю», с блокпоста. Не обнаружив никаких признаков людей на первом этаже, Вадим по узкой лестнице поднялся на второй. Там тоже было пусто, только в самом дальнем конце коридора из приоткрытой двери доносились приглушенные голоса и в коридор пробивался свет. Малахов осторожно подошел ближе, стараясь ничем себя не выдать. За дверью беседовали двое, обсуждая какие-то технические вопросы.

— Можно к вам? — Вадим открыл дверь настежь и вошел в комнату.

Это было что-то вроде электронной лаборатории — заставленные аппаратурой стеллажи, монтажные столы, вдали у занавешенного окна осциллограф на тележке. У лабораторного стола стояли два человека в халатах. Один из них держал в руках электронную плату.

— Заходите, вы тот человек, которого охрана остановила? — ничуть не удивившись, спросил обитатель комнаты, который выглядел постарше. — Я — руководитель проекта Андрей Цукерман, а это наш электронщик Валерий Пашнев.

Цукерман, невысокий полноватый мужчина с аккуратной стрижкой, волевым лицом и нескладной фигурой, с интересом смотрел на Малахова. Не в меру полные бедра придавали ученому безвольный женоподобный вид. Пашнев был молод, в отличие от Цукермана, одетого в грязный белый халат, он носил синий модельный, явно шитый на заказ. Стрижка под горшок делала его похожим на Иванушку-дурачка. Указательный и безымянный пальцы Пашнева были желтыми от табачного дыма. Вадим даже и не понял, почему эта последняя деталь так бросилась в глаза.

— Ну, так, мягко говоря, задержали. Нас просто пристрелить хотели. — Вадим вошел в лабораторию.

— Вот же, говорил я Уве, не надо военных. Ничего нам не грозило с обычным режимом охраны. Так что вы хотели узнать? То есть нет! Солдат сказал, что у вас ко мне какие-то важные сведения.

— Да нет, не особо важные. Тут у вас рядом труп сталкера, и я просто хотел предупредить...

— Это что за гость такой? — раздалось за спиной. — Почему я не знаю?

В лабораторию вошел высокий, холеный иностранец. То, что он иностранец, было понятно сразу. Одет с иголочки, в очках в золотой оправе, с фарфоровыми зубами, которые делали его намного старше, чем на самом деле. Длинные, ухоженные волосы, завязанные сзади тонкой веревочкой, отблескивали дорогим гелем для укладки. В отличие от первых двух гость был вооружен, на боку у него болталась кобура с пистолетом.

— А, Шёнеберг, заходите, — чрезмерно любезно Цукерман. — Тут у нас гость. К нему охрана не очень адекватно отнеслась, как он говорит.

— Давать сюда. — Не обращая внимания на руководителя, Шёнеберг забрал у Пашнева плату. — Почему не продолжать измерения?

Он подошел к стойке с приборами и воткнул плату в один из установленных там крейтов.

— Господин Уве, — попытался что-то сказать Валерий Пашнев, но Шёнеберг только отмахнулся.

Он нахлобучил на голову сетку из проводов и нажал несколько кнопок. Малахов услышал, как легко загудела аппаратура. Ему показалось, что воздух вокруг загустел. Уве повернулся от стойки с аппаратурой и посмотрел прямо в глаза Вадиму.

— Ты зачем сюда пришел, ты почему стрелял в наши зольдатен? — жестко спросил иностранец.

Вадим почувствовал, как затруднилось дыхание, как силы стали его покидать, словно Уве, стоящий напротив, вытягивал их из Малахова. В глазах потемнело, и колени подогнулись сами по себе. Теряя сознание, Вадим успел увидеть, как сетка на голове Уве засветилась коронным разрядом и потом с треском вспыхнула огнем. Иностранец, выпучив от боли глаза, рухнул на пол, а к Вадиму, напротив, вернулось сознание, и он успел сгруппироваться, прежде чем упасть. С трудом, все еще чувствуя слабость, Вадим поднялся. Вокруг бездыханного тела Шёнеберга сустились Цукерман и Пашнев.

— Какого черта ты не остановил? — выговаривал Валерию Цукерман. — Он же не знал, что прошивка со сбоем, а если он того, что мы будем делать?

Малахов, окончательно придя в себя, подошел к лежащему на полу Уве. Пульса у того не было.

— Мне кажется, у вас труп, господа. Помер ваш фашист. Вы не потрудитесь мне объяснить, что здесь вообще происходит? У меня подозрения, что эксперимент, который

здесь проводился, в любом случае бы закончился одним трупом. Но, видимо, не тем, который мы сейчас имеем.

Вадим наклонился еще раз над мертвым и обыскал его. «Беретта» из кобуры дорогой кожи перекочевала Малахову за пояс, документов или чего-либо, что могло бы прояснить, кто такой этот Уве, не нашлось.

— Итак, я повторяю свой вопрос, — настойчиво и строго спросил Вадим. — Вы должны понять, что без ответов я отсюда не уйду. И не надо тянуться к рации.

Он вытащил из-за пояса пистолет и, внимательно осмотрев его, опять вернул на место. Демонстрации силы было достаточно.

— Я, я... просто хотел вам ее отдать. — Смущенный Цукерман передал терминал УКВ-радиостанции Вадиму. — На всякий случай.

— Итак?

Вадим не проявил никакой благодарности, но рацию взял.

— Это Уве Шёнеберг, он наш спонсор. Он дал нам денег на проект и тщательно следил за тем, как ведется работа. И на стадии исследования, и на стадии исполнения опытного образца, — сообщил Цукерман, а потом добавил с тревогой: — А почему вы навали его фашистом?

— Что за разработка? Вот эти блоки? — Вадим показал на стойку с аппаратурой, от которой тянулись провода к трупу Уве.

— Я могу вкратце, если позволите? — Цукерман повеселел, видно, ему очень нравилось говорить о своей работе. — Вы, конечно, знаете, что такое пси-поле?

— Наслышан, можно не объяснять, — кивнул Вадим.

— Так вот, многие исследовательские группы в последнее время пришли к выводу, что в Зоне имеется феномен спонтанного возбуждения этих полей. Но вот господин Уве привлек нашу группу не к спонтанным, а к искусственным источникам этих полей... Вернее, сами генераторы пси-полей хорошо известны, неоднократно применялись и на одиночных пациентах-экспериментаторах, и в реальной обстановке. Шёнеберг от имени одной частной меценатской группы предложил заняться чем-то совершенно новым, а именно адаптивным пси-полем. Это понятно?

— Нет, вот с этого места поподробнее! — попросил Малахов.

— Ну, представьте, вернее, не представьте, а вспомните, были великие гипнотизеры, ну, о Вольфе Мессинге вы точно слышали. Так вот, как они могли работать? Есть версия, что они могли влиять на психополе реципиента и изменять его. Это практически невозможно повторить в экспериментальных условиях. Но! Уве предложил невероятно интересный путь! Ведь можно генерировать пси-поле с обратной связью, а именно менять его так, чтобы добиться от реципиента наиболее сильной и программируемой в нужном, очень точном направлении, реакции. Ведь раньше как — врубят антенну и все вместе начинают орать что-то ритмическое и бессмысленное. Или толпа впадает в состояние немотивированной агрессии. Или плачет в состоянии немотивированной любви к новому богу. Ну или богине, как кому больше нравится. Это все пошло и примитивно! Мы, используя наш пси-модулятор, можем добиваться невероятных результатов. Но мы не остановились на этом! Господин Уве любезно предоставил нам результаты своих разработок! — Цукерман от волнения и гордости стал ходить по лаборатории туда-сюда, по-учительски размахивая карандашом, зажатым в правой руке.

— Ну, так расскажите же, мне очень интересно. — Вадим присел на краешек стола, стараясь не выпускать из круга зрения Пашнева, который безучастно сидел в кресле в дальнем конце лаборатории.

— Шёнеберг представил нам интереснейшие алгоритмы, по классу выполнения, я бы даже подумал, что это просто записи альфа-ритмов мозга реального человека. Если наложить их на наш модулятор, то можно добиваться просто невероятных результатов. При этом оператор может получить полный контроль над психикой, всей психикой реципиента и даже, ну как бы сказать, полностью поглотить эту психику. Мы пробовали на приматах, вы не поверите. От обезьяны оставался высушенный труп! При этом оператор словно наполнялся

энергией! Господин Уве лично работал оператором, не мог доверять нам. Или, может, просто был отважным ученым. Нет. Вы все-таки уверены, что он фашист? Это же тогда меняет все дело.

— Вы понимаете, что вы сделали? Ведь такая работа преступна, — оборвал его Малахов. — Вы создали орудие смерти.

— Мы не создавали никакого орудия смерти, — обиженно поджал губы Цукерман. — Мы создавали прибор для изучения и контроля над психикой. Это фундаментальные исследования! Мы работали на прогресс всего человечества! А потом, что вы понимаете в этом? Нам платили деньги, и мы делали свою работу. Это раньше надо было только по-украински говорить, и уже за это платили, теперь нет такого! Нам никто, кроме Уве, не платил. Все меняется.

— А вы не задумывались ни на секунду, что это, — Вадим ткнул пальцем в приборы, — вы делаете для мерзавцев?

— Это меня не должно волновать! — категорически ответил Цукерман. — Не мое дело воспитывать людей! Этим занимаются другие институты. Мое дело — дело прогресса! Фундаментальная наука не предназначена ни для кого конкретно! Только для человечества!

— Ну а вы не боитесь, что к таким невоспитанным и попадет ваша разработка? А если потом к ним в руки вы попадете? И с вами поиграют так, как со мной сегодня пытались? И прошивка будет уже работоспособная.

— А мне плевать! Я не боюсь, — гордо сообщил Цукерман в запале спора.

— Так уж и не боитесь? Поверьте — ужасное ощущение. Видимо, так и «Циклон»⁶ действовал в свое время.

— От «Циклона» спасает противогаз. А тут можно... — Цукерман осекся, поняв, что сболтнул лишнего.

— Ну-ка, ну-ка, расскажите. — Вадим оживился. — Вы хотите мне рассказать про противогазы, которые раздавали в крематории Освенцима?

— Ничего я вам не скажу! — Цукерман театрально отвернулся и стал изучать потолок.

— Я сначала пристрелю вашего напарника, хоть он, может быть, человек порядочный. Потому что нельзя, чтобы такие разработки увидели свет. Потом привяжу вас к этой вот стойке и подожгу тут все. Солдатики прибегут уже к обуглившемуся труп. Учтите — ничего личного, я просто буду спасать человечество. — Вадим говорил бесстрастно, словно читал по бумажке.

— Вы меня не так поняли! Я только собирался вам рассказать, — стал оправдываться изрядно побледневший Цукерман. — Мы же и защитой занимались.

Впечатленный Цукерман в изнеможении сел на стул, он пытался совладать собой, но руки предательски дрожали.

— Ну и? — поторопил его Малахов.

— Только для вас, вы мне очень симпатичны, я готов дать на испытания нашу разработку по пассивной защите. Вас в Зоне никакое пси-поле не сумеет поразить... Одну минутку! Валера, достаньте «ковер».

Валерий, видимо, человек безвольный и впечатлительный, полностью оправился после инцидента с Уве, кивнул и стал рыться в ящике лабораторного стола. На свет он извлек сверток из черной ткани. Пашнев развернул рулон на столе. В развернутом виде эта ткань представляла собой что-то вроде капюшона с длинным хвостом.

— Вот смотрите, это надо надеть на голову, а вот этот протектор, — Цукерман взял в руки хвост, — наложить на позвоночник. Там есть микро-, я даже не побоюсь такого слова, наношпы — они проникают в кожу и полностью закрывают собственным пассивным, безвредным, именно безвредным полем и спинной, и головной мозг.

— А как же на голове? Сквозь волосы?

---

⁶ «Циклон Б» (нем. *Zyklon B*) — название товарного продукта химической промышленности Германии, использовавшегося для массового уничтожения людей в газовых камерах лагерей смерти и в основном для дезинфекции.

— Там сложнее, — ответил за шефа Пашнев, который, видимо, разбирался в технике гораздо лучше своего шефа, — там вот, посмотрите.

Валерий раскрыл капюшон — внутри он был словно меховой, ворсинки из такого же черного волокна, из которого сделана вся защита, устилали его по всей поверхности.

— Можете попробовать! Вы ощутите сразу все! — излишне оптимистично предложил Цукерман.

— Он работает без питания? — Вадим не спешил примерять устройство.

— В Зоне энергия сама в нем пополняется. Ну, этот феномен мы пока еще и сами не понимаем. А вне Зоны нужна простая батарейка. Вот видите карманчик? Вы пробуйте, пробуйте!

Малахов решился. Он, не выпуская оружия, сбросил куртку, стащил свитер, причем ухитрился ни на секунду не потерять из поля зрения обоих ученых. Потом Валерий помог ему приладить защиту.

Когда капюшон накрыл голову, Вадиму показалось, что с него словно сняли тяжелый груз. Это ощущение не покидало его уже давно, со времени первой миссии в Зоне.

— Ага, чувствуете? — Цукерман плясал вокруг Вадима, как портной вокруг клиента. — Ведь здорово, да? А не будь у нас денег на модулятор, мы бы такого не сделали никогда. Это пока опытный образец, но мне не жалко. Вам в Зоне пригодится...

— Это еще не все. Давайте вашего мецената спрячем, — сказал Малахов, кивнув на тело Уве. — Мне надо, чтобы вы потом вызвали кого-то из военных — пусть вернут вещи и оружие. Сможете?

— Конечно, конечно. Валера, пожалуйста, помогите мне перенести господина Уве туда, за штору. — Цукерман показал на черную занавеску вдоль дальней стены помещения.

Оказалось, что черная ткань скрывала еще одну лабораторию, в ней было не меньше аппаратуры, чем в той, где находился Вадим.

— А там что? — Вадим увидел, что тут еще много интересного.

— Это система питания антенного комплекса. Мы же стали делать мощный модулятор, чтобы можно было контролировать большое пространство. Жаль, что теперь не сможем окончить. У нас не было никаких других источников финансирования, кроме Уве...

— Не жаль, мне абсолютно не жаль. Узнаю, что стали делать антенну, — устрою вам ковровое бомбометание, — заявил Вадим.

Цукерман пожал плечами, мол, дело ваше. Потом, когда Уве упрятали так, что признаков его присутствия не осталось, Цукерман связался по рации с охранниками и, строго следуя инструкциям Малахова, приказал отдать арестованному оружие и вещи.

— А тебе, Пашнев, я вот что порекомендую: вали из Зоны, пока цел. Ты еще молодой, не стоит заниматься сомнительными, в моральном плане сомнительными делами, — сказал Малахов Валерию.

— А кому я там нужен, вне Зоны? — уныло протянул молодой человек.

— Дай бумажку и карандаш, — попросил Малахов.

Пашнев разгреб на столе электронные платы, инструменты и научные журналы, лежавшие в полном беспорядке, и нашел и то, и другое.

— Вот тебе телефон. Генерал Лазненко, скажешь, от меня. — Вадим протянул клочок бумаги.

— А от кого?

— Скажешь, где виделся и что делал, он поймет. Все! Привет всем!

Вадим, стараясь не поворачиваться спиной к Цукерману и Пашневу, вышел из лаборатории и, заблокировав дверь стулом, покинул здание. В кармане на всякий случай лежала конфискованная рация. Малахов ни на йоту не доверял Цукерману. На блокпосте ему без каких-либо комментариев отдали оба рюкзака и оружие. С особой досадой старший из военных расстался с «Таурусом».

— Там начальник этот, как его, Цукерман, просил прийти к нему через полчаса. Что-то надо перенести, а сил нет.

— А твой второй где? — вспомнил вдруг военный.

— Так он сразу пошел в лес... Готовить ужин на костре.

Командир поморщился и отвернулся, мол, аудиенция окончена. Даже со спины было понятно, что военный очень жалел, что ему не дали шлепнуть пару гражданских.

Через несколько минут Малахов был на том месте, где они с Шипом встретили зомби. Труп уже не было, Зона побеспокоилась о мертвом. Вадим остановился на шоссе и огляделся. Сразу же из-за толстой сосны показался Шип.

— Я думал, ты уже не придешь, а смотри, выбрался! — Сталкер был рад, что они опять вместе. — Пока ты лазил там, смотри, что я нашел!

Шип достал из кармана «вспышку»

— Я же говорил, что тут их пруд пруди. Вот уже вторую штучку восстановили в твоей коллекции! — Шип выглядел вполне довольным.

Глава восемнадцатая

*Нам песня строить и жить помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!*

*Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели!
Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли.*

***

*И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споем боевую
И встанем грудью за Родину свою.*

**Слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского.
Песня из кинофильма «Веселые ребята»**

— Надо в «100 рентген», там и заночевать. Если договоримся, конечно. До складов сегодня не дойдем. Да и схрона поблизости нет у меня другого, — задумчиво произнес Шип, оглядываясь вокруг, как бы выбирая дорогу. — Только вот тут места дикие.

— И что там? Опять плен и расстрел? — Вадим тщательно осматривал оружие, которое хоть недолго, но побывало в чужих руках.

— Не надо грязи! Тут места такие, что разговоров ждать нельзя. Здесь надо стрелять сразу, что бы ты ни встретил и кого бы ты ни встретил — оно-то точно сразу стрелять будет. Кроме всей мерзости Зоны, тут еще и бандиты, отморозки полные, они ни с кем не считаются, живут разбоем. И дядя Сеня на них никакой управы найти не может, — угрюмо пробормотал Шип. — Что-то у нас с тобой прогулка ни в дугу. И зачем я с тобой связался? И зачем ты этот капюшон дурацкий напялил? И деньги ты вообще платишь никакие, и... ладно, пойдем. Взлся — проведу.

— Подожди, давай разберемся с оружием. — Вадим снял рюкзак и стал рыться в нем, проверяя содержимое.

К счастью, военные не ограбили вещмешки. У Малахова остались все три коробки патронов к «Таурусу» и около тридцати патронов к ТОЗу. У Шипа было похуже — всего три рожка.

— Так, вот только «Беретту» жалко выбрасывать. Всего одна обойма. — Вадим с сожалением повертел в руках пистолет. — Стоит ли тягать с собой лишний вес?

— Я возьму. Я, чтобы на такую игрушку заработать, еще долго должен по Зоне ходить. Ничего, не надорвусь. — Шип поспешил забрать у Вадима пистолет и спрятать его глубоко в рюкзак.

— Ну, что, штыком и гранатой? — Вадим поднялся и закинул рюкзак за спину. — Я что-то все больше склоняюсь к новой парадигме: «Видишь кровососа — подойди поговори. Видишь человека — стреляй».

— Ну... странный ты какой-то. Пойдем. — Шип тоже подобрал амуницию, и через секунду два человека, не таясь, как по проспекту, зашагали на север по раздолбанной трехколейной бетонке.

— Запе — вай! — неожиданно скомандовал Вадим.

— Ключнул в жопу жареный петух! — начал во все горло запевку Шип, ни на секунду не задумываясь.

— Белая армия, черный барон, — окончив запевку, Шип немедленно начал песню.

— Снова готовят нам царский трон, — тот час же вторил ему Малахов.

— Но от тайги до Британских морей! — продолжил Шип. — Красное крепкое всех сильней!!!

Фонтанчики бетонной крошки вырвались прямо из-под ног Вадима. Неведомый стрелок решил прервать песню. Малахов немедленно сорвал с плеча Шипа автомат и одиночным ответил на стрельбу из леса. Из кроны вековой ели на землю полетел, цепляясь ногами и руками за ветки, труп стрелка.

— Так пусть же Красная и легендарная...

— Моя познавшая радость побед, — продолжил Вадим и еще одним выстрелом, не целясь, завалил какую-то фигуру метрах в пятидесяти, выглядывавшую из-за сосны.

— Э... — замялся Шип.

— Пой, не тормози! Так и прорвемся!

— Расцветали яблони и груши! — внезапно поменял мелодию Шип, косясь на Вадима в поиске поддержки.

— Поплыли туманы над рек... — подхватил Малахов новую песню, — ...ой!

Новый труп упал на пути Вадима.

— Вставай, страна огромная! — Шип неожиданно взревел оперным баритоном. Он выхватил из рук Вадима свой автомат и стал все так же одиночными отстреливать засевших за деревьями бандитов. — Вставай на смертный бой!

— Стой, стой! Уже никого нет! — Вадим остановил сталкера, когда стало понятно, что неведомо откуда взявшийся бандитский заслон уничтожен. — Никого больше нет!

Шип, казалось, не понял слов Вадима.

— Я гляжу ей вслед, ничего в ней нет, — уже тихим голосом допел Вадим.

— Вот какой рассеянный сын Сары Моисеевны! — завершил на понижающейся ноте песенный фестиваль Юрий. И сел прямо на мокрый бетон шоссе. — Это что было?

— Это ты просто впал в песенный раж. — Малахов с трудом сдерживал улыбку. — Это как на рок-концерте. Концентрация жизненной силы в одной отдельно взятой человеческой фигуре.

— Не надо грязи! Я дрался как лев. Или нет, как вол! То есть нет, как бык! — перевозбужденный Шип не совсем понимал, что он говорит.

— Главное — прорвались. Где тут твой бар?

— А где мы? — в растерянности произнес сталкер.

— Мы — здесь! — объяснил Малахов.

— Ну, тогда, — Шип принялся, — бар там!

Сталкер поднялся и стремительно зашагал на восток. Он спрыгнул с небольшой насыпи, оставив слева тоннель под шоссе и, не сомневаясь ни секунды, пошел по тропинке, которая вилась вдоль опушки. Через двадцать минут они остановились перед зданием,

больше похожем на старый гараж, чем на бар. Но большая вывеска над железными воротами гласила: «Бар „100 рентген“».

— Пришли! — удовлетворенно сообщил сталкер. — Заходи!

Истерично скрипнула дверь в одной из створок железных ворот, и Шип вошел первым. Внутри бар походил на английский паб — деревянная обшивка стен, массивная стойка и деревянные строганные столы. Но это только на первый взгляд, брошенный в полутьме. При ближайшем рассмотрении стены оказались обиты нестроганными досками, стойка бара была сбита из останков кузова грузовика. А столы были бы более уместны во дворе советской многоэтажки, для того чтобы играть на них в домино. Но в сердце Зоны этот бар все равно выглядел шедевром сервиса и дизайна.

Сталкер громко поздоровался с немногочисленной публикой, сидящей за столами кто с кружками, кто с тарелками, и подошел к бармену. Малахов уселся на скамью у пустовавшего стола справа от входа и наблюдал со стороны, как Юрий что-то долго втолковывал бармену, а тот понимающе кивал.

— В общем, так! — Шип уселся напротив Вадима, окончив переговоры. — Ночлег дают, сейчас пожевать принесут, ну и само собой. Бармен дядю Сеню уважает, так что считай, что мы сможем комфортно отдохнуть.

Еда не заставила себя долго ждать. Угрюмый официант, по разговорчивости похожий на зомби, пробормотал что-то и поставил на стол две тарелки чечевичной похлебки, бутылку водки, два стакана и ложки.

— Короче, за весь сервис и еду с нас две сотни. Я своими заплатил, ты потом отдашь, да? — сообщил Шип и откупорил бутылку. — Щас по маленькой, а потом похлебку. Она у них просто божественная. Только сметану разболтай, а то она у тебя кучкой.

Сталкер налил граненые стаканы до середины и поднял свой.

— Ну, за меткость! — быстро проговорил он, чокнулся со стаканом Вадима, который тот еще не успел даже взять в руки, и опрокинул залпом водку.

Малахов не стал медлить и повторил священнодействие сталкера. А похлебка оказалась и в самом деле божественная. Там были и грибы, и копченый бекон, и тонкие специи. Правда, промелькнула предательская мысль о том, где собирались эти грибы, но Вадим ее немедленно отверг. Поглощая похлебку, он забыл про водку, и только звон бутылки о рюмку вернул его к реальности.

— Так и выпить не успеем, а ты все съешь! Давай за удачу! — нетерпеливо предложил сталкер.

— За удачу, да! — согласился Вадим. — Чтобы мы наконец поняли, зачем нас Сухой по Зоне водит, и наконец нашли Байкалова.

По вытянувшемуся Юриному лицу Вадим понял, что сказал что-то не то. Шип поморщился, его лысина порозовела, но он промолчал и выпил водку так же споро, как и перед этим. Очень скоро Вадим убедился, что он и вправду сказал что-то не то.

— До хрена знаешь? — раздался хриплый голос за спиной Малахова.

— Да, — ответил Вадим, не оборачиваясь и не прекращая есть похлебку.

— А мы не любим тут таких умников, — не успокоился человек за спиной.

— Иди в жопу, — спокойно сказал Вадим.

— Встань, сука, когда с тобой разговаривают! — заорали за спиной, и тяжелая рука опустилась на плечо Малахова.

Вадим моментально перехватил ложку и резким ударом, не оборачиваясь, вогнал ее в ногу стоящего за спиной человека. Потом Малахов поднялся, затылком врезавшись собеседнику в челюсть, и, резко развернувшись, и увидел, что отключил здорового громилу в камуфляже. На помощь своему товарищу вставали из-за соседнего стола трое, явно ищущие кровавой справедливости. Из глубины бара из-за стойки появились, словно материализовавшись из мрака, два жуткого вида амбала, но бармен жестом остановил их. Видимо, это была охрана.

— Сядьте и не шевелитесь, — предупредил сталкеров Вадим. В его руке блестел «Таурус».

Один из сталкеров, уже стоящий рядом со столом, потянулся к кобуре. Вадим навскидку выстрелил, и кобура отлетела в сторону.

— Не стоит экспериментировать, я хорошо стреляю, — строго сказал Вадим, набрасывая капюшон. — И объясните мне, какого хрена вам надо? Поверьте, я не люблю, когда мне не дают доесть.

— Байкалов убил моего друга, — внезапно донеслось из-под стола. Незнакомый сталкер уже пришел в себя, но драться больше не хотел. — А ты, урод, с ним дружбу водишь? Нельзя об этом гаде в приличном месте говорить.

— Во-первых, я с ним дружбу не вожу и даже не знаком. Во-вторых, у меня к нему серьезные вопросы. В-третьих, откуда ты знаешь, что он убил твоего друга?

Накинув на голову капюшон, Вадим почувствовал, что восприятие мира внезапно поменялось. Ощущение было таким, словно кто-то залез ему в мозг, прогнал тревогу, навел резкость в глазах и сделал мысли простыми и жесткими.

— Как откуда? — удивился сидящий на полу сталкер, зажимая ладонью раненую ногу. — Виталий Иванович сказал.

— Какой Виталий Иванович?

— Ну, тот, что в Припяти в ДК живет, — упавшим голосом и без тени злобы сказал сталкер.

— Ладно, вставай. — Вадим протянул руку и помог ему подняться. — Не надо было на меня наезжать. Вот возьми индивидуальный пакет, перебинтуй. Мир?

Вадим достал из рюкзака индивидуальный пакет и протянул его раненому.

— Мир, — буркнул сталкер, — но обещаю, что встретишь этого гада — замочишь.

— Не ты первый об этом просишь. Обещаю — сделаю все возможное.

На этом инцидент посчитали исчерпанным. Выпили мировую, потом выпили за распухшую челюсть и за скорое заживление ран. Потом поспорили, сможет ли Малахов за пять выстрелов удержать в воздухе алюминиевую тарелку. На улице пьяные сталкеры сначала стали просто стрелять по деревьям, соревнуясь, кто сколько веток срубит. Потом, когда Вадим попросил внимания, все замерли, напряженно бормоча. Сталкер с раненой ногой заявил, что он подбросит тарелку выше всех, и долго примеривался, прежде чем запустить алюминиевый диск в небо. Вадим успел среагировать и пять раз разрядил свой «Таурус» в тарелку, которая, позвякивая, подлетала все выше и выше. Один из болельщиков оказался неудовлетворен. Он, оказывается, спорил на то, что Малахов в тарелке сделает две дырки точно на расстоянии в диаметр доллара. Вадим, дождавшись, когда принесут новую, повторил стрельбы. Тут оказалось, что монеты в доллар ни у кого нет, да, впрочем, и быть не могло. Померить было нечем. Поспорив недолго, удовлетворенные сталкеры вернулись в бар, а вслед за ними и Малахов.

— Ну, ты и разошелся, — тихо сказал Шип, когда Вадим сел за стол. — Это же ты самого Болта вырубил. А друг его покойный — это Трамадол. И как ему кто-то успел сказать, что Трамадола Байкалов убил, если это только утром произошло.

— Шип, закажи пива, а то водка в меня уже не лезет. Надо бы полирнуть. И пусть на тот стол пива всем принесут. От меня, — попросил Малахов, указав на стол, где сидели сталкеры. — А я с Болтом еще поговорю.

— Извините, мужики. — Вадим подошел к столу недавних соперников. — Выпьем для окончательного закрепления дружбы народов.

Сталкеры за столом удовлетворенно хмыкнули.

— А вот Виталия Ивановича этого где можно увидеть? — продолжил Вадим.

— Так он уже домой ушел, в свой ДК. Не догонишь. Он тут с утра был. Пришел, про Трамадола рассказал и смотался, — ответил Болт.

— Ну, ладно, еще раз извини, что я так... — сказал Малахов.

— Да ладно, я и сам не знаю, чего полез. Трамадола жалко, — ответил Болт. — Ты там давай найди этого гада.

— Да постараюсь.

Теперь Вадим мог нормально продолжить ужин. В баре царили мир и покой. Над столами висел размеренный гул — обычное бормотание посетителей, рассказывающих о своих обыденных делах. Но с какого-то момента Вадим заметил, что над одним из столиков нависает напряжение. Там начался разговор на повышенных тонах. Малахов оторвал взгляд от тарелки и украдкой огляделся. Он увидел то, что подсознательно надеялся увидеть.

Налево по диагонали за столом сидели двое. Один, по внешнему виду сталкер, и второй, как и ожидалось — одетый с иголки человек из тех, кого Малча окрестила «комиссарами». Говорил в основном сталкер, крепко сжимая в руке кружку пива с поникшей пеной.

— Я же вам говорю, Иван Иванович, там всегда были «колобки», всегда. Когда вы просили, я ходил и приносил их. Вы меня сами научили их там собирать. И я всегда имел доход, и вы. Вы понимаете?

— Я ведь уже не заказываю тебе «колобков». В чем вопрос-то, Урал? — спокойно спросил Иван Иванович.

— Ну, так вчера я там вообще ни одного «колобка» не нашел!

— Ну и?

— Что ну и? Вы понимаете? С ноября прошлого года по июнь этого года у меня не было ни одной пустой ходки. Я всегда приносил хабар, как мы и договаривались. А вот уже третий день подряд там мало «колобков». — Сталкер, которого звали Урал, в сердцах поставил кружку с пивом на стол так, что содержимое плеснуло наружу.

— Я ничего не понимаю, ты меня позвал, чтобы что-то спросить, так спрашивай. — Собеседник сталкера был совершенно спокоен и, как показалось Вадиму, даже внутренне наслаждался происходящим.

Ответ не понравился Уралу, и он, сам себя распаляя, стал говорить уже настолько громко, что на их столик стали оглядываться остальные посетители бара.

— Ты что, совсем тупой? Я же говорю! С ноября месяца одна тысяча, нет, две тысячи двенадцатого года по июнь две тысячи тринадцатого года всегда были «колобки» там, где ты показал, а теперь их нет! Ты это понимаешь? — уже кричал Урал, пунцовея как помидор.

— Ну а вопрос твой в чем? — невозмутимо спросил Иван Иванович.

Урал взвыл и стукнулся головой о стол.

— Ты, сука, ответь на мой вопрос! Я тебе, тупому, опять повторяю! С ноября по июнь месяца этого года всегда были «колобки»...

— В этом году еще не было ноября, — перебил его собеседник.

— АААААААА! — заорал сталкер, подскочил, обежал вокруг стола, схватил кружку и залпом выпил пиво. — Ты зачем надо мной издеваешься? Я же тебя спрашиваю как человека, зачем ты мне кайф ломаешь? С июня по ноя... нет, с ноября по июнь у меня постоянно были «колобки», теперь их нет! Не-е-ет! Ты можешь ответить на мой ответ?

— Нет, я не могу ответить на твой ответ, — сказал Иван Иванович и с неуловимой улыбкой обвел взглядом бар, понимая, что сейчас внимание всех уже приковано к их столу.

— Ну, зачем надо мной так издеваться? Ты зачем мне кайф поломал, сволочь. — Сталкер вскочил и выхватил из-за пояса револьвер. Он навел его на Ивана Ивановича, но тут вдруг обойма выпала из пистолета и брякнулась на пол. Иван Иванович, даже не взглянув, коротким пинком отправил ее подальше от стола. Сделал это он так ловко, что сталкер даже и не заметил. Он стал ползать по полу, ища обойму, и, не найдя, вернулся за стол.

— Я тебя, урод, последний раз спрашиваю, ты ответишь мне на вопрос?! Или я сейчас сорву голос, и ты, скотина, мне потом будешь страховку медицинскую до конца своих дней выплачивать!

— Урал, если ты не сменишь тон разговора, то я буду вынужден его прекратить. Задавай наконец свой вопрос.

Сталкер пошел пятнами, его глаза стали закатываться, и уже из последних сил, с хлопьями пены на губах, Урал уже не сказал — провыл:

— Я тебя, сволочь, спрааашиваю!!! С ноября месяца од... две тысячи двенадцатого года по июнь месяц текущего года я всегда находил «колобки» в том месте, где ты мне

показал, а сейчас их НEEEEET!!! Я вложил кучу бабок в снарягу. Я тебе честно их приносил, а теперь их неет!!!

Сталкер на последних словах захрипел и упал на пол. К нему немедленно подбежали другие сталкеры, подхватили под руки и потащили прочь из бара.

Иван Иванович, дождавшись, когда сталкера унесут прочь, аккуратно промокнул салфеткой губы и вышел из бара.

— Вот же урод, — сказал Шип, который все это время тоже наблюдал за истерикой Урала.

— Да просто нервнобольной этот Урал, — сказал Вадим.

— Да раньше нормальный он был, что-то с ним сегодня такое... — ответил Шип и сосредоточился на еде.

Через полчаса, покончив с ужином, Шип с Малаховым обустроивались в комнатухе, которую раньше использовали для хранения какого-то инвентаря. Вдоль стены стоял двухэтажный стеллаж, переделанный под нары, и старый сундучок, видимо, тумбочка и стол одновременно. Но на комфорт в Зоне никто не рассчитывал. Окно было затянуто густой решеткой из прутьев толщиной в палец.

— Ну что завтра? Ты подумал о маршруте? — начал рекогносцировку Малахов.

— Склады, естественно, до них тут недалеко. Но вот что там будет, я не знаю, — ответил, позевывая, Юрий.

— Опять будут ловить-сажать-допрашивать? Это становится нашей доброй традицией в Зоне.

— Не надо грязи! — обиделся Шип. — Там «Свобода», они нормальные ребята, я с ними знаком. Так что... Ну за полдня мы справимся, а что дальше? Сразу на Радар переть, на ночь глядя? Ой, не нравится мне это... Ну, ладно... завтра решим.

Следующий звук, который издал Шип, был жизнерадостным храпением.

Но Вадиму не спалось.

Глава девятнадцатая

*Там, где выступ холодный и серый
Водопадом свергается вниз,
Я кричу у безмолвной пещеры
«Дионис! Дионис! Дионис!»*

*Утомясь после долгой охоты,
Запылив свой пурпурный наряд
Он ушел в бирюзовые гроты
Выжимать золотой виноград...*

*Дионис! На щите золоченом
Блеклых змей голубая борьба.
И рыдает разорванным стоном
Устремленная в небо труба...*

*И на пепел сожженного нарда,
Опьяненный, я падаю ниц:
Надо мной голова леопарда,
Золотого вождя колесниц!..*

*О, взметните покорные руки
В расцветенный Дианой карниз!..*

*Натяните упорные луки —
Дионис к нам идет, Дионис!*

*В облаках золотисто-пурпурный
Вечер плакал в туманной дали...
В моем сердце, узорчатой урне,
Светлой грусти дрожат хрустали.*

1915

Эдуард Багрицкий

Утром, наспех перекусив пайком, Малахов со сталкером покинули бар. На прощание бармен, которого вчерашнее приключение изрядно развеселило, дал завернутые в газету бутерброды с салом. Как презент от заведения.

Утренняя промозглость мало отличалась от дневной. Зона в раннем сумраке дремала, ничем не нарушая свой покой. Привязавшаяся за путниками слепая собака трусила шагах в двадцати сзади, не решаясь приблизиться. Малахов в конце концов бросил ей кусочек хлеба. После этого за ними топали уже три собаки.

— Говорил же я, ты не в меру сердобольный, — пробурчал Шип. — Ведь так ты скоро стаю соберешь. И что тогда? Они же в толпе звереют.

— Ну, это надо, чтобы ими кто-нибудь руководил, я правильно понимаю? — спросил Малахов.

Сегодня кидать гайки было его обязанностью, и делал он это в отличие от Шипа аккуратно и осмысленно, провешивая путь с точностью до сантиметра, обходя подозрительные места.

— Ну, вот и склады. Как-то мы быстро дотопали, — сказал Шип, увидев показавшиеся из-за деревьев ангары.

Собаки, внезапно переполошившись, ринулись в ближайшие заросли.

— Что, идем сдаваться? Может, сразу руки поднять, чтобы не стреляли? — Малахов уже не верил, что где-то в Зоне их могут встретить спокойно.

— Да нет, все нормально. Ты не вылезай вперед, да? Я уж тут сам разберусь, потом ты подходи. — Шип пошел чуть быстрее, нарочно оставляя Малахова на пару шагов позади себя.

Сталкер подошел к воротам, ведущим во двор перед громадными ангарами, и стал стучать кулаком. На очередной удар входная створка внезапно распахнулась, и Шипу, полетевшему в открытые ворота по инерции, кто-то изнутри заехал в лоб прикладом автомата.

«Твою мать!» — только и успел подумать Малахов, прежде чем удар по затылку отправил его в небытие.

Сознание вернулось от того, что что-то холодное давило на лоб. Когда Вадим смог уже полностью оценивать обстановку, он понял, что не на лоб давит холодное, а он, лежа на бетонном полу, упирается лбом в холодный камень. Руки и ноги не связаны. Вокруг царил тревожный полумрак. Впрочем, полумрак, подумалось Вадиму, в Зоне везде. Малахов с трудом сел. Голова болела сильно.

— О, очухался, — раздался голос Шипа.

— Да, блин, очухался. Хорошие у тебя тут друзья, блин. Что ты, на хер, за сталкер? Меня за всю жизнь не вязали, не сажали и не били по голове столько, сколько за последние дни! — Малахов был в бешенстве. — Что теперь? Сейчас опять допросят, расстреляют и дальше отпустят?

— Вот только не надо грязи! — пискнул Шип. — Пока я с тобой не связался, у меня проблем не было!

— Да ну тебя в жопу. Ты хоть знаешь, где мы? — Малахову не хотелось сейчас спорить с Юрием. У него болела голова.

— Где, где! В Караганде! — злобно ответил Шип и плюнул на пол. — В ангаре армейском! Прямо в том, что напротив входа. Мне хоть и дали в лобешник, но я в отличие от мягких горожан не падал в обморок. Следил! Затащили в ангар. У них там предбанник большой, вроде как офис или хрен его знает что. Затащили и кинули и тебя, блин, как мертвого, и меня в кладовку. Вон можешь посмотреть. Теперь сидят и водку пьют. Свобода у них! Я им, бля, свободу на баррикадах устрою!

Вадим подошел, покачиваясь, к той щели между дверью и косяком, на которую указал Шип. И вправду было видно помещение, что-то вроде подсобки на входе в ангар. Видимо, давным-давно хозяева этого ангара отделили от основного складского помещения два помещения площадью с десяток квадратных метров для obsługi или завхоза, построив две стенки из стальных листов. Так и получилось, что длиннющий ангар начинался двумя маленькими каморками. Во второй находились пленники, а в первой за столом сидели несколько человек и вправду пили. Громадная бутылка, от одного вида которой Малахова передернуло, стояла на столе со скромными закусками, разложенными на газете.

— Ерунда это все, — сказал Малахов.

— Ты о чем?

— Ты ангар тот видел? Сколько в нем метров в длину?

— Двести минимум, а потом посередине еще какие-то ответвления.

— А теперь подумай, вот перед нами метров десять ангара, у нас метра два в нашей камере. А остальное где? Ты говоришь, хорошо знаешь эти места. Там с другой стороны ангара есть выход?

— Да нету там ничего! — Шип оживился. — Та стена вообще упирается в земляной вал.

— И какой мы делаем вывод? — У Малахова от мысли о возможном побеге даже стала меньше болеть голова.

— А такой, что если мы сейчас проломим стенку, то с той стороны нас встретят и повыдергивают ноги, — мрачно сказал Шип.

— А если мы не попробуем отсюда смыться, то нас сначала допросят, а потом шлепнут, а потом повыдергивают ноги. Очередные вояки, которые какого-то хрена эскаэсами вооруженные, — ответил ему Малахов.

— С чего ты взял, что эскаэсами? — всполошился сталкер. — Ты же в отключке был, откуда ты видел?

— Ты, Сусанин хренов, в зеркало посмотри. У тебя на лбу отпечаток от приклада карабина нарисован. Жалко, что на торце номер не пишут, а то можно было бы потом узнать, из какой военной части этот карабин сперли.

Шип в смущении стал тереть лоб, освещенный узким лучом света, пробивающегося через щель в двери, на котором и вправду хорошо угадывался отпечаток.

— А может, ты договоришься? — задал Шип последний вопрос надежды. — У тебя получалось раньше.

— Нет! У меня договаривалка кончилась. Я уже и сам не понимаю, что я делаю в этой драной Зоне. А если тут встречаются прикладом по затылку, то мне вообще уже не хочется ни о чем думать. Все, дальше только по моим правилам. Радуйся, что я у тебя деньги не отниму, если вернусь.

— В лоб, — поправил его Шип и показал куда, ткнув пальцем в отметину.

— Это тебя в лоб! Их ослепляет твоя шевелюра. Я бы сам уже давно прошел и нашел все, что надо. Так вот! Хватит трепаться, ищем, чем проломить стену. — Вадим стал ощупывать заднюю стенку помещения.

— Эта... Они нам рюкзаки оставили. Порылись, ничего не взяли, кинули сюда. Странно, да? — Шип для убедительности встряхнул рюкзак. — И еще, я слышал, они говорили, что какого-то чудика ждут.

— Кого-кого? — Вадим увлекся изучением стены и не сразу понял, о чем говорит Шип.

— Ну, сказали, что должен какой-то Тео Чуди прийти, нас забрать. Мол, он приказал перехватить, — объяснил Юрий.

— Слушай, Шип, а ты не проворовался часом? Все нас хотят перехватить — иван ивановичи, чудики... Кому задолжал? — поинтересовался Малахов в шутку. — Признавайся.

— Я другое хочу сказать, ты заметил, что эти типы, которые встречались нам, все странные. У меня рядом с ними мурашки по спине бегут. Как будто они кишки мне выматывают. И чем дальше, тем хуже.

— Знал бы ты, что у меня выматывали на «Янтаре»... Ладно, я уже давно заметил, но пока не могу окончательно сформулировать свою мысль. А рюкзаки — это хорошо.

Вадим на ощупь выбрал свой вещмешок и достал из внешнего кармашка уже знакомую Шипу наживку. Помещение залил слабый, на этот раз голубой свет.

— У тебя все эти фигни разноцветные? — удивился сталкер. — Прямо Новый год и Первое мая.

— А черт их знает. Я жменю взял у тебя в шкафу. Давай стену шупать.

Сталкер тоже взял одну пластиковую палочку, сломал ее и, зажав в зубах, стал простукивать стену двумя руками.

— О, а это что такое? — удивился он. — Тут вроде коробка разводная. Только какие провода на стальной перегородке?

Вадим подошел и увидел, что в одном месте, причем так, что при беглом осмотре заметить невозможно, на фоне краски вырисовывалась прямоугольная линия, скрывающая, судя по всему, крышку. Он, пытаясь открыть коробку, нажал на нее слегка, и крышка ушла внутрь стены на сантиметр, а потом выехала наружу, открыв небольшой пульт с кнопками.

— Слушай, ангар строили сорок лет назад, откуда такое? — Вадим внимательно изучал пульт, освещая его цветной наживкой. — Это уже современные технологии. Ладно, пробуем. Только вот давай рюкзаки наденем. А то, может, придется быстро смываться.

Сталкер и Малахов надели свои вещмешки, и Вадим начал эксперименты с пультом. После третьей попытки стена дернулась и уехала вниз, под пол. За ней открылся громадный ангар, именно такой, каким он казался снаружи.

— Вместе шагаем, вдруг она возьмет и закроется сразу, как дверь лифта, — приказал Малахов.

Он оказался прав. Как только они шагнули внутрь, стена поехала вверх и опять стала на свое место. Тишину прорезал слабый щелчок, Вадим подумал, что, видимо, по ту сторону перекрытия закрылась крышка пульта. Шип снял рюкзак и достал оттуда фальшфейер. Зал ангара осветил яркий огонь.

— Ну и? — спросил Шип. — Мы поменяли маленькую камеру на большую? Оно нам было нужно? Ты посмотри — тут же словно тыщу лет пылесосили. Пусто как не знаю где! Что за ерунда.

— Не суетись, меня тут одна вещь беспокоит, — в задумчивости произнес Малахов.

— Что? Что может беспокоить мышь в мышеловке? Где приманка? — Шип, поняв, что затея Малахова ни к чему не привела, воспрял духом, уверенный, что восстановил свое главенство.

— Вот смотри, — спокойно продолжил Малахов, — ты видишь посередине разметку? — Он показал пальцем на пол.

— Ну, разметка. Ангар же громадный, — пренебрежительно ответил Шип. — Тут небось погрузчики бегали. Вот и разметка. Да тут даже и колея набита. И маслом накапано. Не смогли соскрести с полу, когда чистили.

— Ты правильно говоришь. Только вот смотри туда. Видишь? — Малахов ткнул указательным пальцем в дальний конец ангара.

— Ну идет разметка дальше, и что?

— И упирается в торец здания. Чтобы убить себя апстену? Пошли. — Вадим тоже снял рюкзак и бросил рядом с Шиповым.

Сталкер стремительно зашагал по разметке. Вадим старался не отставать от него. Они почти бегом добежали до противоположной стены и остановились как вкопанные — там лежали их рюкзаки. И не было никакой разметки, упирающейся в торец помещения.

— Смотри! — Вадим ткнул пальцем туда, откуда они пришли. Теперь разметка на полу упиралась в стену там.

— Ой, — только и сказал сталкер. — Сам я такого не видел никогда. Это «зеркало». Мужики рассказывали... — В голосе Шипа звучала растерянность.

— Блин, ты, сталкер! — возмутился Вадим. — Ну ладно я, просто так погулять вышел! Ты-то следить должен был! Нас могло перемолоть как свинью на фарш! Ты хоть гайку бы кинул, да? Для начала!

Он, конечно, злился не столько на Шипа, сколько на то, что перед ними возникло скорее всего непреодолимое препятствие.

— Да что я, что я? Сам побежал! Кинуть-то всегда можно.

Шип достал гайку и резко швырнул ее в глубь ангара. Гайка долетела до середины и, словно отразившись от невидимой стены, полетела назад.

— Да ну тебя! — заорал Шип, потирая ушибленный гайкой лоб. — Чего раскомандовался? Я ж тебе говорю — «зеркало»! Думать надо, как выбираться.

— Так, давай думать. Ты что видишь? — Вадим кивнул на противоположную стену.

— Ну, то же, что и ты, — не очень уверенно ответил сталкер.

— Но заметь, что стена не такая, как наша. Значит, нет полной инверсии пространственного континуума. Просто назад разворачивает только физические объекты. Ты понял меня?

— Мы люди простые, в университетах не учились, — буркнул сталкер. — Я только училище и окончил.

— ПТУ наладчиков паяльников? — съязвил Малахов.

— Да нет. Московское высшее техническое училище имени Баумана. Кафедра К5, — так же печально и скромно, с нотками ностальгии в голосе, ответил Юрий.

— Вот как... Ну, извини. Не ожидал. Ну так вот, что это значит?

— А ничего не значит, кроме того, что оно разворачивает только то или тех, кто пересекает определенную линию.

— Подожди. — Вадим засомневался в реальности происходящего. — Давай вперед, только осторожно. Помнишь, откуда гайка развернулась?

— Ну, примерно помню.

— Так, надо бы какую-то палку. Или... Ладно, сойдет. — Вадим достал из рюкзака алюминиевую ложку.

— Только ты поосторожней с ложкой, да? — предостерег его Шип, вспомнив инцидент в баре.

— Не бойсь, — успокоил Малахов.

Он медленно шел вперед, держа в вытянутой руке ложку. Потом резко остановился и бросил ложку вперед. Она пролетела метр и немедленно развернулась обратно.

— Ага, вот она, линия изврата, — обрадовался Вадим.

Он опять взял ложку и стал не спеша приближаться к невидимой стене. В какой-то момент ложка в руке дрогнула, но все равно продолжала свое движение вперед. Вадим продвигался буквально по миллиметру. Вот и он уже почувствовал неуловимую дрожь, которая прошла сквозь его тело. Еще миллиметр — и Вадим стоял с ложкой в руках прямо перед Шипом.

— Лихо ты это проделал, — только и смог сказать Шип. — Вот бы так в другую жизнь, хлоп — и перешел!

— Да, как-то безнадежно, — скривился Вадим. — И ведь, сволочь, оно не развернуло ложку или меня по частям, а только когда я, с ложкой, прошел весь — только тогда! О, давай еще попробуем.

Малахов взял Шипа за руку, и они пошли боком к магической линии. Только тогда, когда и они прошли через невидимую границу, стало понятно, что оба уже движутся в обратном направлении.

— Так! А ну-ка!!! Где ложка? Вот теперь смотри! — Вадиму пришла в голову блестящая идея.

Он, так же как в прошлый раз, пошел к линии отражения с ложкой в руке, только теперь он шел боком и держал ее в вытянутой руке так, чтобы ложка прошла в стену последней. Опять накатила волна легкой вибрации. В тот момент, когда она покинула пальцы и прошла по черенку, Вадим разжал руку, и ложка, звякнув, упала на пол. А сам он остался по ту стороны невидимой стены.

— Усек? — Вадим с довольным видом оглянулся на Шипа. — Только не забудь взять рюкзаки. По крайней мере мой.

— Усек, сейчас возьму, только ты мне скажи — а ты уверен, что там ты — это ты? А вдруг ты теперь начнешь не стареть, а молодеть, и лет так через много станешь младенцем? — с сомнением в голосе спросил сталкер.

— Я подумал. Если прошел, то не стану, а если бы отразился, то тогда как раз все пойдет наоборот.

— Да? — встревожился Шип и, подобрав ложку, без всяких колебаний прошел через «зеркало».

В это время, гадко зашипев, погас фальшфейер, который сталкер перед этим установил на полу. Наступила крошечная темнота.

— Ну и? Ты другой взять не догадался? — раздраженно спросил Малахов.

— Не надо грязи! — визгливо ответил Шип.

— Задолбал ты своей грязью! Куда мы теперь пойдем и как? Что там впереди?

— Сейчас гайку кину, — уверенно произнес Шип.

Засвистела в воздухе гайка, Шип, чтобы не получить опять по лбу, упал на пол. Но гайка не вернулась. Издалека слышалось, как она подпрыгнула несколько раз по полу и потом гулко ударилась о металлическую заднюю стенку.

— Вот видишь, пошли, — удовлетворенно произнес сталкер.

В темноте раздались его шаги. Шип шел вперед, уверенно, как по проспекту. Через некоторое время раздался глухой стук.

— Твою мать, — взвыл Юрий.

— Что там у тебя. Можно идти? — встревожился Вадим. — Ты никуда не влип опять?

— Да темно тут! Я в стенку врезался эту дурацкую!

— А, ну понятно. — Вадим переломил палочку наживки и осторожно пошел вперед. Скоро он различил фигуру сталкера, сидящего у самой стенки.

— Давно сидим? — спросил Вадим.

— А мне такую дать — жаба давила? Нельзя товарища подставлять. У меня теперь небось фингал на полрожи, — сердито проворчал Шип. — У меня и так лоб разбит, а ты... Тоже мне друг.

— А она у меня последняя была. Ты так шустро зашагал, что я подумал, ты прекрасно видишь в темноте. — Вадим подошел ближе к стене и стал ее ощупывать. — Нечего сидеть, давай искать, как ее открыть.

— Что открыть? Какого хрена мы вообще сюда перлись? Ну, идет разметка, упирается в стену? Ну, стукнуло в голову какому-нибудь сержанту, красил от подъема до стены, и что? Господи, ну что ты за клиент такой? Ну, зачем я в эту авантюру ввязался?

— Вот что, ты посмотри. — Вадим опустил палочку к самому полу, не обращая внимания на истерику Шипа. — Видишь — следы от колес уходят под стену. Это такие же ворота, которые мы только что прошли.

— Фигня это, а не ворота, — безнадежно сказал сталкер. Но простукивать стену начал без дополнительного напоминания.

Снова Шипу повезло больше. Он первым нашел электронный замок. Через мгновение отъехала крышка пульта, и сталкер нажал на первую попавшуюся кнопку. Стена ангара стала медленно опускаться вниз. По ту сторону открылось освещенное помещение, уходившее далеко вперед, поражающее воображение своими размерами.

— Мама же родная, это же... — только и смог произнести Шип.

Вадим застыл в изумлении, не находя слов.

— Ты такое видел когда-нибудь в жизни? — наконец спросил он.

— Я о таком мечтал всю жизнь. А оно вот тут. — Юрий развел руками, словно пытаясь объять все то, что предстало перед ним.

— Ну что — опять шагнем вперед вместе? Или гайку?

— Гайку! — согласился сталкер.

Он метнул вперед семигранник и убедился, что тот благополучно и без аномалий пролетел метров тридцать, прежде чем запрыгать по бетонному полу ангара.

— Ну что, вперед?

— Вперед, — ответил Вадим, и они шагнули через ушедшую в пол дверь.

Они стояли, все еще не веря своим глазам. За их спинами дверь вернулась на место.

Глава двадцатая

*Жила принцесса молодая,
Давным-давно, сто лет назад.
В каком краю? И сам не знаю.
Жила принцесса молодая —
Однажды чародейка злая
Принцессу превратила в клад.
Жила принцесса молодая,
Давным-давно, сто лет назад.*

*Колдунья в землю клад зарыла —
Такие были времена.
Да, в клад принцессу превратила
И в землю этот клад зарыла,
Там так уныло, так постыло —
А на земле цветет весна!
Колдунья в землю клад зарыла —
Такие были времена.*

*Сто лет его ждала принцесса
И услышала звук шагов:
Смельчак, явился он из леса,
Сто лет его ждала принцесса —
Был храбр, но не богат повеса,
Он клад забрал и был таков.
Сто лет его ждала принцесса
И услышала звук шагов.*

*Была невидимой бедняжка —
Ее он бросил в кошелек.
Ах, до чего ей было тяжело!
Была невидимой бедняжка.
Убил повесу побродяжка,
Взял кошелек — и наутек.
И горько плакала бедняжка —
Ее он бросил в кошелек.*

*Стал кошелек ей как могила,
А крикнуть не хватало сил.
Вослед им только буря выла:
Стал кошелек ей как могила,*

*Но некто видел все, что было,
Догнал убийцу — и убил.
Стал кошелек ей как могила,
А крикнуть не хватало сил.*

*Ее спаситель был поэтом.
Вскричал: «Дороже клада нет!
Он греет душу, но при этом
(Хоть был он бедным, но поэтом)
Любовью лучше быть согретым...»
Тут дева и явись на свет —
Ее спаситель был поэтом,
Вскричал: «Дороже клада нет!»*

Гийом Аполлинер⁷

Бесконечными линиями уходили вдаль стеллажи таинственного склада. В высоту стеллажи достигали около пятнадцати метров. Повсюду — и на каждом уровне стеллажей, и даже на полу — стояли ящики. Судя по невеселой расцветке, содержимое ящиков было армейского назначения.

— Ну что, у нас, как мне кажется, есть возможность компенсировать потерю оружия, — с довольным видом произнес Вадим, глядя на тысячи, а может, и сотни тысяч ящиков.

— А если тут, к примеру, только макароны? Или, скажем, портянки? — Шип сохранял разумный пессимизм. — Или станки с числовым управлением? Программным.

— Это вряд ли. По крайней мере в самом первом ящике — боевые мины. Видишь, написано: «ТМ-46». Четыре штуки. Типичный ящик с боевыми противотанковыми минами.

Вадим подошел поближе к стеллажу и попробовал дотянуться до крышки ящика с минами. Когда это не получилось, потому что стеллаж был достаточно высоким, он похлопал по боковине ящика, убеждаясь, что тот полон.

— Надеюсь, конечно, что на этом складе не только мины, — продолжил Малахов. — Хотя они тоже пригодятся. Вот, например, если мы будем стоять против танкового корпуса, эти мины нам могут пригодиться. Очень полезно поставить их у танков на пути. Жаль, мы раньше не нашли. Только надо стремянку найти, что ли. Иначе нам вдоль этих ящиков лазить до скончания века.

— Ну, если и найдем? Как ты ящик спустишь? А вдруг здесь только мины? — Сталкер был недоволен. Видимо, тем, что все это сокровище не унесешь домой. И, наверное, втайне он надеялся, что все-таки тут не только мины, и боялся спугнуть такое счастье.

— Давай сначала поищем. — Вадим направился вдоль стеллажей.

Нескончаемой чередой шли ящики со снарядами, стрелковым оружием, громадные кубы с частями артиллерийского вооружения, гранатометами, патронами, ПЗРК, опять патронами, личным оружием...

— Стоп! — Вадим почувствовал, что проскочил что-то очень важное. — Вот что тут, по-твоему?

Он присел у длинного черного ящика, на котором было написано «Raytheon/Power wear Hulk @016».

— Ну, не знаю. Может, тут винтовки американские. Или еще что. Откуда мне знать? — раздраженно ответил Шип.

— Ну да, ты же в университетах не обучался. И языков не знаешь. «Райтеон» — это фирма, которая разные интересные примочки делала. К примеру, экзоскелеты для армии. Вот давай вытащим это наружу. Я хочу надеяться, что там именно то, что надо.

---

⁷ Перевод М. Яснова.

Ящик оказался достаточно тяжелый, но вдвоем они его после некоторой возни извлекли на свет. Крышка оказалась не прибитой, а на защелках. Вадим откинул ее и увидел, что в ящике действительно находится конструкция, которая вполне могла бы быть экзоскелетом. Сооружение было похоже на большую недоделанную куклу. К коробке защитного цвета крепилась металлическая силовая конструкция, напоминающая конечности человека. Галоши с прочной толстой подошвой, дальше суставчатые сочленения. На каждом из таких суставов по несколько моторов. Усилители рук оканчивались громадными перчатками с манипуляторами. Силовые элементы были опутаны сетью питающих проводов и датчиков. Конструкция крепилась к человеческому телу добрым десятком ремней, связывающих руки и ноги с элементами механизма. Со спины позвоночник поддерживала сложная многозвеньевая металлическая стойка, повторяющая естественные изгибы спины.

— Офигеть! Я видал несколько раз похожие штучки, но этот совсем не такой. — Шип с восторгом потрогал сервомотор на коленном суставе скелета. — Я думаю, эта штука стоит море денег.

— А что, у тебя не хватит расплатиться? — усмехнулся Малахов. — Мне кажется, что этот склад вряд ли имеет действительного хозяина. Ты хоть вообще представляешь, где он находится?

— Этот вопрос меня уже давно мучает. Как-то я не видел, чтобы снаружи этот ангар был таким большим, — ответил Юрий. — И еще вопрос — как мы этот экзоскелет используем? Аккумуляторы небось не заряжены.

— Отставить панику, — с улыбкой сказал Вадим. — Для начала поднимем эту хрень.

— Ох и тяжелый, зараза, — прокряхтел Шип, помогая Вадиму поднимать скелет. — Но ведь если я его опущу, он обязательно грохнется.

— Подожди немного.

Малахов внимательно осмотрел устройство и нашел на задней части, где на скелет был навешан большой блок управления, кнопку с красноречивой надписью «ON». Аппарат включили, и экзоскелет как будто ожил. Он расправил свои конечности и теперь стоял уверенно, не теряя равновесия.

— Вот видишь, аккумулятор заряжен! — удовлетворенно произнес Вадим. — Но все-таки надо найти, где здесь розетка.

Он, не раздумывая, нырнул под стеллаж и через несколько секунд появился, держа в руках электрический шнур.

— Я знал!

— Что знал? — не понял сталкер.

— Все элементарно, Ватсон! — голосом актера Ливанова сказал Вадим. — Ты посмотри, скелет использованный, краска местами ободрана, значит, его явно использовали, и скорей всего на погрузочных работах на этом складе. Согласен?

— Логично, — кивнул сталкер.

— Значит, хранили его рядом с источником энергии. По-нашему — возле розетки!

Вадим осмотрел коробку на спине скелета и нашел там крышку, закрывающую небольшой дисплей и пульт управления. Там же был разъем, в который прекрасно вошел шнур. На дисплее появилась надпись: «Charging. Estimating time 10 minutes».

— Там, кстати, второй такой ящик есть, давай и его запустим.

— Слушай, если мы сможем эти скелеты унести, то бабок нам хватит очень надолго! — У Шипа от предвкушения заработка горели глаза. — Это мы хорошо зашли! Наконец я понимаю, что не зря с тобой пошел!

— Знаешь, что тебя погубит когда-нибудь? Ты корыстный! Не кажи, в общем, гоп. Давай лучше поищем, что тут еще есть.

Вадим пошел вдоль стеллажей дальше, в глубь ангара.

— О! Вот это то, что точно пригодится! Бинокли! — Вадим показал на ящик, стоящий на первом уровне стеллажа. — Шип, ты отмечай как-то, чтобы не забыть и достать потом, да?

— Бля, ну задолбал ты, — неожиданно взбеленился Шип. — Я тебе что, секретарша? Ты хоть что-нибудь в Зоне понимаешь, чтобы командовать?

— Прекратить бунт на корабле! — не очень серьезно сказал Малахов. — Выполнять команды. Вот ты лучше скажи, как отсюда уходить собрался?

— А что, пора, конечно, линять, хотя... — Шип сердито глянул на Вадима, но не стал спорить. — Только жизнь налаживаться стала...

— Ясно, идем дальше. Вот, вниманию господ интересантов, ПЗРК, очень удобные штучки для того, чтобы делать отверстия в чем-либо. Запомните, пожалуйста, уважаемый сталкер. Они нам пригодятся.

— Ну тебя в жопу! Кто кого по Зоне ведет? Ты хоть понимаешь, что такое Зона? Ты понимаешь дух Зоны? Ты понимаешь, что такое жить в Зоне и быть частью Зоны?

— Да куда мне, убогому? Это вы в Зоне все такие крутые, такие все и всюду понимающие. А не кажется ли тебе, уважаемый Кривошип, что ты в бирюльки с гусарами играешь? Не думал ты никогда, что Зона твоя — говно? Что это только собрание твоих собственных комплексов и твоих собственных детских страхов? Не думал ты, что на расстоянии десяти метров от Зоны о ней уже никто не помнит? — Вадим вдруг взбеленился не на шутку. — Ты понимаешь хоть, что все, что вокруг нас, — это геморрой планеты? В котором ковыряться — позорно? Сюда только фекальные массы мира сливаются. А ты, славный сталкер, роешься в них и ищешь что-то в надежде, что кто-то проглотил бриллиант. Ройся сто лет в дерьме, и ты найдешь «Кохинор»! А за двести — ты найдешь печатающую машинку, которая за тебя напишет венки сонетов.

— Венки сонетов я и сам напишу, — неожиданно возразил Шип.

— Говно твои стихи! — не останавливался Вадим.

— А ты читал? — не на шутку обиделся Шип.

— Не провоцируй меня на цитату. — В голосе Вадима послышалась усталость. — Давай искать дальше. Много вас тут, сообщающих, что в Зоне надо разбираться и прожить в ней сто лет. А копнешь глубже, выясняется, что мнение свое высказал сопляк, который дальше бара не выходил. Впрочем, к тебе это не имеет отношения. Хоть ты, конечно, и фрукт.

— Я обиделся, — сообщил Юрий.

— Тут только Бай имеет право обижаться. Его все ругают, а никто не видел. Это обидно.

— Да иди ты, — грубо ответил сталкер.

— Вот я и иду. Искать транспортные средства для того, чтобы свалить с этих копеек царя Соломона. Следуй за мной.

Беглый осмотр первых пятисот метров ангара позволил составить список того, чего могло хватить на первое время, с пометками, на каком стеллаже и в каком ящике оно лежит.

В списки входило многое, в частности:

Гранатометы и боекомплекты «Базальт».

Гранатомет ДП-64.

Пулемет M134 Minigun с подвеской и несколько ящиков патронов к нему.

Несколько АК-74 и снаряженные рожки к нему в несчетном количестве.

Канистра из нержавеющей стали с пятьюдесятью литрами спирта-ректификата.

Ракетница СП-81 и ящик зарядов к ней.

Пятьдесят продовольственных пайков стандарта НАТО.

Пионерский барабан на подарок Циркулю.

Ящик со складными ножами фирмы «Спайдерко».

— Ну, что, я удовлетворен! — Вадим вернулся к заскучавшему Шипу. — Теперь надеваем скелеты и начинаем собираться?

— А что ты там, вдали, за рекой, искал? По-моему, нормальный человек и десятой части этих игрушек не потянет. Тебя жадность удушила? Давай возьмем не все? — Сталкеру на самом деле хотелось нагрести как можно больше.

— Я искал транспортное средство. Ты предлагаешь бросить барабан или спирт? — Тут Вадим сделал вид, что вычеркивает из списка позиции.

— По Зоне ездить нельзя. Иначе сразу попадешь в аномалию, — не очень уверенно сказал Шип, отбирая список у Вадима.

— Так говорят лохи, которые и кобылой управлять не могут! Прорвемся!

— Не надо гря... Нет, это опасно, — совсем упавшим голосом, изучая список, произнес сталкер.

— Ладно, не болтай, давай облачайся! — Вадим ткнул пальцем в экзоскелет.

Крепление скелета было не очень сложным. Ступни легко вошли в силовые галоши, с помощью обычных липучек были зафиксированы ноги и руки на силовых элементах. Позвоночник опирался на мягкий задний ложемент скелета. Система стабилизации работала отлично, и Вадим легко сделал первые шаги. Одно только расстраивало — на быстрые движения скелет не отзывался. Быстродействие было невысоким, и попытка поиграть в футбол лафетом зенитной пушки не увенчалась успехом. Даже ударить ногой было невозможно.

— Да, в таком не побегаешь.

Вадим смотрел, как Шип изучал новые ощущения.

— Ну и как тебе скелетик? — спросил Малахов. — Впечатляет?

— А смотри! — Шип неожиданно подошел к стеллажу, подвывая сервоприводами, и легко, взявшись руками скелета за верхнюю полку, поднялся на второй уровень стеллажа.

— Ловок! Раз ты уже там — спускай ящик! — Вадим поднял руки, для того чтобы принять груз.

Сталкер поднял заранее намеченный ящик и передал его Малахову так, словно это была коробка с тортом. Так же легко Вадим поставил его на землю. Работа пошла споро. Через полчаса Шип, перебираясь, как паук, со стеллажа на стеллаж, спустил на пол все необходимые контейнеры.

— Давай спускайся, пойдем покажу, что я нашел! — позвал Шипа Малахов из дальнего конца ангара.

Шип спустился со стеллажа, что оказалось гораздо сложнее, чем подняться на него. Он долго пытался найти способ, но упрямая техника отказывалась выполнять сложный пируэт, и в итоге Шип решил спрыгнуть. Оказалось, что это не самая лучшая идея. Экзоскелет не отработал такого быстрого движения. Шип с трудом поднялся, самое неприятное, что он не мог почесать ушибленный бок.

— Будь осторожней впредь, — заметил Вадим. — Пошли.

Глава двадцать первая

*Мне снился сон, как будто на Синае
Я видел средь уступов и могил,
Как сам Господь в просторном малахае
С пророком Моисеем говорил.
Он диктовал законы Моисею:
Да, не убий, а то ведь не пойму,
И если что, отправлю всех в Рассею,
Кого в Норильск, кого на Колыму.
Не укради, — он требовал, — в скрижалях,
Решай экономический вопрос.
И было время — цены же снижали —
По-божьи жили, стало быть, всерьез.*

*Он отменить хотел прелюбодеяство,
Лишить народ неправедных утех.
И было на уме его — идей сто,
Но эта волновала больше всех:
Не ври и не завидуй — знай же меру, —
Живи патриархально, под пятой,
Люби отца и мать, а также Веру,
И будет Русь, возрадуйся, святой.
Он говорил еще, возможно, долго...
Но я проснулся в страхе и поту —
Хоть Колыму люблю, но больше Волгу
И эту не хочу менять на ту.
Я не хочу, мой Бог, в каменоломню,
Ведь нет на мне вины, что на Руси
Прижились три завета... их и помню —
Не верь,
не бойся,
не проси.*

Ю. Семенов

Гремя силовыми галошами, они зашагали в глубь ангара. Движение вдоль стеллажей завораживало. Казалось, все, что можно найти в мире, есть на этом складе. Сталкер пожалел, что первый раз не отправился вместе с Вадимом, ведь он, возможно, добавил бы в список еще не одну позицию. Промелькнули сигарообразные кассеты для ракет ПВО, метров сто тянулись десятки летающих тарелок, для них специально убрали верхние полки стеллажей. Танки, штурмовая авиация, невесть откуда взявшийся основной модуль «Шаттла», Шип успел даже прочесть на борту название «Challenger». Потом пошла совершенно незнакомая и невиданная техника, о предназначении которой нельзя было догадаться даже примерно. Юрий уже устал смотреть и удивляться к тому моменту, как Малахов остановился.

— Вот смотри, что я нашел! — Вадим показал на гигантский ящик, стоящий на нижнем ярусе.

— Ну и? Тут что? Скелет папонта, судя по размерам? — не разделил восторга напарника сталкер.

— А ты надпись прочесть не можешь? — Малахов провел ладонью по буквам на боковине ящика.

Шип, шевеля губами, прочитал себе под нос «Jordan trike „Jekamot“ Military refurbished. Reinforced».

— Да хрень какая-то военная, видать, трофейная. А что там?

— Эх ты, темнота семиподвальная. А еще в Москве учился. Смотри!

Вадим вытащил из-под стеллажа ящик и отщелкнул крепления. Панели упали на пол, и взору Шипа предстал громадный трехколесный мотоцикл.

— Это что, тачанка такая? — Шип с интересом обошел непривычную его взору конструкцию.

Мотоцикл и вправду своей широкой задней частью, где располагались два сиденья, и широкими колесами на задней оси напоминал легендарную повозку времен давней революции.

— Это трайк от знаменитой фирмы «Жордан»! Только самые крутые байкеры могли себе позволить такой. А тут армейский вариант. Правда, непонятно, зачем он нужен военным. Ну, может, разве что курьерам... Но смотри — тут и подвеска для пулемета есть. Придется поискать и его. В общем, давай оборудовать наше транспортное средство для прорыва через кордон.

— Слушай, ты и вправду хочешь на этой байде прорываться? Ты понимаешь, что мы через два шага напоремся на аномалию, и наши кишки разматает на несколько километров?

— Нет. Кишки короче. Пишут, что метров восемнадцать примерно. Так что так много не наматает. У меня был еще вариант использовать пилотские кресла, там дальше есть несколько штук. Садись, значит, и бабах — катапультируешься. Только крышу проломить надо заранее, — без тени иронии сказал Вадим.

— Ну, так и? — Вариант с катапультами Шипу понравился гораздо больше.

— Во-первых, нет никакой гарантии, что ты попадешь именно в пробитую дыру. А во-вторых, после катапультирования тебе еще долго придется по госпиталям валяться — компрессионный перелом позвоночника лечить.

— Да ну тебя! Тебя не поймешь, когда ты правду говоришь, а когда лажу порешь, — обиделся сталкер. — Ладно, мотоцикл, так мотоцикл. А бензин откуда? Кстати, да?!

— Все схвачено. Там дальше я нашел пару канистр. — И тут Вадим все продумал. — А в Зоне небось найдем и так?

— В Зоне найдем. — Шип смирился с необходимостью ехать на трайке и важно устроился на заднем сиденье, что в общем-то в экзоскелете сделать было нелегко.

Вадим посмотрел на манипуляции Шипа и, тяжело демонстративно вздохнув, двинулся дальше вдоль стеллажей.

— Ты куда? Ведь все нашли же? — забеспокоился Шип.

— Из тебя интендант, как из меня балерина, — отмахнулся Вадим, насколько это можно было сделать рукой экзоскелета.

Через пару минут Шип увидел, как Малахов возвращается, гремя пустым прицепом на двух колесах. Вадим тащил его за прицепное устройство, как маленький мальчик тянет игрушечный автомобильчик.

— Ты, конечно, опытный сталкер, — сказал Вадим, — но, конечно, не мог подумать, куда мы все наше счастье складывать будем.

Присоединить прицеп к фаркопу трайка оказалось делом простым. Вадим погрузил канистры с бензином и, забравшись в прицеп, оставил там экзоскелет.

— Ты мотоцикл водить умеешь? — спросил он Шипа, соскакивая на пол.

— У меня «Ява» была в юности, — похвастался Шип.

— Ну, тогда будешь меня подменять, — обрадовался Малахов.

Мотоцикл завелся с пол-оборота, словно соскучился по движению.

Работа над переоборудованием мотоцикла заняла много времени. Когда Вадим гордо водрузил шестиствольник на кормовую подвеску, Шип, только сейчас поняв, насколько это громоздкая конструкция, недовольно заворчал о том, что им еще не хватает ядерной бомбы.

— Ты знаешь, у меня просто маниакальная любовь к таким пулеметам. Я в детстве «Хищника» насмотрелся. Вот и люблю такие игрушки. Ты стрелять из него умеешь?

— Не бойсь, разберусь, — хулиганским тоном заявил Шип. — А как?

Вадим подробно показал элементы управления шестиствольным чудовищем. Потом крепили дополнительный аккумулятор, для которого использовали прицеп. С помощью инструментов, найденных на складе, добавили внешние подвески, в них закрепили гранатометы и ящики с патронами. Прицеп заполнили оружием и боеприпасами. Не забыли палатку, спальники и другое оборудование для походной жизни.

— Схожу посмотрю, там ящик интересный есть. — Сталкер не мог укротить жажду наживы и потопал в глубь ангара.

Вадим, уверенный в том, что подготовка уже окончена, пытался его остановить, но тот и не подумал послушаться.

— Вот смотри, что нашел! — Шип вернулся в крайней степени возбуждения, волоча небольшой деревянный ящик.

Ящик был похож скорее на шкатулку из дорогих сортов древесины. Темное, почти черное дерево с мелкой структурой матово блестело в свете тусклых лампочек. Резные, желтого металла уголки оковывали каждый торец гигантской шкатулки.

— Тут, наверное, бриллианты! — в предвкушении богатства заявил Шип, гордо поднимая ящик над головой.

— Ты что, перепил? — устало спросил Вадим.

— Ты посмотри, тут же написано! — Юрий восторженно ткнул пальцем на изящную вязь на одной из граней шкатулки.

— Ну и что? Блин, ты что, понимаешь эти каракули? — фыркнул Вадим.

— Я? Я вообще-то сам из ашкенази! У меня память генетическая! — Шип гордо понял голову.

— Урод ты, а не ашкенази. Что ты за сундук припер?

— Это же ковчег Моисея.

Шип с сакральным благоговением поставил ящик на пол и попытался поклониться находке. В экзоскелете это получилось не слишком изящно. Когда сталкер наконец смог встать на ноги, он простер хожни небу и начал вещать, как баптистский проповедник:

— Именем господа нашего Иеговы!

— Шип, или ты заткнешься, или я тебя сейчас заткну, — прервал сталкера Вадим. — Я не люблю мессианство. Объясни по-человечески, что это?

— Ты не понял? Да? Это ковчег, где хранятся скрижали пророка Моисея, который сорок лет водил по пустыне израильский народ.

— Ты меня не учи. Я библию тоже читал. Давай по-честному расскажи, что это и где ты это взял, — строго приказал Вадим. — В Моисеевом ковчеге никаких бриллиантов быть не должно. И описывается он совсем по-другому.

— Как по-другому? — забеспокоился Шип.

— Тоже мне охотник за черепами, — хмыкнул Вадим. — Первоисточники надо лучше знать! А написано там примерно так: он должен быть из дерева ситтим, иметь два с половиной локтя в длину, полтора — в ширину и в высоту. Его внутри и снаружи следовало обложить чистым золотом, на нижних углах укрепить золотые кольца, в которые продевать шесты из дерева ситтим, обложенные золотом. Они предназначались для того, чтобы иметь возможность переносить Ковчег, не прикасаясь к нему. Это было запрещено под страхом смерти. К Ковчегу было предложено также сделать съемную золотую крышку, на обеих сторонах которой должны были иметься золотые херувимы «с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу».

— Ты что, всю библию так наизусть шпаришь? — изумился Шип.

— Всю, не всю, но кое-что помню. Итак, где ты это взял?

— Ну там, на полке, — уныло начал рассказывать Шип, — ящик большой, на нем год 1938 написан и еще по-немецки всякое, типа, мозес сакарментаус дер дритте тафель, айн штюк, грал, айн штюк и лорнгиниус спайс айн штюк.

— Ну и почему ты выбрал именно ящик с третьей скрижалю Моисея? — спросил Вадим, внимательно осматривая шкатулку. — А не копьё судьбы или, скажем, грааль?

— Шо? — не понял Шип.

— Ты перечислил все это на диком немецком.

— Да? — всполошился сталкер. — Надо пойти взять!

— Не спеши. Не очень верю, что они там, но если и так, то святыни лучше не трогать. Это плохо кончается для тех, кто ими владеет. Гитлер покончил собой в тот момент, когда американцы захватили это самое копьё судьбы. Так что вряд ли оно находится в этом ящике.

— А что за третья скрижаль? — Шип все еще надеялся на то, что он действительно нашел сокровище.

— Ну, есть такая байка, что Моисей от Бога получил не две скрижали с десятью заповедями, а три с двенадцатью. Одну по дороге продолбал где-то, вот ее и искали. Но поверь мне — не советую открывать этот ящик. А вдруг там такое...

Шип с благоговением взял ящик и молча понес его на место.

— Ну и как теперь мы с этим через «зеркало» прорываться будем? — поинтересовался сталкер, когда все приготовления были закончены.

— Ну, как сюда вошли, так и отсюда уйдем, — ничуть не сомневаясь, ответил Малахов. — Бери ложку и садись в прицеп.

— Куда же я там сяду? — удивился сталкер.

— А хочешь, мы тебе там кресло пилотское поставим? Делов-то! С катапультой!

— Вот послушай, ты меня уже этими катапультами задолбал. Но у меня появилась мысль, а давай мы их на место задних кресел в моцике твоём поставим? И сидеть удобно, и мало ли что случится. Я их потом хорошо сдать могу, тому же Сидоровичу. — Шип не забывал о собственной, сталкерской выгоде.

— Да нет проблем. Дрель-гайковерт в руки — и вперед. Сейчас принесу.

Вадим опять надел экзоскелет, отправился за катапультами и скоро вернулся, держа в лапах экзоскелета по креслу К-36ВМ.

— Вот тебе. Давай крепить будем, — сказал Вадим, ставя кресла рядом с трайком.

Работа оказалась не такая сложная, и через пару часов все было готово к дороге.

— Слушай. А ведь сейчас вечер. И что мы будем делать ночью в Зоне? Это же глупость несусветная, — вдруг всполошился Шип.

Решено было все-таки переночевать. К ночевке тоже нужно было подготовиться. Хоть среди работ удалось перекусить армейскими пайками, но на ночь требовалось съесть что-то посерьезней. И опять начались поиски по ангару. И вот тут удалось найти нечто невероятное. Очевидно, неведомый хранитель этих складов был большим любителем французского вина. В ящиках, маркированных как «сухой паек — жидкости», оказались сотни бутылок лучших французских вин. Там были «Корбье», «Минервуа», «Фиту», «Сен Шиньян» и «Фожер» и многое другое. Вадиму пришлось только пожалеть, что к таким прекрасным красным винам нет ни сыра, ни мяса. Шип рассуждать не стал и после того, как удалось найти закуску, расслабился. Юрий удобно устроился на одном из ящиков и выпил залпом бутылку ротшильдовского «Шато лафита».

— А может, ну его все на фиг? — внезапно заявил сталкер, изрядно покраснев и лицом, и лысиной. — Может, тут останемся? Все есть. Все на шару. А девок... Ну, что-то придумаем. И зачем нам вообще вылезать отсюда? Тут есть все!

— Угу. А гадить ты куда будешь? Под дальнюю стену? Так скоро завоняется. А халява — она всегда кончается.

— Да, ты прав. Ну, давай хоть немного посидим? А то жалко бросать.

— А ты и не бросай. Мы сейчас, ну завтра отсюда выберемся, а ты место запомни.

— Так тут же вокруг ангара эти, «свободовцы», тусуются, как я обратно сюда?

— А мы давай так отсюда выйдем, чтобы никому и никогда в страшном сне не захотелось сюда возвращаться! И будет это твоя большая тайна. — Вадим ножом вскрыл большую банку тушенки и с удовольствием подцепил кусок мяса, положив его на галету. — А тушенка-то настоящая. Видать, еще советская.

— А тебе что, в совок опять хочется? Ты, может быть, еще и Сталина хочешь вернуть? — Пьяненького Шипа потянуло на политические дебаты.

— Никого я не хочу вернуть. Мне и нынешние поперек горла. Ты ешь, а не болтай, вон как тебя штормит.

— Это не я уже! Это Шип-второй! Так что не считается! Вот у меня есть стихотворение...

— Ну уж нет. Я не настолько пьян! — оборвал его Вадим. — Давай спать, да?

— Слушай, а что это вообще? — Шип внезапно всполошился. — Откуда это? Ведь... ну ты понял.

— Ты беспокоишься, откуда взялся этот склад? А не все ли равно. Есть и есть.

— Нет, — помотал головой Юрий. — Я не могу тут ходить, не имея никакого рационального объяснения происходящему!

— Ну ты и сказанул, — удивился Вадим неожиданному красноречию сталкера. — А если я тебе дам рациональное объяснение?

— Давай.

— Ну, так вот. Это склад гуманитарной помощи с Сириуса! — совершенно спокойно объяснил Вадим.

— Да? — недоверчиво глянул Шип. — А откуда тут земная техника?

— Ну, сам посуди, сириусяне — это ведь развитая цивилизация? Иначе как бы они могли такое соорудить?

— Ну да. — Шип говорил уже не совсем твердо.

— Ну так вот — они и отдали нам то, что им не нужно!

— В смысле?

— Ну, на хрен сириусянам наше барахло. Так ведь?

— Ну, так, — неуверенно согласился Юрий.

— Ну так вот! — жизнерадостно продолжил Малахов. — Они отдали ненужный хлам, как гуманитарную помощь!

— Так что, это трогать нельзя? — упавшим голосом спросил Шип.

— Нет! Нужно! Надо с коррупцией бороться и не допускать разбазаривания гуманитарной помощи.

— Ох, что-то мне муторно, — сказал сталкер и сел на пол.

Посидев секунду, он вдруг воспрянул духом и спросил:

— Ты издеваешься, да?

— Нет, я, блин, на баяне играю. Ты что, Шип, охренел? Ты в Зоне всегда спрашиваешь разрешения, брат — не брат? Опомнись!

— Не, ну то типа нашел артефакт, вот и добыча.

— Так не зудит. Мы нашли артефакт, считай, он наш!

Шип еще долго что-то бормотал, потом уже сквозь сон Вадим слышал, как сталкер играет в футбол бутылкой от вина. Наверное, это было хобби Шипа-второго. А потом наступил спокойный сон.

Наладонник Юрия заверещал в шесть утра, как и было запрограммировано. Шип выглядел так, словно он и не пил накануне. Зона и здесь не меняла своих правил. Вадим же вчера был сдержан, смакуя редчайшие вина.

— Ну что, поехали? — Малахов подошел к мотоциклу и проверил, что все готово к дороге. — Или подожди, надо облегчиться.

— Не фиг, — всполошился Шип. — Не надо загаживать мой склад!

— А ты представляешь, чем чреват боевой рейд с полным мочевым пузырем?

— Ыы... сейчас, подожди! — Сталкер нацепил экзоскелет и быстро зашагал вдоль стеллажей.

Он вернулся, таща перед собой очередной ящик.

— Вот! Нашел. Комплекты амуниции американского спецназа! — радостно сообщил Шип.

— А какое оно имеет отношение к малой нужде?

— Шлем возьмешь, чем не горшок?

— Ну, ты и садист, — буркнул Вадим.

В ящике и правда оказались шлемы, два из которых использовали не по назначению, но кроме того, нашлись и бронежилеты из нановолокон и многие другие полезные вещи. В итоге к моменту старта оба были облачены в хорошую экипировку, от естественного использования шлема Вадим тоже не отказался, хорошо представляя, что им предстоит в ближайшие минуты.

— Стой! Забыли! — Шип встрепенулся в самый последний момент перед стартом. — Ложка!!! Здесь должна быть ложка!

Глава двадцать вторая

*Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;*

*И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.*

*Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.*

*А другой — точно сразу поймет:
Вздрогнут плечи, рука у него;
Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растет.*

*Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.*

А. Блок

Громадная торцевая стена ангара ушла вниз, Вадим выжал сцепление, и трайк мягко двинулся вперед. Важно перевалившись через порог, мотоцикл легко покатыл по разметке ангара к инверсионной, невидимой стене.

— Ложку приготовь, — бросил Вадим через плечо Шипу, аккуратно управляя мотоциклом на минимальной скорости.

Сталкер в экзоскелете сидел в прицепе на коленях, сжимая в руках ложку. Прошла через все тело знакомая дрожь, звякнула, падая на бетон, ложка. Мотоцикл медленно подобрался ко второй перегородке, отделяющей ангар от помещения, которое использовалось как камера. Вадим заглушил мотор и попросил Шипа:

— Давай открывай ворота, а моцик — на руках. Не будем пугать народ раньше времени.

Очередная стена уехала под пол, и мотоцикл, толкаемый людьми, облаченными в экзоскелеты, аккуратно въехал в следующее помещение.

— Ну, что теперь? — шепотом спросил Вадим. — Устроим им первое мая?

— Новый год и елку, — так же шепотом ответил Шип.

— Ну что, поехали?

— Подожди, я хочу пошумнее! — У сталкера была какая-то своя идея. — Я еще в ангаре придумал.

Шип порывлся в прицепе и извлек нечто напоминающее шланг.

— Щас я им покажу!

Юрий с помощью скотча, который он тоже припас заранее, прилепил шланг на стену, отделяющую его и Вадима от помещения, где были «свободовцы».

— Это что за хрень? Ты когда ее нашел? — удивился Малахов.

— Пирошнур. Он сейчас эту стену разрежет с массой эффектов. Световых и звуковых. Думаешь, ты один на складе находил интересное? Пока ты там шастал, я тоже кое-что высмотрел.

Сталкер поджег запал, и огненная линия пролегла по стене. С визгом белое, яркое до боли в глазах пламя сожрало металл перегородки, и кусок стены рухнул, подняв облако пыли.

— Все на пол! Руки за голову, — заорал Шип и выпустил предупредительную очередь в потолок.

С утробным урчанием несколько слепых собак ринулись из помещения наружу через открытые ворота ангара. А внутри, за выжженной пирошнуром аркой, Вадим и Шип увидели

десяток трупов. Некоторые были уже объедены. Остальные, словно в кошмарном кино, сидели вокруг стола и лежали на полу. По трупам, не изуродованным собаками, можно было понять — они умерли так же, как и те сталкеры, которых находили по пути.

Малахов подошел к двери, ведущей наружу, открыл ее и осторожно выглянул. Признаков людей не наблюдалось. Только две слепые собаки в ожидании продолжения банкета сидели невдалеке.

Вадим подошел к одному из трупов, который смерть застала за столом. Ввалившиеся щеки, остекленевшие навывкате глаза во впалых глазницах и еще не остывшие руки.

— Они погибли совсем недавно, — сказал Вадим. — Мы можем еще догнать убийцу.

— А может, он нас может догнать? Если этот упырь замочил вот так просто десяток подготовленных боевиков, что мы тогда? Как мух прихлопнет! — На лице Шипа читался неподдельный страх.

— А ты думаешь, что это один человек сделал? — Вадим вытер ладонь от чужой крови.

— Не тупи! Байкалов это твой, Байкалов!

— Но не сидеть же здесь, в конце концов? Нам до ДК добраться надо еще сегодня. — Вадим и сам был в растерянности.

— Ну, поехали, раз так, — вдруг безразлично согласился Шип.

Сталкер распахнул основные ворота и уселся в кресло позади водительского. Он вытащил заранее приготовленную ракетницу и большую упаковку ракет.

— Посмотрим, насколько это удобнее гаек, — сказал Шип и выпустил ракету вдоль шоссе, ведущего к Радару.

Огненный шарик, оставляя за собой дымный след, пролетел над бетоном, упал метрах в ста впереди, несколько раз подпрыгнул, разбрызгивая искры, и завершил движение.

— И вправду, хорошо проवेशивает. Все-таки в хорошем прицепе, со всякими примочками, есть свое преимущество, — удовлетворенно произнес Шип, вставляя новый патрон в ракетницу. — И главное, дымный след отлично показывает все аномалии по пути. Наверное.

Трайк радостно загудел на средних оборотах и, переваливаясь на раздолбанном шоссе, покатил вслед за ракетой. Сталкер вертел головой на все триста шестьдесят градусов, хоть мотоцикл и двигался чуть быстрее пешехода, Шип очень нервничал и старался следить за окружающим пространством тщательнее, чем обычно.

— Стой! — вдруг заорал он и постучал по шлему на голове Малахова.

Вадим остановился. Сталкер соскочил на землю и, осторожно ступая по жухлой, мокрой траве, подобрал что-то.

— Что нашел? — поинтересовался Малахов, когда Шип вернулся на свое место.

— А как же мы без «снежинки» отсюда уедем? Надо собирать все, что посеяли в самом начале. Вдруг все-таки есть в этом какой-то смысл? — Шип удовлетворенно рассматривал находку.

— Разумно. Бросай в мой мешок, где три предыдущих лежит, — сказал Вадим, заводя мотоцикл.

Дальше дорога уходила направо, скрываясь под кронами елей, подступивших к самому шоссе. Осенняя морось придавала утреннему лесу и утреннему шоссе еще более мрачный вид, чем было на самом деле. Вадим еле успел притормозить, когда увидел впереди уже почти неразличимую фигуру человека, перебегавшего дорогу. Судя по крадущимся движениям, по тому, как бегущий постоянно оглядывался, он скрывался от преследования. Человек пересек бетонную ленту, рискуя упасть на разбитом покрытии. Но даже перебежав полотно, он не нашел убежища и опять вернулся на шоссе, внезапно остановился и задержался, как в эпилептическом припадке. Конвульсирующее тело упало на землю. Вадим резко остановил трайк. Он наблюдал, как из лесных зарослей, надвинувшихся на самую дорогу, вышел преследователь. Он был одет в длинный плащ, его голову скрывала мягкая широкополая шляпа. Из-под воротника выбивался неестественно яркий оранжевый шарф. Человек был совершенно спокоен и, подойдя к упавшему, наклонился и потрогал его за шею, видимо, проверяя пульс.

— Это Бай, стреляй! — раздался из-за спины истерический крик Шипа. — Стреляй, иначе он и нас прикончит.

В руку Вадима ткнулся приклад. Шип понимал, что Вадим стреляет гораздо лучше него, и пытался вставить в руку Малахова автомат. Малахов не спешил стрелять. Он подождал мгновение и короткой очередью вздыбил фонтанчики бетонной крошки у ног человека в оранжевом шарфе. Тот поднял голову и только тут заметил мотоцикл и Вадима с Шипом. Преследователь поднял руки вверх и помахал ими, демонстрируя, что он безоружен.

— Стреляй, не верь ему, — не успокаивался Шип. — Если ближе подойдем, он нас замочит, как тех несчастных.

— Сиди и не высовывайся, — строго сказал Малахов и, соскочив с водительского кресла, пошел к человеку в оранжевом шарфе.

Вадим, не скрываясь, держал в руке «дезерт игл», причем так, чтобы его было хорошо видно.

— Руки за голову, ляг на землю, гнида! — жестко приказал Вадим.

С этого расстояния было понятно, что у ног человека лежал труп. Так подогнуть ноги живой не смог бы.

Человек положил ладони на затылок и стал на колени, не отрывая взгляда от Малахова.

— Может, мне еще застрелиться? — неожиданно спросил он.

— Ты кто такой? Байкалов?

— Рад, что ты догадался. Да, я Дмитрий Байкалов. Это повод поставить меня на колени?

— Зачем ты убил людей в армейских складах? — спросил Вадим.

— Я? Убил? Ты что, с ума сошел?

— Я с тобой водку не пил! — оборвал Вадим. — Не надо фамильярности.

— Лучше бы ты со мной ее пил, Малахов, может быть, не было бы того безумия, которое тут кругом творится!

— Ты знаешь, кто я?

— Не тупи! Ты за мной в Зону пошел и думаешь, я не знаю, кто ты? — усмехнулся Байкалов.

— Урод! — взвился Малахов. — Что же ты, урод, тут по Зоне шастаешь, если знаешь, что я тебя ищу?

— Угу, я все брошу и буду тебя, страдальца, поджидать! Ты, блин, искал бы меня в прошлом году, может быть, и не было бы такого говна кругом, как сейчас!

Байкалов забыл, что ему приказали лежать на земле с руками за головой, вскочил, оббежал вокруг трупа и ткнул его ногой.

— Вот посмотри — это Тео Чуди, тот хрен, который завалил всех «свободовцев» в ангаре. Я его, суку, три месяца выслеживал, не мог подойти близко. А тут... Он сил набрался и пьяный был, как под кайфом, от этого бдительность потерял. Вот на выстрел арбалетный и подпустил. — Бай опять ткнул тело острым носком ботинка.

— Ты можешь говорить нормально? Я ни хрена не понимаю. Какой Чуди, кто кого замочил?.. — Малахов замотал головой, словно пытаясь отбросить наваждение.

— Ну, ты, блин, тупой! — Байкалов хлопнул ладонями по карманам своего пыльника и уселся на труп.

— Ну, расскажи все по-человечески, если такой умный. Подвинься. — Малахов сел рядом. — Закурить есть?

— Гаванские. «Esplendidos». Очень хорошей фирмы, «Cohiba». — Бай достал из внутреннего кармана пыльника футляр с длинными сигарами и протянул Вадиму. — На, я сигареты не курю.

— Ну, ты скажи, а где твой «ситроен»? — спросил Вадим после второй затяжки.

Он курил сигары не по правилам, глубоко затягиваясь, сдерживая кашель вначале, но полностью погружаясь в облако сизого дыма.

— Не скажу. — Байкалов посмотрел на сигару и продолжил: — Вот если ты видел этот «ситроен», почему ты не заинтересовался, откуда он тут, зачем он тут? Ты что, думаешь, я

настолько сумасшедший, чтобы в пестренькой машине по Зоне ездил? Я надеялся, что вы, супермены долбанные, поймете, что это знак. Тогда еще был шанс. — Байкалов долго прикуривал от своей зажигалки, все не получалось поджечь сигару как надо, но в конце концов торец сигары засветился равномерным оранжевым огоньком.

— Ото, мы бы все бросили и стали ловить гламурный призрак, — передразнивая Бая, сказал Малахов.

— Не болтай. Ты понимаешь хоть, о чем идет речь? — Бай выпустил сигарный дым кольцом и устроился на трупе поудобнее. — Ты извини. У меня жопа болит от этих приключений.

— Слушай, Дима, можно, я по имени? — Вадим тоже выпустил кольцо дыма, а потом сразу четыре, выстроив в воздухе эмблему «ауди». — Вот ты можешь подробно, без ерничанья, рассказать все, что ты знаешь?

— Могу, — не задумываясь, ответил Байкалов. — А имя мое откуда тебе известно?

— А я его знаю еще с того раза, когда проверял, на кого винтовка с лазерным прицелом записана. Тоже мне секрет Полишинеля. Ну, давай. Итак, год назад или когда это было. Я и моя группа в Зоне. И что?

— А ничто! — спокойно ответил Байкалов. — Все, что происходило, не имело отношения к вам лично. Главная задача энампов была одна — получить Зону под свое влияние. И все. Быть здесь как дома и делать все, что захочется.

— Энамп? Ты уверен, что я знаю, что это такое?

— Ну, блин, да ты же следаком работал в Киеве, и что, ничего не понял? — Байкалов в сердцах размазал пепел о свой пыльник, погасил сигару и стал опять ее раскуривать, распространяя жуткую вонь.

— Нет, ничего я не знаю, — с нотками раздражения ответил Вадим.

— Да ну тебя. Ты не понял, что энергетическим вампирам только одно надо — получить доступ в Зону? Ты что, не понял, что вот эта сука, — Бай ткнул кулаком в труп, на котором они сидели, — уже почти магистр энампов и может качать силу из десятка людей сразу? Ты что, совсем ничего не понимаешь?

— Совсем ничего, — грустно сказал Вадим. — И еще — вампиров не бывает. Давай по порядку. Я, конечно, не идиот и понимаю, о чем ты говоришь, но все-таки.

— Ты помнишь свою первую операцию? «Непрерывные молнии»?

— Ты что, в курсе операций Центра Аномальных Явлений? Кто ты такой, черт тебя подери? — Вадим не выдержал, вскочил и, потоптавшись на месте, опять сел.

— Слушай, давай отсюда уйдем, — внезапно предложил Дмитрий. — Заодно со своим сталкером познакомишь, а то он, болезный, там мается от тоски.

— А ему слушать то, что ты рассказываешь, можно? И еще — он хочет тебя убить. — Малахов поднялся — ему тоже было не очень уютно.

— А куда он денется. Или ты думаешь, мы дальше без него пройдем? А убить меня не он один хочет, так что я в такой обстановке себя даже вполне комфортно чувствую. — Байкалов зашагал в направлении трайка.

— Так, послушай меня, стой! — заорал Малахов. — Давай я все-таки впереди, да? Шип — он нервный.

— Ну, иди-иди, — пропустил его вперед Дмитрий.

— Вот знакомься, Шип, это Дмитрий Байкалов. Он говорит, что никого не убивал, — представил Вадим сталкеру Бая.

— Я не говорю, что никого не убивал, — поправил Байкалов Малахова, оглянувшись на труп Чуди. — Я не убивал никого, кто этого не заслужил. И ни одно убийство из тех, которые мне приписываются, не совершал. Так понятно?

— Понятно. — Шип кивнул и сглотнул слюну. — Арбалетик свой отдай, да? До выяснения.

— Ну, бери, — спокойно сказал Бай. — Только ты думаешь, я на тебя буду стрелу с серебряным наконечником и золотой сердцевиной тратить? Это еще заслужить надо!

Шип взял из рук Байкалова оружие и спрятал у себя за спиной, повесив его на руль мотоцикла.

— В общем, давай рассказывай все по порядку. — Вадим уселся в кресло-катапульту трайка.

— Ладно, слушайте. — Байкалов по-хозяйски заглянул в прицеп и выудил оттуда один из ящиков. Под изумленные взгляды Шипа и Вадима он пристроил ящик как табуретку и уселся сверху. Устроившись, он начал рассказ: — Всю историю человечества существуют легенды о вампирах. Причем только легенды. Сказки вроде сказок о Бабе-Яге и Кощее Бессмертном. Но вы никогда не задавались вопросом, почему эти сказки такие живучие? Почему существует устоявшийся образ вампира, почему время от времени наступает просто безумный интерес к этим вампирам? Вот книг понаписали столько, что некуда девать.

— Ты что, лекцию по книжному маркетингу мне читать собрался? — фыркнул, перебивая, Шип. — Лекций не надо, пожалуйста. Пугать вампирами в Зоне — дурной тон.

— Ладно, для особо альтернативно интересующихся попробую подойти с другой стороны. Год назад некая частная организация приложила максимальные усилия для того, чтобы создать в Зоне наиболее экстремальную атмосферу, по-простому — сделать из Зоны филиал ментального ада и, кроме того, получить полный доступ сюда, в Зону. Полный доступ для этой частной организации. Впрочем, это и не организация даже, а некий тайный орден.

— Опять жидомасоны? — буркнул Шип. — Блин, ну почему, если что случается, так сразу...

— Нет, они здесь ни при чем, — спокойно ответил Бай. — Это более влиятельное сообщество. Это люди, которые не могут жить без подпитки извне своей психики, своей, скажем так, жизненной силы.

— Опять двадцать пять, кровушку нашу сосут? — недовольно спросил Шип.

— Нет, — терпеливо, как при разговоре с психически больным, продолжил Дмитрий. — Им нужна психо-полярная подпитка. Вы все прекрасно знаете, что есть люди, которые только когда тебе настроение испортят, кишки вымотают, только тогда у них настроение улучшается.

— Да уж знаем, конечно. Только ради этого в Зону лезть? Сказки какие-то ты рассказываешь. — Шип взял в руки арбалет, слез со своего места и, не выпуская Бая из виду, достал из прицепа фляжку со спиртом. Но пить сразу не стал.

— А представь себе, что не сказки! Одному достаточно тебе настроение испортить, и его собственное поднимется. Другому уже нужен скандал устроить, иначе он спать спокойно не сможет. А вот представь себе, что человек получает возможность, скажем, способность, получать больше и больше энергии от визави, которого он приводит в возбужденное состояние. Энамп — энергетический вампир — начального уровня, имеется в виду, что он уже осознает, кто он такой, может в течение нескольких минут уложить человека без сознания, и тот будет уверен, что просто сердце прихватило. Но им очень важно получать качественную энергию, энергию человека в моменты высшего возбуждения. Страх, страх и только страх делает для энамп добычу наиболее желанной. Ну и кроме того, им важна безнаказанность. Когда можно творить все что угодно. Когда энамп имеет возможность проявлять свои способности в условиях, когда ему ничего не грозит.

— И что ты хочешь сказать? Что всех сталкеров и «свободовцев» сегодня какие-то психи гипнозом убили? — не успокаивался Шип.

— Нет, такое не каждому энампу под силу, это работа уже высшей касты. Такой, как этот Тео Чуди, может, только почуяв у человека зачатки страха, начать его раскручивать так, что через несколько минут от человека остается только расслабленный труп с выпученными от ужаса глазами. И работать он может сразу с десятком доноров. Именно вот эти, из высших, и рвались в Зону. Их союз пустил свои щупальца по всему миру, во многие правительственные организации. Можно сказать, что это одна из тайных движущих сил мира. Вернее, не движущих, они реально деструктивны, а владеющих миром сил. Черная сила.

— Ну, прямо страхи ты такие рассказываешь. — Вадим тоже не поверил в масштабность этих организаций. — Конспирология, может, и интересная вещь, но не до такой же степени она реальна?

— А ты считаешь, что пустить в прямом эфире ролик расстрела мирных туристов неким сотрудником спецслужб России — это легко сделать? Или потом спровоцировать ООН на полную блокаду Зоны — тоже легко? Вообще я только чуть коснулся этой темы, на самом деле все сложнее и хуже.

— А ты что, всю жизнь им посвятил? — Шип скептически посмотрел на Байкалова. Про ролик он или не знал, или ничего не понял.

— Этим занимается много поколений моих предков. И поверь, человечество им обязано. Обычно вампиры высшей касты очень малочисленны. Но всегда хорошо организованны и объединены. Однако бывают времена, когда они плодятся просто как кролики. Вот и сейчас... — Бай опять стал шумно раскуривать погасшую сигару.

— У них что — гон? — Шип от страха начал ерничать.

— Да что ты привязался! — Байкалов вдруг из спокойного состояния перешел в агрессивно-обиженное. — Я тебе что, отчитываться должен? Мне, может, обидно перед всякими тут душу раскрывать!

Он сердито засопел, отвернулся, но через мгновение успокоился и уже обычным голосом продолжил.

— Но вред, который они приносят, ничто по сравнению с главной целью существования их организации. Этот орден, организация этих сволочей, существует с единственной целью, направленной только на одно — не прозевать появление высшего вампира. Вампира высшей силы. И этот самый гон, как ты сказал. — Бай ткнул двумя пальцами, в которых была зажата сигара, в сторону Юрия. — Это самое резкое увеличение числа энергетических паразитов возникает именно перед появлением высшего.

— А высший — он что за птица? — Вадим решил пресечь выпады Шипа и включился в разговор. — От остальных силой отличается или чем?

— Высшему уже все равно, как себя чувствует человек, слаб он или силен, грустен или взволнован. Вампир поглощает человеческую жизненную силу так, как мы дышим. Он просто может сожрать человечество за несколько дней и перейти в практически нематериальную форму. В форму невещественного сгустка темной энергии.

— Что-то я не помню, чтобы кто-то взял вот так и сожрал человечество, — опять буркнул Шип.

— Ты наблюдателен, сталкер. Но, видимо, человечеству бы очень повезло, если бы вампиры слопали тебя еще при рождении. — Байкалова слова Шипа развеселили. — Мы подошли к самому интересному моменту. Мир-то вообще система уравновешенная.

— Ты сейчас скажешь, что на каждую гайку есть болт с резьбой? — Малахов глубоко затыкнул сигарой.

— Антивампир. Или, если хочешь, вампир позитивный. Это, конечно, все терминология, притянутая за уши. Это я вам так, просто для доходчивости объясняю.

— Щас ты нам физику Перышкина начнешь рассказывать. Про заряды и взаимное притяжение, — брякнул Шип. — Ведерко Фарадея, блин.

Байкалов сделал вид, что не заметил очередного выпада, и продолжил:

— Кроме знампов в том смысле, как я объяснил, существуют и люди, которые, часто сами того не замечая, тоже поглощают энергию у своих собеседников, но энергию совершенно другого толка. Вспомни, ты небось встречался с такими? — Бай демонстративно говорил только с Вадимом. — Общение с некоторыми людьми успокаивает, снижает агрессию, ну... Ну, ты понял.

— Конечно, всегда есть пассионарные индивиды, только не говори мне, что у них тоже своя организация и по ночам они собираются в подвалах домов и медитируют. Поглощая негативное настроение у людей. — Теперь и Вадим засомневался.

— Нет, к сожалению. Они себе живут потихоньку и никого не трогают. Так ведь всегда в мире. Мерзавцы объединяются в стаи и становятся опасны, а те, кто может им противостоять, они каждый сам по себе. Как кошки.

— Что кошки? — не понял Малахов.

— Кошка — классический позитивный вампир. Не зря их связывают с ведьмами и колдовством.

— Если она позитивна, так зачем же связывать с колдовством?

— А вот это как раз и дело рук энампов. Кошка — классический способ распознать энампа. Они, кошки, их за версту чувят. Вот и ведут энампы против них негласную войну.

— Кошки, кролики — врешь ты все. — У Шипа кончилось терпение.

— Еще одно слово, и я сломаю тебе палец, — спокойно, с металлом в голосе, произнес Бай.

— Ты? Мне? — Шип вскочил как ужаленный. — Ломали уже мне, не сломали!

Он соскочил с мотоцикла, подошел вплотную к Баю и неожиданно схватил его за большой палец левой руки и крутанул вниз. Байкалов, не ожидая такого, взвыл от боли, выронил сигару. И ударил носком ботинка Шипа по голени. Следующие несколько минут Байкалов тихо подвывал, держась за палец, а Шип поскуливал, лежа на мокрой листве.

Тяжело вздохнув, Малахов стал рыться в прицепе в поисках аптечки и бинта. Он не сомневался, что палец Байкалова сломан. Вадим отыскал обезболивающее, рывкнул на Байкалова, когда тот попытался сопротивляться, сделал инъекцию и наложил шину на большой палец. Дмитрий к тому времени уже успокоился — подействовала анестезия. Шип отделался только ссадиной на голени, впрочем, Малахов с воспитательной целью залил ее йодом.

— Так, теперь сядьте по обе стороны от меня, и ты, Шип, просто молчи, а ты, Бай, отвечай на мои вопросы, — строго приказал Малахов.

Сталкер демонстративно отвернулся, возмущенно сияя розовой лысиной, но Байкалов взял в себя в руки и кивнул в знак согласия.

— Ты хочешь сказать, что в ближайшее время должен появиться высший энергетический вампир, он может быть крайне опасен, и последствия этого глобальны?

— Да, — согласился Бай. — Он...

— Стой, не спеши. Ты говоришь, что такое было неоднократно, но катастрофы удавалось избежать? — Вадим поднял указательный палец.

— Да, — кивнул Дмитрий.

— Теперь объясни. Ты хочешь сказать, что до сих пор удавалось нейтрализовать этих паразитов с помощью людей, которые обладают схожими способностями? — Вадим задавал вопросы четко, вкладывая в голос строгие учительские нотки, требуя от Бая простых и четких ответов.

— Да, и ты был свидетелем этого, — неожиданно заявил Байкалов.

— Это ты о...

— Твоя операция «Непрерывные молнии».

Тут Шип оживился.

— Какая операция? Ты кто такой? — Юрий смотрел на Малахова ошалело.

— Почему... э-э-э... этот про тебя знает то, чего не знаю я?

— Ну, скажем так, я сотрудник одной организации, которая изучает всякие явления, — неохотно объяснил Малахов.

— Блин, ну я и влип! — разъярился Шип. — Я думал, ты искатель приключений, может, даже охотник какой. А ты... Ты тут под Зону копаешь? Да меня за то, что я тебя водил по Зоне, братки вверх ногами повесят! Что же ты... А с виду мужик порядочный!..

— Не бойся. Меня оттуда давно уволили. И сейчас я просто ищу ответы на вопросы. Так что успокойся, — сказал Вадим и, повернувшись к Баю, спросил: — Объясни, пожалуйста, тогда, что же было в той операции?

Глава двадцать третья

*Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.*

*Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.*

Константин Случевский

1997 год. Центр Аномальных Явлений, Москва

Лазненко собрал группу уже под конец рабочего дня.

— У нас новая задача. Я думаю, товарищ Завадский, — обратился он к руководителю группы, — вы удовлетворены участием Малахова в прошлой поездке и не возражаете, чтобы он участвовал и сейчас?

— Нет, конечно, Вадим себя зарекомендовал хорошо. — Завадский, рано поседевший аналитик Центра, руководитель самой успешной из оперативных групп, кивнул в подтверждение своих слов. — Я не буду возражать против того, чтобы молодой человек остался в нашей группе на постоянной основе.

— Ладно, тогда я ввожу вас в курс дела, — продолжил Лазненко. — В течение последних трех дней в пределах нашей военной базы на территории одной из среднеазиатских республик происходит явление, которое пресса уже окрестила как «непрерывные молнии». Суть явления состоит в том, что на территории, ограниченной площадью в сто пятьдесят — двести квадратных метров, последние три дня происходит аномальная электростатическая буря. Проще говоря, с чистого неба непрерывно бьют молнии. Так как объект режимный, туда, естественно, никого не пускают. Научная проработка явления не дала ничего, кроме обычного сбора информации и констатации факта. Ваша задача: прибыть в район аномалии и попытаться разобраться, в чем дело. Обычная процедура. Работать будете под прикрытием. Ну, почти. Командир базы полковник Шубин будет в курсе вашей миссии. Для остальных вы просто командировочные из другой части, которые проверяют электронные средства базы. Все. Готовьтесь, через шесть часов — вылет.

Поздняя весна встретила группу разнотравьем и бушующим ковром маков в степи. Команда подкатила к воротам базы на потрепанном грузовике. Видимо, жизнь на этой базе не отличалась разнообразием и строгой дисциплиной. Испуганный солдатик, скорее всего из недавно призванных, открыл ворота под строгим взглядом сержанта, уже готового к дембелю. Если на солдатике форма была не по размеру, сапоги болтались в голенищах и галифе были испачканы сзади гуталином, то дембель выглядел как зимбабвийский почтальон. И складки на сапогах, любовно сформированные долгими ночами с помощью плоскогубцев, и подворотничок с вставкой, широким валиком огибающий воротник кителя, и сам китель, ушитый до состояния модного пиджака, и галифе, скорее похожие на узкие джинсы. Сержант следил за работой солдата, как кот за мышью. Видимо, для того, чтобы показать свою значимость, он в конце концов заехал в ухо салаге, когда тот завозился с замком, запирая ворота.

Для людей в машине это казалось диким, но о нравах, царящих в дальних гарнизонах, все были наслышаны и вмешиваться не стали.

Вадим выскочил из кузова первым — самый молодой в группе и самый спортивный. По легенде на нем была форма рядового, в отличие от всех остальных — офицеров.

— Слышь, сержант, покажи, где здесь командир, — обратился Малахов к местному.

Вадима подвело не то, что он сам обратился к дембелю, а то, что на нем была новая форма. Явный признак «молодого». Сержант высокомерно отвернулся от салабона и крикнул своему солдату:

— Кулик, дух, твою мать, отведи их в штаб!

— Сержант, что вы себе позволяете? — одернул дембеля Завадский, на котором была форма с погонами подполковника. — Немедленно берите вещи и ведите нас к командиру. Он ждет нас.

Дембель зло зыркнул на Вадима, но послушаться подполковника, да еще приезжего, не посмел. Он наклонился, взял в руки маленькую сумочку, там были ремкомплекты к сканерам, и буркнул:

— Идите за мной.

— Пойдем, только ты возьми не эту сумочку, а вон ту! — приказал Завадский.

Офицер показал на большую, с тяжелыми аккумуляторами, сумку.

Командир части полковник Дрига был худым, усталым человеком. Он дослуживал последний год до пенсии, мечтал о большой звезде на увольнение и мало следил за дисциплиной и порядком в части. Основную работу по радиозащите давно прекратили, и часть просто доживала свое время до того момента, как ее свернут.

— Заходите, садитесь. — Дрига вышел из кабинета навстречу гостям. Ему заранее позвонили из генштаба, и не кто-нибудь, а сам главком, поэтому встречал группу командир с должным уважением и с распростертыми объятиями. — Я распорядился, сейчас вам готовят комнаты в гостинице для офицеров. Но я не думал, что с вами рядовой будет... — Дрига озадаченно глянул на Вадима.

— Он не рядовой. И будет жить там, где вся группа.

— Да, да, конечно, как пожелаете, — согласно кивнул Дрига.

— Скажите, когда можно будет нас сопроводить туда, где наиболее активны молнии? — с места в карьер начал Завадский.

— Да вы понимаете, они-то непредсказуемые. Сегодня ничего не было, а вот вчера тут все ходуном ходило, — развел руками полковник. — Вы понимаете, личный состав очень боится, очень обеспокоен этим явлением. Солдаты украли вчера спирт, а когда дежурный по части пытался их вразумить, сказали, что без спиртного у них от этих разрядов сильно болит голова. А что я могу сделать? Приказ уже был, молодняк не прислали, мне приходится заниматься боевой подготовкой с дембелями, а ведь это уже и не военнослужащие, по сути.

— Мы, к сожалению, тут ничем помочь не можем. Давайте покажите нам, где расквартироваться, и будем ждать, когда начнется опять. Как часто они вообще возникают? — Проблемы внутренней жизни части Завадского не интересовали.

— Ну, когда совсем часто, а когда просто одна-две ударит и все, — тревожно сказал Дрига, видимо, не поняв вопроса.

— Сколько раз в день? — уточнил Завадский.

— А! Ну, один раз как минимум. Сегодня еще не было.

— А можно сходить туда, где они уже были, посмотреть? — Вадим по молодости лет горел желанием начать работу прямо сейчас.

— Ну, если рвешься в бой, — улыбнулся Завадский, — возьми камеру, сходи туда, сфотографируй. А мы пока обустроимся.

— Меня кто-нибудь проводит? — обратился Малахов к Дриге. И добавил: — Товарищ полковник.

— Да что там провожать! Выйдешь из штаба, слева вдалеке антенну увидишь, тарелку. Так за ней метров сто пройти, и будет то самое место. Сразу поймешь, — просто объяснил Дрига.

— Давай-давай, сходи, — кивнул Завадский. — Мы пока тут аппаратуру распакуем.

Вадим подхватил сумку с личными вещами и камерой, фотографирование входило в его обязанности по штатному расписанию, и вышел из кабинета Дриги, с удовольствием приступая к работе.

Весенняя степь, казалось, не могла нарадоваться тому, что ушла зима. Изумрудный ковер сверкал такими оттенками, что Вадиму было даже жалко по нему ступать. Он в несколько минут дошагал до большой тарелки антенны и, обогнув ее, начал осматриваться в поисках того места, где недавно бушевала электрическая стихия.

— Эй, салабон, давай сфотографируй нас на альбом, — услышал Вадим за спиной голос. Он оглянулся.

Из-за антенны вышли три солдата, все в дембельской экипировке, одинаковой, как три монеты достоинством в одну копейку. Они медленно, скорее даже вальяжно шли за Вадимом следом.

— У меня пленка специальная, вам не подойдет, — ответил Малахов миролюбиво.

— А у нас своя, — сказал тот сержант, который встречал группу у ворот. — И вообще ты как с дедушками разговариваешь? Курить есть?

— Не курю, — соврал Вадим. Он прекрасно понимал, что вариант развития событий только один. Деда хотят учить молодого.

Вадима в основном подводила его внешность. Хотя и был он старше этих солдат, но выглядел как пацан — худой и несолидный. И еще было понятно, что нравы в этой части были такие, что в дела солдат офицеры не вмешивались.

— А вдруг есть в кармане? — Один из дембелей стал хлопать по карманам Вадима.

Такая наглость парализовала волю Малахова, как и рассчитывали дембеля, но всего на мгновение. Вадим лаконичным движением, как бы случайно отступил в сторону, и рука дембеля повисла в воздухе.

— А ну покажи, что у тебя в сумке, может, там есть что-то, не разрешенное молодым? — Один из троицы бесцеремонно потянул с плеча Вадима сумку.

Малахову очень не хотелось доводить назревающий конфликт до применения грубой силы, поэтому он вежливо отказал:

— Там все разрешенное, — и решительно снял с ремня вялую влажную руку дембеля.

— Ты шо, сука, себе позволяешь? — взревел тот.

Он схватился за ремень и дернул сумку на себя.

И немедленно стал оседать на землю, держась за промежность.

— Да ты! — изумленно воскликнул сержант и осекся. Ему в лоб смотрел ствол «Магнума» 55-го калибра.

Дембель никогда в жизни не видел никакого личного оружия, кроме пистолета Макарова у офицеров в кобуре. А этот «Магnum» был пришельцем с другой планеты, из другой жизни и вообще не вписывался в общую обстановку.

— Игрушкой пугаешь? — чуть дрогнувшим голосом спросил сержант.

Вадим, не отводя глаз от старослужащего, выстрелил и снес с подошвы валяющегося на земле солдата каблук.

— Слушай приказ! Подберите это дерьмо и бегом в штаб. Командиру скажите, чтобы он посадил вас на трое суток на гауптвахту. Выполнять, пока я не выстрелил снова. Ясно?

Объяснять дополнительно не пришлось. Троица, поддерживая побитого под руки, рысцой устремилась к штабу. Оттуда уже выходили коллеги Вадима, встревоженные стрельбой.

Ахнул взрыв, и небо над Вадимом расколосось на тысячи кусочков. Разрывая пространство, с неба летели белые ленты молний, заполняли воздух озоном, ломали перепонки и крошили пространство вокруг. Удар, посильнее ударной волны от авиабомбы, бросил Вадима на землю, но сознание не ушло, Малахов видел, как танцуют мириады молний, как кружат они вокруг кокона, образовавшегося внутри этой вакханалии электричества.

Малахов упал навзничь, увидел почерневшее, как высоко в горах, небо, увидел, как оттуда, с неба, летят полосы огненного ливня, как дрожит, превращаясь в плазму, воздух, как дышит холодным огнем каждая бело-голубая полоса молнии. Молнии били в землю, чудесным образом не попадая в Вадима, стягивая широкий конус с вершиной в зените во все более узкий и узкий луч. Луч, уже белый столб электрического огня, стал вспухать

посередине омерзительным утолщением, как змея, проглотившая котенка. Этот кокон стал постепенно опускаться сверху вниз.

Но буйство природы казалось игрой по сравнению с тем, что вдруг почувствовал Вадим. Неосознанная психическая боль, ранящая душу своей безысходностью, стала сковывать его сознание. Детство Вадима вдруг, непонятно почему, всплыло в памяти самыми темными моментами. Драки, убитый хулиганами щенок, раненый орел, умирающий в коробке под лестницей, девочка из детского сада, погибшая под колесами грузовика, первая кража, невинная, но постыдная... И все более затягивающее желание не жить. Застыть здесь, на ковре алых маков, глядя в небо. Уже теряя связь с реальностью, не совсем понимая, что делает, Вадим, все еще сжимая «Магнум» в руках, выпустил в призрачный кокон всю обойму. Угасающее сознание уловило только тишину.

Малахов очнулся от шлепков по щекам. И попытался, все еще вспоминая стычку с дембелями, немедленно дать сдачи.

— О! Нормально все! Успокойся! — Малинин, врач группы, схватил Вадима за руку, чтобы не получить по носу «Магнумом». — Ну, ты везунчик, конечно. Отдай, это тебе сейчас не надо.

— А что? — Вадим, не понимая, что происходит, осматривался по сторонам. — Что?

— А ничего! Ты кого завалил среди молний, помнишь? — Вадим словно издалека услышал вопрос Завадского.

— Я? Завалил?

— Ладно, собираемся, я думаю, здесь нам больше делать нечего.

Молнии не вернулись ни сегодня, ни потом. Отчет группы был принят со скрипом, однако результат был налицо — суть аномалии не понята, но ее функционирование остановлено.

— Что было в «Непрерывных молниях», о чем я не знаю? — Вадим смотрел на Байкалова, уплывающего в облаке сигарного дыма. — Что знаешь ты из того, чего не знаю я?

— Да проще простого. Рождение высшего энампа пытался подавить позитивный. Но силенок у него было маловато. Если бы не ты... Кто знает, что бы сейчас творилось в мире. Во вселенной и дальше... всюду...

— Моя безумная стрельба что-то изменила?

— Стрельба? Не думаю. Твоей силы хватило, чтобы добить ту суку. Сейвера Калла, — пуская идеальное кольцо сигарного дыма, сказал Бай.

— Ну и?

— А не «и»! Вот за тобой шлейф с тех пор и тянется. — Байкалов не смотрел на Вадима, он был полностью поглощен созерцанием эволюций дымного кольца.

— И что мне делать? Купить арбалет с серебряными стрелами и охотиться на летучих мышей? Купить себе паспорт на имя Ван Хельсинга? — Вадим был ошарашен и, наверное, даже взбешен. Нераскрытое дело прошлого оказалось совсем не таким, как можно было предположить. Осознание не приходило.

— Не суетись. Стрелы и арбалеты — это работа Ван Хельсинга, он был классный мужик. А твое дело — убить высшего. Больше никого нет, кто на это способен. Да и ты скорее всего не справишься. — Бай наконец сильным щелчком отбросил докуренную до конца сигару. — Но выбора у нас нет.

— У нас — это у кого? — зло спросил Малахов.

— У меня. У того, кого ты назвал Ван Хельсингом. Ну или Дмитрием Байкаловым. Если ты знаешь урду, ты поймешь, что это просто образный перевод моего имени. Вернее, урду и я не знаю, но давай для простоты так считать.

— Не болтай, — тихо сказал Вадим.

— Слышь, мужик, ты извини, что я так с пальцем. Я тебе верю, — внезапно вмешался Шип, который до этого был в легкой прострации. На глазах у сталкера выступили слезы счастья. Все это время, чтобы сдержать эмоции, Юрий поглощал казенный спирт из фляжки.

— Делом искупишь, — строго сказал Бай. — Только надо тебе протрезветь все-таки сначала. На, выпей.

Байкалов достал из кармана пакетик, а из пакетика микроскопический фунтик. В фунтике был серый порошок. Дмитрий ласково сказал:

— Открой рот, пьянь подзаборная, — и всыпал содержимое сталкеру на язык.

Юрий спокойно проглотил и стал прислушиваться к ощущениям.

— Что-то не помогает... Это что? Травки какие-то?

— Да нет, это сушеное гуано зомби, которые перед этим съели человека, — спокойно сообщил Бай.

Когда позывы рвоты у Шипа кончились, он сел на землю и, отряхивая куртку, с укором посмотрел на Бая.

— Я же тебе как человеку поверил! Я, может, только сейчас стал понимать, что значит правда и неправда, а ты мне говно в рот? — Сталкер был обижен до глубины души. — Ты меня оскорбил!

— Ну, во-первых, ты плохо Новый Завет читал. Там, между прочим, написано, что все, что в нас входит, не может нас оскорбить, а оскорбляет только то, что исходит от нас. А во-вторых, ты скажи, ты протрезвел?

— Попробуй тут не протрезвей, — буркнул побледневший Юрий.

— То есть цель достигнута?

— Да иди ты с такими средствами в... — скорбел Шип.

— А если я скажу, что я тебе дал просто активированный уголь с мелом, тебе полегчает?

Бай успел увернуться от арбалета, который в сердцах запустил в него сталкер.

Глава двадцать четвертая

*Черные птицы слетают с луны,
Черные птицы — кошмарные сны.
Кружатся, кружатся в синюю ночь,
Ищут повсюду мою дочь.
Возьмите мое золото,
Возьмите мое золото,
Возьмите мое золото
И улетайте обратно.
Черные птицы из детских глаз
Выключают черным клювом алмаз.
Алмаз унесут в черных когтях,
Оставив в глазах черный угольный страх.*

В. Бутусов

Трайк мягко, с утробным урчанием, пожирал пространство. Шип вытребовал в качестве моральной компенсации право вести мотоцикл и был на седьмом небе от счастья. Бай, сославшись на то, что он знает тут каждую аномалию в лицо, вызвался провешивать трассу ракетницей и время от времени пускал заряд с дымным шлейфом, проверяя безопасность маршрута. Сначала Байкалов сильно возражал против идеи заехать на Радар по пути в ДК. Но загадка Сухого требовала ответа, и Вадим настоял на своем.

Через десять минут спокойной езды Шип внезапно притормозил.

— Вон смотрите, на обочине впереди. — Юрий ткнул пальцем в осенний мокрый воздух. — Вон там лежит что-то, мне не нравится. Дайте бинокль глянуть. — Шип припал к окулярам и долго всматривался в дальний кювет. — Вот же хрень. Это точно «монолитовцы» поработали.

Малахов взял из рук Юрия бинокль и приложил его к глазам, подкрутив настройку. Там, вдали, в придорожной канаве возвышалась гора кабаньих туш. Даже отсюда было видно, что они были убиты из крупнокалиберного оружия. Рваные раны на черных мохнатых боках говорили об этом очень явно.

— Лихо стреляют мужики, — сказал Шип и поморщился. Легкий ветерок донес от трупов запах. — Непонятно, зачем оно им нужно. Такая стая может только при согласованной атаке нестись. Значит, их кто-то вел, но вопрос вот же хрень, зачем?

— А что, «монолитовцы» — они на Радаре крепко сидят? — спросил Вадим, пряча бинокль в футляр.

— Ну, там такая история запутанная. Они же еще совсем недавно сидели под Радаром, охраняли его. А зачем охраняли — фиг поймешь, — начал рассказывать Шип. — С одной стороны, вроде они под излучение попали и поэтому как бы охраняли его. Но сейчас Радару давно капут пришел, а они все равно там сидят. Конечно, не все, несколько человек. Говорят, они просто не допускают, чтобы кто-то опять включил эту штуку.

— Тогда о чем говорит эта кабанья бойня? — вмешался в разговор Бай и сам же ответил на свой вопрос: — Возможно, кто-то опять стремится к Радару.

— Ну, мы стремимся, правда, сами не знаем зачем, — отозвался Шип. — Слушай, Вадим, я тебе тот артефакт могу в полчаса найти в любой канаве, и близко к Радару подходить не надо.

— Я то же самое говорю, — обрадовался идее Бай. — Зачем нам эти руины древние, надо в ДК сразу, пока не поздно. Надо же дело доделать.

— Так, отставить бунт на корабле! Я сказал на Радар, значит, на Радар. Ты, Байкалов, знаешь, кто я, так вот давай расставим точки над «i» и все прочее, что можно расставить. Это моя миссия, и я теперь буду, не скрываясь, командовать. Ясно? — Малахов говорил это, а у Шипа от удивления округлялись глаза.

— Слушай, чего это он? — Шип толкнул локтем Бая.

— Ничего не поделаешь, школа есть школа, — сморщил нос Байкалов. — Ты понимаешь, сталкер, Вадим — он не просто так погулять вышел, он, в общем, был командиром и начальником раньше, и возразить тут ему трудно. Это все-таки его миссия. Я тебе потом объясню, а пока слушаем его.

— Да я сразу понял, что он человек не простой. Всю дорогу только и выполнял его приказы, — неожиданно пожаловался Шип.

Вадим от неожиданности закашлялся. Кашель словно сломал что-то в окружающем пространстве. Тишина Зоны разорвалась резкими птичьими криками.

Малахов, который до сих пор не видел здесь, в Зоне, ни одной птицы, тревожно вскинул ТОЗ.

— Вот это попали! — совершенно спокойно, словно на приеме в высшем обществе, сказал Байкалов. — Вот теперь и вправду — дрова.

— Ты о чем? — Шип в отличие от Бая был тревожно возбужден. — Какие, нах, птицы? В Зоне нет птиц!

— Это кому как! — Байкалов озибался по сторонам словно в тревожном ожидании.

Пронзительно крича, на Малахова спланировала ворона и стукнула по голове когтями. Болезненный удар заставил Вадима пригнуться. Черная фурия, истерично махая крыльями, устремилась в небо, удовлетворившись тем, что ударила человека.

— Это что за ерунда? — не смея поднять голову, спросил Вадим.

— Ты знаешь — это птицы, — с каким-то особым смыслом сказал Бай. — Это значит, что мы, кажется, влипли. Ты посмотри!

Над лесом кружила гигантская стая ворон. Они тревожно орали что-то свое и кружили в адском танце, делая небо еще темнее. Сначала стая просто описывала большие круги, словно выбирая место для посадки, но потом как по команде их движение стало упорядоченным — птицы полетели по кругу, образуя гигантский вихрь. Крики ворон прекратились. Черный живой конус вращался медленно и зловеще. Форма конуса была

идеальной и движение настолько равномерным, что картина гипнотизировала и парализовала волю.

— Что это они? Что задумали? — спросил Вадим, впервые видя такую большую воронью стаю.

— Сейчас узнаешь, если спрятаться успеем, — прошипел Бай.

Шип как опытный сталкер немедленно нырнул под днище прицепа. Места ни для кого там уже не оставалось.

— Туда! — заорал Бай, показывая на телефонную будку.

Малахов готов был поклясться, что только что здесь не было никакой будки. Хотя, может, он и не обращал внимания. Бай и Вадим как по команде ринулись к телефонной кабинке и, добежав, еле втиснулись в нее. Будка была маловата для двоих не маленьких мужчин, да еще с оружием. Чтобы закрыть двери, пришлось выставить наружу и ТОЗ, и арбалет.

А воронка, раскрутившись до невероятной скорости, вдруг выпустила из себя черную струю. Часть ворон ринулась к тому месту, где были люди. Уже на самом подлете к телефонной будке стая разделилась на две. Одна, поменьше, атаковала трайк, пытаясь достать Шипа из-под прицепа. Вторая, побольше, атаковала телефонную будку. Нападение началось с того, что на землю полетели тонны помета, застилая все кругом мерзкой жижей. Догоняя свои нечистоты, с небес сверзились и сами птицы.

Град ударов сотрясал утлую кабинку. Кровь и перья покрыли узкие, вставленные в металлическую оправу стекла. Вороны таранили будку, совершенно не щадя себя, как будто ими управляло безумие. Не выдержав ударов, хрустнуло первое стекло, немедленно в него ударились очередная птица. Осколки стекла сработали как ножи, и птица проникла в кабину уже располосованная на куски, намертво закрыв собою дырку.

Тут Вадим заметил, что даже металлическая крыша начала прогибаться от ударов птиц, пикирующих на нее с неба.

— Мы не продержимся, — сказал Бай. — Надо что-то делать.

— Что? Я идиот, не взял патроны с дробью, а стрелять большим калибром по птицам бесполезно, — промычал Вадим, с содроганием наблюдая за атакующими.

Вороны, словно догадавшись, что просто так кабинку не взломать, стали ломиться в одну точку, пытаясь проникнуть в щель в двери. Их удары стали прицельнее. У Малахова, державшего ручку изнутри, было ощущение, что снаружи ее кто-то дергает и пытается открыть. Да и сама дверь, ненадежная, на проржавевших петлях, предательски скрипела и вибрировала.

Когда казалось, что выхода нет, сквозь птичий гам и треск ударов прорвался звук пулеметной очереди. Шип, понимая, что спастись под прицепом у него шансов еще меньше, чем в телефонной будке, ухитрился надеть свой мотошлем и проскочить к пулемету на трайке. Огненная лавина разрезала стаю ворон пополам. Птицы сначала отступили, но потом, перестроив ряды, сосредоточились на мотоцикле единым клином.

Черной струей они ринулись на Шипа. А ему это было как раз на руку. Плотный птичий поток разбивался о смертельный огневой вал шестиствольника, разлетаясь в стороны ошметками птичьей плоти. Две струи — одна из раскаленного свинца, вторая из черных птичьих тел — встречались в небе и словно пытались побороть одна другую. Юрий, выбрав момент, на мгновение перенес огонь на основную воронку, в которой, как будто она была монолитная, очередь пробила брешь в том месте, откуда отделялась атакующая стая.

Потеряв связь с основной стаей, все еще вращавшейся в адском круговороте, птицы перестали двигаться сплошным потоком и, словно потеряв всякий интерес к людям, разлетелись в стороны тысячами черных точек. Шип, видя, что ему уже ничего не грозит, перенес всю мощь огня на воронку. Он полосовал ее вдоль и поперек. В воронке возникали бреши, и она теряла свою практически идеальную форму. Это только раззадоривало сталкера. Наконец воронка утратила силу, стала проседать, уменьшать скорость вращения, и вдруг, словно устав от борьбы, вся стая огромной бесформенной тучей ринулась прочь.

Байкалов с Вадимом, озираясь, вышли из будки. Вокруг лежали черные сугробы из перьев, вся телефонная кабинка была покрыта смесью помета, крови и черного пуха. Сотни раненых птиц лежали на земле, беспомощно хлопая переломанными крыльями. И тут раздался телефонный звонок. Древний таксофон разрывался от унылого звука. Вадим автоматически вернулся в кабинку и снял с крючка тяжелую черную трубку.

— Алло, — сказал он в микрофон, чувствуя, что совершает нечто безумное.

— Папа! Это я! Ты где? — раздался из трубки звонкий голос его сына.

— Андрюша! Ты как смог мне позвонить? — У Вадима бешено застучало сердце.

— Я из автомата! Ты когда приедешь, я соскучился! — голос ребенка дрогнул.

— Скоро, Гусенок, скоро. Как ты там? — У Вадима перехватило дыхание.

— Тут плохо! Я во дворе с пацанами еще не подружился, мы вот деремся. И мама долго на работе. Папа, приезжай, да?

— А как мама?

— Мама нормально! Папа, а твоя командировка когда кончится?

— На днях. И я приеду!

— Папа, если ты не приедешь, я найду тебя сам. Поэтому приезжай!

В трубке раздалась короткая гудка. А потом исчезли и они. Телефон был мертв. Вадим вышел из телефонной будки и обошел ее. Сзади висели обрывки кабеля.

— Что-то сильно тебя? — Шип, все еще разгоряченный боем, подошел к Вадиму. — Ты чего такой бледный?

— Да так. Звонок странный. Сумасшедший какой-то звонок.

— А что в Зоне не сумасшедшее? — покачал головой сталкер.

А телефон не успокоился и зазвонил опять. Шип вошел в будку таксофона и поднял трубку.

— Байкалов, тут говорят, что это тебе. — Юрий высунулся из кабины.

Дмитрий, скривив губы, подошел и взял телефонную трубку из рук Шипа.

— Да, Байкалов у телефона!

Бай молча слушал, что ему говорят, потом потянул за рукав сталкера, вытащил его из кабинки, зашел туда сам и плотно закрыл дверь.

То, что говорил Байкалов, было трудно разобрать. Доносились только обрывки слов «А что в Думе? Так сколько можно? А когда доставят?».

После долгого разговора Байкалов вышел из будки возбужденный и злой.

— Вот суки! Полгода заднюю дверь ждать, а деньги уже заплатил. Уроды. И что за чушь, что в Москве водку запретили?

— Не может такого быть, — убежденно сказал Шип. — Верить артефактам в Зоне — так вообще спокойно спать не будешь. Ну, где это видано такое?

Что такое — выяснить не удалось. Телефон зазвонил опять.

— Ну, теперь точно — тебя, — сказал Бай сталкеру.

Шип возражать не стал. Он аккуратно вошел в кабинку, аккуратно запер дверь и аккуратно снял трубку. Чтобы его не подслушивали, он отвернулся лицом к таксофону. Разговаривал, а больше слушал Юрий долго. Потом он резко повесил телефонную трубку, вышел и, ничего не говоря, отправился к трайку. Лицо у сталкера было пунцовым. Из прицепа Шип достал противотанковую гранату, добытую еще в ангаре, вернулся к телефону, сорвал чеку и бросил гранату внутрь. После этого закрыл дверь, отбежал и заорал:

— Ложись!!!

Впрочем, и без его команды Бай с Вадимом бросились на землю и вжались в нее. Ахнул взрыв. Обломки будки долго падали на землю, посыпая людей ржавчиной и стеклянным крошевом.

— Ты чего разбуянился? Мы же могли тут все сдохнуть от твоих аттракционов! — закричал на сталкера Байкалов.

— Ну не сдохли же. — Шип с трудом выбрался из-под двери, которая плашмя приземлилась на него. — А слушать гадости по телефону я не намерен! Не было этого никогда! Поехали отсюда на хрен. В Дом культуры «Энергетик», например, или куда там

еще. Пора завязывать с этим идиотским походом. Блин, ну как можно было про меня такую гадость говорить!

Глава двадцать пятая

*Темный лес кругом, как утерян глаз,
Но приветный дом ожидает нас,
Скатерть на столе, светлый образок,
Впереди во мгле золотой глазок.
Дескать, не робей, тут обману нет.
Мы бежать скорей на оконный свет.
Где ужом вьась, где с размаху лбом,
Через мох и грязь, через бурелом.
Нам ли брать взаймы беговую прыть.
Добежали мы. Нет, не может быть.
Не божись и не плюй через плечо
На осклизлом пне желтый светлячок.
Посветил чуток и, мигнув, потух.
Под ногами — топь, в нос — болотный дух.
Ненадежна гать, круг болота — лес.
По всему видать, нас морочит бес.*

Александр Маслов

— А давай все-таки наведем его, этот ваш Радар, не хочется отклоняться от намеченного маршрута, — спокойно предложил Малахов, вытряхивая из карманов мусор, налетевший туда после взрыва. — Вот только надо поосторожней, не хочу, чтобы нас опять хватали, били по башке и вели торжественно на расстрел. Давайте мы скрытно к нему...

— На этом? — Шип похлопал ладонью по бензобаку трайка. — Скрытно?

— Тогда ты посиди тут с ним, а мы с Баем сходим к Радару, если не возражаешь, — предложил Малахов.

Бай был совершенно не против оставить Шипа здесь и отправиться дальше пешком. Дмитрий молча прыгнул на землю с мотоцикла и стал рыться в прицепе, выбирая оружие. Свой арбалет он почему-то брать не стал.

До комплекса сооружений Радара оставалось всего ничего, и Вадим вместе с Баем осторожно двинулись по дороге к безликим серым коробкам Радара, которые были уже хорошо видны на фоне чернеющего неба. Хрустел битый бетон под ногами, Вадиму уже казалось, что он будет слышать этот звук всю свою жизнь. Из-под кустов выскочила пара слепых собак, которая занималась неизвестно чем, и лениво потрусилась прочь от людей.

— Тихо как-то тут. Не люблю я такой тишины, — проворчал Бай, нервно оглядываясь. — В тишине делаются дела, которые производят потом большой шум.

Узкий проход между двумя корпусами Радара был пуст и безмятежно спокоен. Казалось, здесь много лет никто не ходил и ни одна аномалия не поселилась в этом мирном коридоре.

Облезлая штукатурка, местами полностью до кирпича съеденная грибком, неизбежные гнилые листья под ногами и гнилые рамы давно выбитых окон. Где-то в глубине что-то визгливо скрипело. Это была скорее всего петля — то ли на двери, то ли на окне.

— Кинуть, что ли? — тихо спросил сам себя Байкалов.

Он осторожно, словно боясь спугнуть тишину, достал из кармана гайку и метнул ее вдоль стен, образующих проход. Гайка глухо стукнула впереди в метрах десяти, не вызвав никаких изменений в пространстве.

— Пойдем, — почти спокойно сказал Дмитрий. — Вроде тихо.

— Не шевелись, — одними губами, так что Бай скорее почувствовал, чем услышал, проговорил Малахов.

— Что? — в тон Вадиму спросил Байкалов.

— Ты видишь надпись слева на стене? — Вадим ткнул пальцем.

— Да! «Вовка — дурак!» Ну и что? — театральным шепотом спросил Бай.

— Перед тем как ты бросил гайку, она была справа и гласила «Вовка козел!». Ты здесь такое видел?

— Тут и не такое напишут. Но перепрыгивать надпись не может. И еще она не может перемигиваться зелеными огоньками, как сейчас. — Голос Бая дрогнул. — Уходим.

— Нет, подожди. — Вадим вытащил застрявший под воротником куртки капюшон и накиннул его на голову.

Надпись немедленно вернулась на свое место в первоначальном состоянии «Вовка козел!».

— А Радар-то не мертвый. Кто-то пси-полем балуется, — сказал Малахов. — И подарочек доктора Цукермана оказался как нельзя кстати. Работает!

— Какой подарочек? — не понял Байкалов.

— У меня защита от пси-полей, без капюшона она слабо работала, — объяснил Вадим. — Значит, так, ты тут стой и ни шагу! Что бы ни случилось. Жди меня. Гаек только дай побольше.

Байкалов не стал возражать, отсыпал Малахову горсть семигранников, а сам присел на корточки, прислонившись к стене.

— Где тут питание фидера, не знаешь? Откуда подается сигнал на сам Радар? — спросил Вадим Байкалова в надежде, что тот знает места лучше.

— Вон то здание, — показал рукой Дмитрий.

Малахов медленно, стараясь не попасть в неожиданную аномалию, двинулся к аппаратной. Через десяток шагов Вадим увидел источник скрипящего звука, который его так раздражал. Справа от входа в аппаратную зияло выбитое окно, сломанные рамы безвольно болтались на петлях. Через нижний брус рамы свешивался труп. Камуфляжная форма была разорвана на спине выходными отверстиями, и еще не свернувшаяся кровь текла по спине, по разможенному черепу, откуда вывалилась державшаяся на обрывках плоти половина мозга, и капала на землю. Две слепые собаки, подпрыгивая, слизывали кровь и раскачивали труп. От этого скрипела рама.

Вадим швырнул гайкой в одну из собак. Та, тихо вякнув, отбежала подальше. Вторая, почуяв неладное, застыла с поджатым хвостом, а потом последовала за своей товаркой. Дверь в аппаратную была не заперта. Осторожно, стараясь не издать ни звука, Вадим приоткрыл ее и вошел в темноту. Там оказалось небольшое помещение, вроде тамбура. В тамбуре были еще три двери, они были закрыты.

Вадиму нужно было некоторое время, чтобы решиться. Прикинув в голове возможную планировку аппаратной, он ударом ноги распахнул центральную из дверей и немедленно спрятался за стенкой, не входя в помещение. В торце комнаты он успел увидеть троих, стоящих у аппаратурной стойки. Вадима они ждали и держали оружие наизготовку.

Малахов прикрыл на секунду глаза, проявляя, словно отпечаток, картинку, которая успела зафиксироваться на сетчатке, — три противника, три цели. Сосредоточившись, он на секунду вынырнул из-за дверного косяка и выстрелил три раза из «Магнума». Потом, уже не колеблясь, вошел в помещение. Двое лежали на полу без признаков жизни, а третий тихо оседал на пол, держась за простреленную печень. Под ним быстро растекалась лужа темной крови.

— That is impossible,⁸ — только и смог прохрипеть со страшным акцентом раненый, прежде чем потерять сознание.

Вадим поморщился от отвращения и обыскал одного из покойников. В кармане теплой, спортивного покроя куртки он нашел карточку — ай-ди гражданина Германии Отто Фиша. Малахов не стал обыскивать остальных, понимая, что ничего важного тут не найдет. Третий,

---

⁸ Это невозможно (англ.).

еще живой, дергался в предсмертных конвульсиях, под ним растекалась громадная лужа крови. Переступив через лужу, Вадим подошел поближе к аппаратной стойке. Сразу было видно, что здесь только что устанавливали новую электронику. С блоков кое-где еще не сняли защитную пленку. Видимо, пси-генератор работал под их управлением. Рядом на полу стояли еще два ящика с аппаратурой, еще не распакованной. Несколькими выстрелами Малахов разнес все работающие блоки.

Вадим прошел по всей аппаратной, потом из прихожей проверил два других помещения. Они выглядели полностью разрушенными, и запустение царило над ржавыми остовами разбитой электроники. В третьем зале Вадим нашел выход из аппаратной и, обогнув ее, подошел сзади к Баю, который все еще сидел, напряженно глядя в коридор, по которому ушел Малахов. Вадим нарочно громко топал, чтобы не напугать Дмитрия.

— Ну что, заскучал? — Малахов протянул руку, чтобы помочь подняться Байкалову. Тот тяжело поднялся, тщательно оттопыривая сломанный палец, чтобы не задеть.

— И что там за стрельба была? Я так подозреваю, в тебя не попали? — без тени иронии спросил Дмитрий.

— Ну, там какие-то три уroda завели Радар, вот мы и попали под поле. Я не стал разбираться, что это за люди. Вот документ одного. — Малахов протянул карточку Отто Фиша Баю.

— Ишь ты. И ты так просто его завалил? — с некоторым недоверием спросил Байкалов.

— А что его заваливать? Я особо и не старался, — скромно ответил Вадим. — Я их всех не больно завалил. Хотя нет, одного все-таки больно. Но ты в курсе, у меня к ним личные счета.

— Ты ликвидировал одного из высшего руководства клана. И если он был здесь, я про Фиша, то...

— Что — то?

— Надо ехать к ДК быстрее. Я подозреваю, что события сейчас начнут развиваться стремительно. Совершенно ведь ясно — энампы не рассчитывали, что Радар проработает долго. «Монолитовцы» очень скоро придут и отомстят за своих. И даже пси-поле не поможет. Они ведь не дураки, могут и артиллерию применить. Издалека. Значит, торопятся энампы, и времени осталось у нас не много. Поехали! — Байкалов осмотрелся, выбирая дорогу назад к трайку, и вдруг вспомнил: — А вот тебе, в твою коллекцию.

Он протянул Малахову «медузу».

— Тут валялась. Свеженькая.

Вадим принял из рук сталкера артефакт. Он выглядел словно спрессованные и причудливо изогнутые сильной гравитацией остатки растений, сжатые так, что образовывали монолитный узорчатый неправильной формы шарик.

— Возьми-возьми, на пояс держи его. От «воронки» может помочь, — весело, гордый находкой, сказал Шип.

— А ты себе чего не повесишь?

— Что я, сумасшедший? Во-первых, я воронки за версту чую, во-вторых, я еще хочу детей завести. А эта гадость хорошо фонит, — сказал Бай и громко рассмеялся.

Малахов тихо ругнулся и спрятал артефакт.

Шип сидел на водительском сиденье трайка и, словно мальчик, гудел себе под нос, изображая езду. Он не сразу заметил своих товарищей, его застали врасплох. Юрий смутился и стал старательно прочищать горло.

— Ну что? Все нормально? — спросил он, покашливая.

— Да, надо ехать к «Энергетику», я думаю, там наш последний пункт, — сказал ему Малахов и сбросил в прицеп свой рюкзак. — Ты готов?

Сталкер хмыкнул так, словно подозрение в его неготовности было преступлением против человечества. Он нажал кнопку стартера, и трайк мягко стучал мотором.

— Давайте устраивайтесь. — Шип кивнул на кресла-катапульты у себя за спиной. — Пристегивайтесь, мы быстро поедem, трясти будет. Тут места вообще — только детям гулять.

— Но я все-таки ракетами провешу на всякий случай. — Байкалов достал из прицепа с десяток ракет и положил их рядом с собой.

— Да хоть из пушки! — хохотнул Юрий.

Он дождался, когда сидящие за его спиной пристегнутся, и резко, ухитрившись даже с прицепом сделать «козу», рванул по шоссе.

Но не успел Байкалов запустить ракету второй раз, как небо над трайком прорезали две дымные полосы, и впереди по ходу мотоцикла вспухли два взрыва. Над головами словно из ниоткуда возник бубнящий звук вертолета.

— Из машины! — заорал Шип и кубарем улетел на обочину.

Уже падая, Юрий пискнул от боли. Сорванный с сосны порывом ветра комок жгучего пуха хлестнул сталкера по щеке.

Вадим и Бай не отстали от сталкера. Лежа в грязном кювете, Вадим сдвинул каску на затылок и стал всматриваться в небо. Там из-за вершин высоких сосен медленно выплывал «Апач» голубой раскраски ООН. Вертолет завис невдалеке от стоящего трайка. Видимо, мотоциклом экипаж не заинтересовался. Им нужны были люди. Безобидный на первый взгляд, как детская игрушка, вертолет словно осматривался, разворачивая кабину то влево, то вправо. Потом, заметя лежащих под откосом людей по тепловому излучению, вертолет медленно крался, как удав к жертве, ближе к людям.

— В лес! — крикнул Шип и метнулся под покров елей.

Едва только остальные укрылись под кронами, заработал пулемет вертолета, запоздало реагируя на движение.

— Эта сука будет тут висеть, не отпустит нас! — заорал Шип, стараясь перекричать рев вертолетных двигателей.

— Надо прорваться к мотоциклу, — скорее по губам прочел слова Байкалова Вадим. — Отвлеки его!

Малахов достал пистолет и кивнул Баю, чтобы тот был наготове. Дмитрий осторожно подошел к самой кромке леса, стараясь не высовываться из-под деревьев. Отсюда до мотоцикла оставалось несколько метров.

Вадим тоже постарался скрытно подойти к трайку, но он оказался ближе к АН-64, чем Бай. Не затягивая, он выстрелил в расчете попасть в механизм привода пулеметной пушки. Пушка рывкнула в ответ и, заклиненная, замолчала. Второй выстрел разнес тепловую головку приемной системы. Пилот только со второго выстрела заметил Вадима и выпустил в его направлении пару неуправляемых ракет. Но Малахов в отчаянном прыжке уже перелетел в придорожную канаву, укрывшись от осколков.

И тут взвыл пулемет на трайке. Несколько секунд отвлекающего огня хватило, чтобы Бай добежал до мотоцикла и, впившись в поперечную рукоятку, вылил на «Апач» убийственный шквал. Очередь прошла кормовой отсек, и из вертолета потянулась дымная струя — был пробит маслопровод. Обороты двигателя заметно упали. Пилот, решив не рисковать, стал поднимать машину выше и выше, уходя на юг. Хлопнул выстрел ПЗРК — это сталкер, не желая оставаться в стороне, пробрался к прицепу и вытащил ручной зенитный комплекс. Ракета по большой дуге догнала вертолет, и тот, вспухнув в небе огненным облаком, рухнул в лесу.

— Ну ни хрена себе, ребята! — только и сказал Шип. — За то, что мы завалили ооновскую «вертушку», нас по голове не погладят. Более того, уверен, сегодня такой шмон в «Стале на выхах» устроят, что мало не покажется.

— Во-первых, вертолет завалили не мы, а ты, — ответил ему Байкалов, выключая мотор пулемета. — Во-вторых, не мы на него напали, а он на нас. А в-третьих, что вообще за херня?

— Ой, что-то у меня все не резко так кругом. — Шип приложил ладони к глазам, словно пытаясь их протереть.

— Шейдеры тебе, видать, отключили, — мрачно произнес Малахов. — А вообще у тебя рожу разнесло от жгучего пуха так, что глаза почти не открываются. Намажь антигистаминным, там, в аптечке, есть.

Вадим был крайне недоволен, что все его участие в бою заключалось в двух выстрелах из пистолета и купанием в вонючей грязи канавы. Но с другой стороны, импровизированная боевая задача была выполнена без потерь, а это было главным в данный момент.

— Что? — не понял Шип.

— Все, проехали, — сказал Вадим и, видя, что сталкер уже проморгался и осмысленно смотрел на мир, добавил: — Уже нормально? Поедем, пока не поздно.

— Поехали, все о'кей! — сказал Шип, вернулся в трайк и, как лихой байкер, завел мотор, рывкнув форсажем.

Глава двадцать шестая

*Мы дети тех, кто выступал
На бой с Центральной Радой,
Кто паровоз свой оставлял,
Идя на баррикады.*

*Наш паровоз, вперед лети.
В Коммуне остановка.
Другого нет у нас пути —
В руках у нас винтовка.*

*Среди нас много есть ребят,
Что шли с отцами вместе,
Кто подавал патрон, снаряд,
Горя единой мезтью.*

*Мы в недрах наших мастерских
Куем, строгаем, рубим,
Не покладая рук своих,
Мы труд тяжелый любим.*

*Наш паровоз мы пустим в ход,
Такой, какой нам нужно.
И пусть создастся только фронт —
Пойдем врагов бить дружно.*

*Наш паровоз, вперед лети.
В Коммуне остановка.
Другого нет у нас пути —
В руках у нас винтовка.*

Текст: комсомольцы Киевских ж.-д. мастерских
Музыка: П. Зубаков

Утробно урчащий мотоцикл спокойно катил вдоль пирамидальных тополей. Бай не переставал вести разведку, запуская ракеты. Сталкер, вполне довольный жизнью, напевал что-то невнятное, обрывки слов доносились из-под его шлема. Впереди уже угадывался мост, который проходил над железнодорожными путями, спрятанными в неглубокой ложбине.

— Вот мост проедем, считай, уже там! — прокричал Шип и показал рукой вперед. — Давай стреляй почаще, тут места такие, не очень.

Байкалов и без того старался. Уже когда до моста оставалось всего ничего, когда можно было рассмотреть даже ржавые перила, снизу поднялось облако плотного пара и окутало мост.

Шип остановил мотоцикл и сказал:

— Ничего страшного, Черный паровоз нервничает. Пары выпускает. Сейчас развеется.

— Что за паровоз? — Вадим соскочил с трайка размять ноги.

— Да есть тут такой. — Байкалов тоже знал о паровозе. — Он стоит все время под парами и никуда не едет. И подойти к нему никак нельзя. Ну, сейчас развиднеется — увидишь сам.

Легкий порыв ветра сорвал белую завесу с моста, и мотоцикл, управляемый Шипом, продолжил свой неспешный путь. Легко перевалив через разбитое тысячами колес сочленение моста с лентой шоссе, трайк выполз на мост. Проехав метров пятнадцать, сталкер остановился, спрыгнул со своего сиденья и подошел к перилам.

— Вот смотрите, какой красавец. — Он облокотился на ограду и посмотрел вниз. — Стоит, пыхтит и сердится. Модель Л-5225. Такие уже не выпускаются.

— А ты откуда модель знаешь? Или ты еще и паровозами торговал? — спросил Малахов.

— У меня знакомый книжку писал про паровозы. Там про них столько написано.

— О! Я тоже ее читал, — оживился Байкалов. — Ты помнишь, там офигенно описано, как железнодорожные пути прокладывают. Поезд едет и сам впереди себя рельсы кладет...

— Коллеги, вот я вас слушаю, и у меня складывается впечатление, что я свою жизнь прожил в другом измерении. Какие книжки, какие паровозы, вы что? — рассердился Малахов.

— Мы в отличие от тебя не лазили в воспаленные места планеты, а... — начал было Байкалов, но передумал. — Ладно, ну ты это не читал. Я тоже многое не читал.

Внизу, прямо под мостом, стоял громадный черный паровоз, словно со старинных фотографий. Выглядел он так, будто только вчера сошел со стапеля паровозостроительного завода, блестел черными боками, и красная краска на колесах сверкала как алая артериальная кровь. Из трубы паровоза шел черно-серый дым и стелился вдоль его круглого корпуса, прижимаясь к земле. Время от времени перепускные клапаны извергали белые конусы пара над засыпанной гравием насыпью. Как будто заметив внимание людей, локомотив вдруг протяжно загудел, и ведущие колесные пары завертелись как бешеные. При этом паровоз не сдвинулся ни на миллиметр.

— Ишь, какой злой! — Шип с восторгом смотрел на механическое чудовище. — Покормить его надо!

— Ты совсем сбрендил? — возмутился Малахов. — Ты его печенюшкой кормить собрался?

— Зря ты так! — заступился за сталкера Байкалов. — Все знают, что если не покормить Черный паровоз, то удачи не будет. В трубу надо или уголек кинуть или щепочку. Он потому тут под мостом и толчется. Прикормленное место.

Шип деловито осмотрелся, нашел обломок ветки, занесенный на мост ветром, и метнул ее, целясь в трубу паровоза. Попытка оказалась неудачной. Паровоз фыркнул паром, вздыхая от разочарования. Малахов, поверив рассказам, сошел с трайка и отправился назад на поиски подходящего прикорма. В итоге он отыскал три небольшие деревяшки, остатки дощатого ящичка от овощей.

Второй бросок сталкера увенчался успехом. Мягко стукнув по краю трубы, дощечка улетела в паровозное чрево. Радостный свисток благодарности вырвался из недр машины. Вадим и Бай успешно повторили процедуру. Черный паровоз был удовлетворен. Видимо, в благодарность он опять завертел колесами и, открыв главный клапан, поднял облако пара, который горячим облаком окутал и мост, и людей.

— Вот, блин, железяка неразумная, — выругался Шип. — Никогда не угадаешь, когда он такое устроит. Надо ждать, пока развеется.

Туман не желал уходить с моста, как будто зацепился за арку. Был он неестественно плотным, Малахов даже на какое-то мгновение потерял из виду товарищей. И тут в вечной осенней мгле Зоны будто взошло солнце. Туман засветился жемчужно-желтым светом, от людей, находящихся в тумане, потянулись длинные тени, придавая миру сюрреалистический вид.

— Это что такое? — испуганно спросил Шип.

Голос в тумане звучал четко, словно говорили прямо в ухо.

— Видать, и вправду тучи развеялись, — ответил Байкалов растерянno. — Не нравится мне это.

Внезапно, словно услышав людей, налетел резкий порыв ветра и сдул белую пелену. На противоположной стороне моста стоял бронетранспортер и светил прожектором вдоль моста.

— Это что за клоуны? — только и смог вымолвить Шип.

— Граждане на мосту! — раздался голос, усиленный мегафоном. — Немедленно положить оружие и лечь на землю. Руки за голову! Вы нарушили режим Зоны. Повторяю, именем международных сил охраны Зоны немедленно...

— Это что за перцы? — спросил Вадим.

— Не верю я, что это ооновцы, они так далеко в Зону не заходят, да еще на бронике, — ответил Шип.

— А шас мы проверим, что это за товарищ Сухов. — Малахов разозлился не на шутку.

Вадим решительно подошел к прицепу трайка, достал из ящика гранатомет «Базальт» и, не задумываясь, выстрелил по бронетранспортеру. Ахнул взрыв, и из машины полыхнуло адским огнем. Но оказалось, что силы на той стороне моста не ограничивались только бронетранспортером. Застучали выстрелы штурмовых винтовок — по обе стороны моста в откосах залегла пехота. Байкалов метнулся к трайку, спрятался за задним бортом и, развернув в подвеске пулемет, открыл ответный огонь. Шип — даже сквозь грохот пулемета было слышно, как он матерится, — залег за задним колесом мотоцикла и стал помогать Баю огнем из «калашников». За другим колесом залег Вадим. Его «Магнум» был бесполезным в этой схватке, и он просто наблюдал за боем. Судя по всему, пехота на той стороне залегла малоопытная, видимо, из полицейских частей. Они лупили беспорядочно, скорее от страха, чем из чувства долга. Тем более что огненный вал из шестиствольника не давал поднять головы.

— Да глуши ты эту карусель!!! — Малахов, напрягая голосовые связки, орал в ухо Баю. — Нет там уже никого!

— А? Где? — Байкалов не сразу вышел из пьянящего азарта. Он наконец понял, что патроны давно кончились и только мотор бесполезно воет, бешено вращая стволы.

— Все, приехали!! — Шип тоже понял, что в ответ с той стороны моста не раздается ни выстрела. — Пошли, наберем трофеев!

— Каких трофеев? — Малахов глянул на сталкера с подозрением. — Помародерничать?

— Ну ты и ляпнешь! — обиделся Юрий. — Я просто предлагаю посмотреть — кто же там не хотел, чтобы мы мост прошли.

— А мне сдается, — подал голос Байкалов, — что ничего мы там не найдем.

— Это почему же? — Шип посмотрел на Бая как на идиота.

— Ну, ты сам посуди, сталкер, — мы стояли под шквальным огнем, и ни одна пуля не попала не то что в нас, а даже в эту лайбу. — Бай хлопнул ладонью по бензобаку трайка. — Вывод?

— Пойдем посмотрим, — только и сказал Шип.

Осторожно, на всякий случай держа оружие в полной готовности, сталкер с Баем пошли на дальний конец моста. Вадим прикрывал их сзади.

Он внимательно следил за двумя удаляющимися фигурами, готовый к любому развитию событий. Но когда его товарищи дошли до того места, где догорал бронетранспортер, Шип замахал рукой, зовя Малахова присоединиться к ним. Вадим сел за руль и через секунду был рядом со своими коллегами.

— Ну и что, что это такое? — Байкалов в задумчивости смотрел на огонь в том месте, где, как казалось с другого конца моста, горел БТР. Не было ни БТРа, ни его обломков. Не страшный, не горячий и не настоящий огонь плясал вокруг ничего, только своими формами напоминая бронетранспортер. Загудев последними языками пламени, огонь погас не оставив даже пела.

— Мираж, да? — Шип глянул на Вадима в надежде, что тот объяснит. — Слушай, а может, и вертолет, тот, который в лес упал, тоже мираж?

— А что ты думаешь? — спросил Вадим сталкера. — Ты же здесь все знаешь. Это что, какой-нибудь контролер строит вокруг нас виртуальную реальность?

— Я боюсь, что ни контролер, ни бюрер на такое не способны. Только сама Зона.

— А что хочет от нас Зона? Чтобы мы ушли? Так мы же ей плохого не желаем.

— То ли чудится мне, то ли кажется, то ли злой колдун надо мною куражится, — сказал Байкалов. — Вот как это называется. «Морозко» и другие детские сказки. Пей, гуляй, веселись. Играй в «Сиди-сиди, Яша» на муравейнике! Шип, ты в свой мотоцикл в бак кокс не сыплешь?

— Не знаю. Но то, что я не знаю, еще не повод для того, чтобы не идти дальше. И вообще, мужики, — в глазах сталкера вдруг засветилась радость, — мы ведь победили! Даже если Зона и против — мы не согласились и победили! Чего нам теперь бояться! Вперед! Бай — ракетницу!

Бай споро перезаряжал ракетницу, еле успевая посылать дымные шлейфы вдоль дороги. Через несколько минут такой езды Вадим увидел знакомые места. И даже вертолет, из которого высаживался десант, охотившийся за его группой, блестел свежесмытой краской, словно только вчера прилетел. Конечно, то, что вертолет выглядит как новенький, должен был первым заметить Шип, но он, видимо, настолько был увлечен ездой на мотоцикле, что не придал этому значения.

Воздух, словно сжатый гигантский поршень, внезапно ударил по ушам. Пространство стало плотным и вязким. Казалось, что мотоцикл продолжает движение по дороге, но на самом деле он уже неотвратно поднимался в воздух. Неведомая сила оторвала от земли трайк и стала его раскручивать. Вначале вращение было мягким, как будто кто-то пытался убаюкать и мотоцикл, и его экипаж в небесной люльке. Медленно, как в кино, вертелась вокруг людей Зона, мелькали дома, деревья, далеко на горизонте промелькнуло гигантское колесо обозрения. Вращение было таким плавным, словно это был детский аттракцион.

Вадим успел заметить, как из леса вышла стая кабанов, как слепая собака пыталась разгрести лапой одной ей ведомый клад на газоне возле многоэтажек. Белые, с рекламой «Билайна» на груди вороны дробно топали по рубероиду крыши, а зеленый заяц все так же, как и много лет назад, пытался продать бублик у разрушенного знака «Дети на дороге». Плавное вращение в густом осеннем воздухе убаюкивало сознание и парализовало волю, не позволяя людям правильно оценить обстановку.

И тут, когда уже казалось, что для путешественников наступила самая счастливая минута, адский волчок, поднимая все выше и выше в небо мотоцикл, рванул его, как бешеный зверь. Хлопнули одна за другой с микроскопической задержкой вышибные заряды катапульт. Взрели реактивные двигатели, вытягивая из смертельной «воронки» людей, которых за мгновение до этого зафиксировала автоматическая система. На выскочивших за спинками кресел штангах развернулись маленькие стабилизирующие парашюты. Кресла, после того как сработали пироболты, отделились, и над головами людей развернулись купола парашютов. Ни Малахов, ни тем более Байкалов раньше никогда не катапультировались. У Вадима была обязательная практика в прыжках, но, конечно, не таких экстремальных. Ветерок плавно отнес обоих на бульвар, который вел к Дому культуры.

Через минуту люди уже неловко отстегивались от спасательных кресел — всего, что осталось от сложной конструкции катапульты.

— Блин, прокатились, — это первое, что сказал Байкалов после того, как вообще смог говорить.

Вадим с трудом поднялся, болела спина, казалось, что по груди кто-то долго бил кувалдой. Прихрамывая сразу на обе ноги, он подошел к Дмитрию и помог ему справиться с красным спасательным креслом.

— А где наш Шип? — Вадим вглядывался в то место, где только что сработала «воронка», и не видел никаких признаков ни мотоцикла, ни прицепа, ни тем более сталкера.

— Идем искать, хотя после «воронки» никто обычно не выживает, — мрачно произнес Байкалов и, сильно проседая на правую ногу, пошел к видневшемуся вдали вертолету.

— Гайки есть у тебя? — Малахов не хотел попасть второй раз в одну и ту же аномалию. — И откуда ты так ловко катапультной научился пользоваться?

— Какая, на хрен, катапульта, я был уверен, что ручник дергаю. Автоматически. Да есть, только я что, сумасшедший опять в «воронку» лезть? У Шипа если и был шанс, так только тот, что его вместе с мотоциклом выкинуло. Ты помнишь же, где была аномалия? Она в другое место не побежит. — Байкалов был бледен, по черным усам стекал пот.

— А вертолет этот идиотский, он же был совсем неестественный. — У Малахова от боли в спине вообще все плыло перед глазами.

— Спокойно, есть у меня гайки, есть, иди за мной. Я же не Шип, который просто фраернулся. Я по Зоне на машине столько наездил...

— Ну и где твоя машина?

— Дал прокатиться. Въехали задней дверью в дерево. Чиню. А что ты думал, если я вампиров мочу, то и машина у меня вечная? — совершенно невозмутимо сообщил Байкалов.

Шаг за шагом они продвигались к месту катастрофы. Постепенно боль и испуг отходили на задний план. Видимо, Зона исцеляла не только от похмелья. В нормальной жизни Вадим и представить не мог, что сможет так быстро восстановиться.

Они обошли вертолет по широкой дуге, почти подойдя к многоэтажкам с зияющими чернотой окнами. И только тогда увидели у древнего тополя обломок мотоцикла. Невероятная сила «воронки», раскрутив трайк до скорости, нарушающей все разумные правила сопротивления материалов, разорвала его пополам. Рама мотоцикла была оторвана от задних сидений, их даже не было рядом. Бак был разорван, словно распорот когтями сказочного зверя, и из него еще вытекало горячее.

Самое ужасное было, что под этими обломками, прижатый рамой, лежал человек. Осторожно, чтобы не попасть в новую беду, Бай и Малахов подошли к разбитому трайку. Шип лежал лицом вверх, бледное, небритое лицо было покрыто то ли испариной, то ли каплями вечно моросящего дождя. Дышал Юрий отрывисто, с хрипом выталкивая воздух из легких попеременно с кровавыми брызгами. Страшная сила «воронки» не только выбросила его вместе с разбитым мотоциклом, но и оторвала обе ноги до колена. Сталкер не умер от потери крови только потому, что культы были пережаты тяжелой рамой трайка. Кровь вяло сочилась из разорванных ног и смешивалась со стружкой бензина из бака. Вадим проверил пальцем пульс на шее и, глянув на Бая, отрицательно покачал головой. Пульс еле прощупывался, любая попытка освободить ноги сталкера привела бы к неминуемой мгновенной смерти. Тут Юрий внезапно открыл глаза и, словно силы вернулись к нему, произнес:

— Маме передайте, что я тут... И деньги у бармена мои возьмите. Ей. — Шип на последних словах бессильно опустил веки.

— Где она живет, как фамилия? — Малахов наклонился ближе к сталкеру, чтобы было лучше слышно.

Шип, уже совсем затихая, только смог из себя выдавить:

— Меня звали Юрий Ссс... — На этой букве он выдохнул и обмяк, в последний раз глянув в серое и неприветливое небо Зоны.

Глаза Шипа, голубые и ясные, смотрели вдаль мимо мертвых домов, прятавшихся за облетевшими тополями.

Глава двадцать седьмая

*Не предавайтесь особой унылостью:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божьей милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.
Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Все, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалась.*

Н. Некрасов. «На смерть Шевченко»

— Вот же, блин, не повезло. — Байкалов, не находя подходящих слов, просто зло ругался. — Жалко парня, хороший был.

— Надо похоронить, только даже лопатки саперной нет, — сказал Вадим, закрывая ладонью стalkerу глаза.

— Пусть Зона сама хоронит своих мертвых, ты знаешь этот закон, — возразил Дмитрий.

— Он мне другом был, и мне решать, а не Зоне! — жестко отрезал Вадим, в голосе даже мелькнули истерические нотки.

— Ты что, не знаешь? Похороненный в Зоне становится призраком! — с удивлением в голосе сказал Бай.

— Идите вы все в жопу со своей Зоной. Развели тут гадючник! — Вадима прорвало. — Давно надо ковровое бомбометание, чтобы всю эту дрянь на хрен стереть с лица Земли! Игрушки тут развели, героизм проявляете на каждом шагу от дурости своей. Иди ты, куда шел, я сам похороню.

Вадим достал нож, висевший у него на ремне, и в нескольких метрах от того места, где лежал Шип, стал рыхлить землю. Потом он подобрал оторванное крыло с переднего колеса трайка, валявшееся невдалеке, и стал орудовать им, как импровизированной лопатой. Байкалов, посопев в стороне, стал помогать Малахову. Они выкопали неглубокую могилу, с трудом сняли с ног Шипа обломки мотоцикла и положили погибшего стalkerа в землю. Потом засыпали его землей.

Вадим, внезапно почувствовав страшную усталость и от работы, и от боли в спине, сел на обломки мотоцикла и закурил, не обращая внимания на разлитый бензин. Байкалов потоптался на месте и, ничего не говоря, куда-то пошел. Вернулся он через пару минут.

— Я вот нашел то, что от нашего прицепа осталось, там фляжка. Давай помянем.

Они молча глотнули обжигающего гортань спирта, Байкалов сел рядом с Малаховым и тоже закурил.

— Я много думал, что Зону надо уничтожить, только если знать, где она. Ты понимаешь — ведь никто не знает, где мы. Ни один радар, ни один шпионский самолет или

спутник не видит Зоны. Видят обычную Чернобыльскую зону отчуждения. А как пройдешь этот туман, так оказываешься здесь. А где «здесь»?..

Дмитрий замолк, задумавшись, потом встрепенулся.

— Вот же хрень — посмотри! — Он показал на один из тополей, стоящих вдоль улицы.

Выглядело дерево очень странно. «Воронка», резвясь с людьми, с мотоциклом и содержимым прицепа, совершила нечто невероятное. Разорвав ящик с ножами, она швырнула все оттуда на дерево, предварительно раскрыв лезвия сотне «Спайдерко» и вогнав их в ствол. Теперь мокрый тополь был скорее похож на инсталляцию с выставки холодного оружия.

— Шип хотел всем мужикам в баре ножики дарить. Добрый он был, — грустно произнес Малахов.

— Надо идти, боюсь, у нас совсем мало времени до прихода Высшего, — сказал Байкалов.

— Ты хочешь его взять голыми руками? — вяло спросил Вадим.

— Его приходу можно помешать разными способами. Главное для нас — мелкую шушеру разогнать. У тебя патронов сколько?

Малахов встал и проверил во внутренних карманах куртки боеприпасы к своему «Магнуму».

— Обойм шесть, хватит, — сказал он.

— Эх, «калаш», бы найти, а то куда я с этим? — Бай помахал своим ножом, единственным оружием, которое у него осталось.

— Подожди. — Вадим стал проверять боковые карманы куртки. — Ага, артефакты на месте. Нам бы не забыть возле ДК поискать «золотую рыбку».

— Давай сначала из него выберемся, — буркнул Бай.

— А ты и не выбирайся. Я сам туда пойду. Понимаешь, у меня там старые счета. И шести обойм мне хватит. — Вадим выбросил окурки и, тяжело поднявшись, зашагал по бульвару к «Энергетику». За ним потопал и Байкалов. Через некоторое время у них за спиной хлопнул несильный взрыв. От брошенного окурка загорелись обломки трайка — поминальным огнем у могилы сталкера.

Медленно, чтобы не попасть в очередное приключение, они пошли по широкой аллее вдоль черных пирамидальных тополей к Дому культуры. Пахло мертвым жильем из мертвых окон многоэтажек. К запаху примешивалась вонь горящего мотоцикла и занявшихся в костре желтых листьев. В небо поднимался узкий столб черной копоти. Вадим шел, и в его памяти всплывал каждый шаг, который он сделал по этой дороге в прошлый раз.

От тяжелых мыслей Малахова отвлек звук, доносившийся справа от разрушенного многоэтажного дома.

— Что это? — остановил он Бая. — Такое ощущение, что там кто-то стучит.

— Где там? — Дмитрий тоже был полностью погружен в себя и не следил ни за чем, кроме дороги.

— Вон видишь, многоэтажка рассыпалась? Оттуда гремит что-то. Может, там кто-нибудь под завалы попал? — Вадим говорил, всматриваясь в развалины сквозь строй тополей. — Кого-то могло выбросом развалить. Здания-то совсем прогнили.

— Не нравится мне это, — вздохнул Бай, но гайку в направлении рухнувшего дома кинул.

Сначала тщательно осмотрели руины издалека. Ничего подозрительного не увидели, только пара слепых собак сидела, видимо, ожидая добычи. Теперь уже не было сомнения, что стук раздавался из-под развалин дома. Кто-то лупил по железу, выбивая морзянкой «SOS». Не очень ловко перепрыгивая обломки бетонных плит и прогнившие гипсоблоки, Бай и Вадим двинулись на звук. Собак, которые не хотели уходить, пришлось прогнать выстрелом в воздух. Звери, понимая, что добычу им уже не заполучить, отошли на уважительное расстояние и стали наблюдать за происходящим со спокойствием сфинксов.

Бай несколько раз припадал ухом к плитам перекрытий, надеясь точно определить, откуда идет звук. Поиски продлились около получаса. В итоге сошлись на том, что стук идет

из-под плиты, которая сверху привалена большим кирпичным блоком. Для того чтобы свернуть этот блок, пришлось еще ползать по руинам в поисках подходящего рычага. Неожиданно удалось найти лом, неведь откуда взявшийся среди кирпичного крошева. Погребенные под плитой люди, видимо, слышали шум и стали тарабанить изо всех сил уже без всякой морзянки.

Скрипя и разбрасывая красную кирпичную пыль, блок с большой натугой свалился с бетонной плиты. Вадим еле отскочил от каменной глыбы, которая в последний момент решила завалиться набок. Но, даже убрав груз, освободить пленников было невозможно. Большая часть панели потолочного перекрытия, которая погребла под собой людей, была завалена обломками здания, которые убрать было невозможно. Единственным выходом оставалось только переломить саму плиту.

Малахов принял лом у изнеможенного Бая и стал методично, кусочек за кусочком, отбивать бетон от плиты. Бетон был не очень хорошего качества, видимо, на ЖБК 70-х годов кто-то лихо крал цемент, и плита стала постепенно поддаваться. Вадим выбивал камень, обнажая арматуру. Через некоторое время поперек всей плиты пролег разрез, но та и не думала терять прочность.

— Раскачивать надо, на излом. — Бай уже отдохнул и был готов продолжить борьбу с панелью.

Теперь уже Дмитрий, отобрав лом у Вадима, занялся плитой. Он воткнул инструмент под панель и стал короткими, резкими движениями раскачивать ее. Видимо, изнутри поняли, что освобождение близко, и стали в ответ толкать плиту. Через несколько минут слаженных действий она жизнерадостно хрустнула и подалась вверх. Уже руками, не обращая внимания ни на мозоли, ни на разбитые пальцы, люди подняли, изгибая арматуру, отрубленный кусок панели.

Изнутри пахло испражнениями и теплым, почти мертвым воздухом. В пролом, который светился изнутри — у попавших в западню оказался фонарик, — протиснулась рука. В грязных, исцарапанных пальцах была зажата открытая консервная банка. Скумбрию в масле можно было узнать сразу. Но, видимо, пленники руин хранили ее на самый крайний случай, и рыбные огрызки за это время превратились в сухие комочки, плавающие в дурно пахнущем масле.

Бай отобрал консервы и выкинул банку подальше, потом решительно взял за руку человека, который первым пытался выбраться из-под завала. Он, изможденный, в грязном цветастом свитере, попытался сопротивляться и выбраться самостоятельно.

— Так, мужик, успокойся, все хорошо, — заботливо сказал Байкалов. — Тут все свои, не стесняйся.

Несчастный словно понял, что и вправду стесняться нельзя, обхватил Бая за шею и позволил тому вытащить его наружу. Потом потерял последние силы, обмяк на руках своего спасителя и, когда тот положил его на расчищенную бетонную панель, распластался, словно в глубоком сне.

Вслед за первым пленником из-под плиты вытащили второго. Это был молодой пацан с дредами, припудренными строительной пылью. Он чувствовал себя неплохо, даже пытался помочь вытаскивать следующего.

— Там Траба, ему руки зажало. — Юноша попробовал вернуться в завал. — Он без сознания.

— Сколько вы тут сидите? — спросил Бай. — Сутки?

— Нет, уже два дня, — беспомощно качнул парень дредами. — Лямблий сказал, что через дом надо...

И тут Вадим вспомнил. Там, в баре, всего пару дней назад он видел и этого юношу с его ужасными грязными веревками вместо волос. И даже вспомнил имя сталкера.

— Это что, Лямблий там, на бетоне, доходит? — спросил Малахов. — Что же его так приплюснуло?

— Так он первый и сунулся в брежневку, типа что-то там увидал... А с ним все будет хорошо?

— Все будет хорошо, чуть очумел только без свежего воздуха, давайте лучше вашего Трабла вытащим.

— Траба, — поправил парень с дредами. — Он друг мне, а тут...

— Так, ты лучше скажи, сколько вас еще там? Вы приятеля своего сможете вытащить, или помочь?

— Там Полова и Скинич, они вроде ничего, — немедленно ответил парень. — Можно я лом возьму, мы быстро! Мы запросто.

— Давай выручай товарища! — Малахов вручил спасенному лом, и тот скрылся в разломе.

Из-под завала раздались невнятные звуки, кряхтение, потом сдавленный крик. Наружу выскочил тот самый с дредами. Таща за куртку, он выволок наружу худого юношу. Тот был без сознания, мертвенно-бледный. Сзади его подталкивали, помогая товарищу, еще два молодых человека.

— Он нормальный был, только что разговаривал, мы как руки ему освободили, вдруг стал что-то бормотать и отрубился, — стал объяснять пацан с дредами. — Что с ним?

— А вы руки ему, прежде чем из залама вынимать, жгутами не перетянули? — спросил Бай, щупая пульс на шее раненого.

— Нет, а зачем? — протянул один из спасенных. — Лямблий такого не говорил.

— А ты Усик, — вдруг вспомнил Вадим. — Я тебя помню, в баре видел.

— Да, Усик, а что делать? Трабу надо лекарства, а у нас все...

— Уже ничего не надо Трабу, — мрачно сказал Бай, в очередной раз проверяя пульс у лежащего. — Эмболия — она может развиваться до летального исхода в течение нескольких минут. Все. Нету больше Траба.

— Леха! — заорал Усик и кинулся к мертвому товарищу.

Он тряс бездыханное тело, словно пытаясь вернуть его к жизни. Потом, осознав потерю, сел рядом и заплакал.

Бай похлопал по плечу юношу, чтобы хоть как-то его ободрить, и пошел к Лямблию, сталкеру, который уже приходил в себя рядом, на чистой от обломков бетонной плите.

— Крепко мы застряли. — Лямблий сел, уже практически очухавшись. — Впервые в такую дурь попали.

— А что у вас случилось? Выброс-то был день назад, а вы вон сколько просидели.

— Да выброс тут ни при чем. Курить есть? — Лямблий чуть порозовел, это было заметно даже сквозь грязь на лице.

— Сигара. Будешь? — Бай достал из кармана металлический тубус.

— Нет, я эту гадость не того, — помотал головой сталкер.

— Малахов, курить есть? Тут сталкер помирает, сигарету просит, — крикнул Дмитрий.

Вадим достал из кармана пачку и кинул ее Баю. Лямблий со вкусом затянулся, выпустил вверх синюю струю дыма и продолжил:

— Дело у нас было в этой многоэтажке, там, по слухам, в сейфе было что-то очень важное для Сени, вот и пошли. Сейфа, как водится, не нашли, только пустое место. Кто-то опередил. Ну, идем назад, на одной лестничной площадке остановились, типа передохнуть. — Лямблий сделал несколько глубоких затяжек, разволнованный от воспоминаний. — Ну а дурачок этот, Траб, и говорит: «Я посмотрю, что там в квартирах». Ну и нашел там эту самую «грави». Приходит такой гордый, типа, я такую аномалию выследил, не всякому так везет. Глупость, конечно. Ну и стали отмычки между собой тереть, мол, слух есть, что если в «грави» кинуть гранату, то ни один осколок не вылетит. Я на них шикнул, но они не уgomонились. Как уходить, а Траб шасть — и швырнул лимонку. Вот «грави» и схлопнуло весь дом. Как вакуумная бомба. Оно сначала по ушам как грохнуло, потом удар, все отрубились и в себя пришли уже в завале.

— Траб умер, — тихо сказал Бай.

— Вот же блин... — Сталкер стиснул зубы, как от сильной боли. — Жалко мальчишку. Из него бы классный сталкер вышел. Дурь бы скоро выветрилась, он шибко любознательный был, а так... Спирт есть?

— Да есть маленько.

— Давай помянем Траба.

Дмитрий позвал остальных. Фляжку пустили по кругу. Выпили молча, никто не хотел ничего говорить.

— А у нас сегодня уже вторые поминки. Шип погиб. Сталкер наш.

— Шип? — Лямблий встрепнулся. — Так это ты с ним пошел? Мне дядя Сеня говорил, что ты, ну да, наверное, ты, должен Байкалова наконец пришить. И что? Нашли?

— Нашли, — просто ответил Малахов.

Байкалов ошарашенно посмотрел на Вадима.

Лямблий задумался, видимо, у него возникли какие-то сомнения. В это время один за одним стали раздаваться сигналы наладонника. Сталкер поморщился, достал КПК и прочел сообщения.

— Во, заработало наконец. И вправду Шип. Только оно уже десятый раз о его смерти сообщает. И все в разных местах. — Лямблий замолчал, о чем-то думая, и потом осторожно, словно боясь ответа, спросил, обращаясь к Дмитрию: — Так что, ты и есть Байкалов?

— А что? Страшно? — без улыбки спросил Байкалов.

— А чего мне бояться? Ты что, из завала нас тащил, чтобы прикончить? Нелогично. Значит, мы просто тебе не нужны. А вот Шипа ты небось и положил? — Лямблий хоть и в безнадежной ситуации, но не терял присутствия духа.

— Шип в «воронку» попал, — сказал Вадим. — А вот дяде Сене скажи, что, возможно, я к нему с Байкаловым приду. С живым. И тогда посмотрим, как он будет разговаривать. И еще ему скажи, что Байкалов никогда сталкеров не убивал.

Малахов резко, без подготовки, подобрал с земли обломок кирпича и метнул его прямо в лоб одному из отмычек, который потянулся к оружию. Тот, пискнув, упал без сознания.

— Остальных тоже попрошу не нервничать. Считайте, что я ваши жизни за жизнь Байкалова отдаю. Пока.

Вадим поднялся, к нему присоединился Дмитрий, и они, не оглядываясь, зашагали в сторону Дома культуры.

На овальной площади у самого ДК «Энергетик» в растерянном волнении стояла толпа зомби. Их легко было узнать издалека и по неуклюжим движениям, по оборванной одежде, скорее даже лохмотьям. И конечно, по запаху тлена, который начал перебивать все остальные запахи. Они что-то лопотали, в смятении разводили руками и время от времени пытались подойти ближе к ДК. Но им это не удавалось, словно неведомая сила все время останавливала их и заставляла вернуться назад, на площадь. Когда зомби почуяли приближение людей, они как по команде повернулись в сторону приближавшихся Малахова и Бая. Из толпы вышел старый знакомый Малахова, тот самый, который несколько дней назад пытался что-то сказать Вадиму по-итальянски. Зомби снял свою обвислую шляпу и, радостно сверкая черепом, стал что-то нечленораздельно мычать, иногда тыча рукой на Дом культуры.

— Ладно, ладно, ребята, успокойтесь, разберемся. — Байкалов в отличие от покойного Шипа не питал особой неприязни к зомби.

— Ну, хорошо, ты тут поговори с этой публикой, — сказал Малахов Дмитрию, — а я пошел. Думаю, если через час не вернусь, можешь идти по своим делам.

— Не каркай, — ответил ему Байкалов.

Вадим осмотрел оружие, застегнул куртку и проверил, что пистолет удобно сидит в кобуре. Окончив подготовку, скорее ритуальную, позволявшую сосредоточиться, Вадим обвел глазами площадь и, не оглядываясь, зашагал к Дому культуры.

Глава двадцать восьмая

*Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.*

*Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.*

*Нелегка моя кошица,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница
Все мы тесная родня.*

*Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом.
Но зовет нас из псалтыри
Заревой заре псалом.*

*И придем мы по равнинам
К правде сошьяго креста
Светом книги голубиной
Напоить свои уста.*

Сергей Есенин

Осеннее ненастье разыгралось словно напоследок. Резкий порывистый ветер гонял мокрые листья по кругу на площади у «Энергетика». Хлестали струи дождя, холодная вода текла по лицу, постоянно пытаюсь проникнуть за воротник. Голые ветки рабит, посаженных давным-давно возле фонтанов, пригибались от сильного ветра до самой земли, будто пытаюсь ухватиться за землю. В пустых окнах Дома культуры ветер выдувал тягучую унылую мелодию, казалось, там сидит большой и грустный зверь и играет на чудовищной пан-флейте. Мелодия смерти неслась над площадью, улетала далеко на север, теряясь в лесах Зоны.

Каждая ступенька перед главным входом в Дом культуры «Энергетик» давалась Вадиму с трудом. Куски битого стекла выскальзывали из-под подошв и мешали идти нормально. Приходилось делать маленькие, осторожные шажки, как по льду. Громада «Энергетика» приближалась неотвратимо, как айсберг. С каждым шагом удалялись звуки на площади, деревья и дом, удалялся весь мир, словно в здании ДК находилось что-то искривляющее и пространство, и время, и сознание. Последние шаги, которые отделяли от входа в Дом культуры, Вадим делал, как в тягучем киселе.

Вот уже окончились ступеньки, и до дверей в ДК, которые сейчас безжизненно валялись на бетоне, оставалось несколько метров. И тут пространство лопнуло. Вадим преодолел невидимую границу между Зоной и внутренним миром Дома культуры. Исчезли посторонние звуки, перестало скользить стекло и как ножом отрезало запахи с площади перед ДК. Вязкость мира тоже исчезла. Вадим вошел в «Энергетик».

Несмотря на мрачную погоду, в холле «Энергетика» было достаточно светло. Вадим, оглядевшись, подумал, что он впервые видит это помещение не через очки-коммуникаторы, а невооруженным глазом. Хруст битого стекла, сырой запах умирающей штукатурки, опадающая пестрая мозаика — ничего не изменилось здесь. Вадим хотел уже спуститься вниз, к помещению бывшей гардеробной, но какое-то смутное чувство подсказывало ему, что последовательность движения должна быть не такой, какой она была в прошлый визит.

Он застыл на минутку, набросил капюшон пси-защиты и стал прислушиваться. Казалось, только где-то вдали капала вода из прохудившейся крыши — больше ни один звук не нарушал спокойствие внутри Дома культуры. Но было что-то в этой тишине обманчивое и неправильное. Как будто это молчала смерть, схватившая в свои лапы все здание «Энергетика».

Вадим, ступая практически беззвучно, поднялся на галерею. Обойдя ее, он прошел к той части фойе, где прошлый раз схватился с неизвестными боевиками. Сегодня Вадим шел

не скрываясь. На углу галереи он остановился и осмотрелся. В выбитых окнах была видна толпа зомби на площади, что-то активно обсуждающая с Байкаловым. Зрелище было таким забавным, что Вадим невольно улыбнулся. Впереди у выбитых рам уже не было стопок кафельных плит, видимо, за прошедшее время их все-таки украли. В большом количестве валялись на полу гильзы, напоминая о давнем бое. Они позеленели за это время от сырости и покрылись патиной. Двери в помещения были выломаны, и это помогло Малахову безошибочно определить, куда идти. В самой дальней комнате явно чувствовалось чье-то присутствие. Вадим собирался уже рывком преодолеть расстояние до той, дальней комнаты, как оттуда раздался голос.

— Заходите, господин Малахов, — неизвестный говорил на русском языке с легким акцентом.

Вадим опустил пистолет, подошел к дверному проему и стал напротив, так чтобы видеть все, что происходит внутри небольшой комнаты, в которой, видимо, когда-то был какой-то кружок рукоделия. На стенах сохранились плакаты, отображающие устройство швейной машинки «ОРША» с ножным приводом.

— Заходите, не стесняйтесь. Мы вас давно ждем. — Навстречу вышел мужчина средних лет в деловом костюме-тройке, в белоснежной рубашке и галстуке, завязанном лихим, модным узлом. Меня зовут Питер Антонов. Я один из канцлеров Высшего Совета. Проходите, проходите. Можете убрать, а можете не убирать ваше оружие, мы вам полностью доверяем.

Вадим, с трудом сохраняя спокойствие, вошел. За дверными откосами никого не было. Всего в помещении находились четыре человека. В этой комнате царили роскошь и гламур. Пахло дорогими сигарами, смесью элитной мужской и дамской парфюмерии и хорошо выделанной кожей. Освещение было не стандартным дрожащим потоком белого света от люминесцентных ламп на потолке. Здесь словно поработал дизайнер, подсветив каждый уголок так, чтобы создать уют и легкую, романтическую таинственность. Хозяева сидели вокруг большого стола из резного мореного дуба времен Людовика XIV. Стол украшал большой чернильный прибор из горного хрусталя, мягко играя бликами на гранях. Рядом под плакатом со швейной машинкой стояла большая скульптура из эбенового дерева — черный пудель держал в зубах золотую сахарную косточку, густо обсыпанную бриллиантами средней величины.

— Присаживайтесь, вы устали, — не унимался Антонов. — Я вам пока представлю остальных.

Вадим сел на невесть откуда взявшееся здесь мягкое кресло, обитое буйволовой шкурой, недалеко от входа. Именно от этого кресла и исходил запах изысканно обработанной кожи.

— Итак, разрешите вам представить: Метью Гордон, тоже канцлер, председатель Высшего Совета. — Сухощавый мужчина с серебряным ежиком волос в военной форме без знаков различия коротко кивнул. — А вот рядом с ним мадам магистр.

— Сильвия Тарантини. — Дама с альпийским загаром, напудренная и хранящая на лице маску пренебрежения, только дрогнула губами в ответ, называя свое имя.

— А это, — Антонов указал рукой на иссиня-черного негра, который здесь выглядел просто феерически, — наш кенийский друг, магистр и профессор Нуамано Нкаа. Я позволю себе говорить с вами от имени нашего ордена. Я хоть и прожил всю жизнь в Канаде, все равно остаюсь русским и бережно храню язык своей родины. Итак, я рад, что нам наконец удалось встретиться лично. — Антонов был сама любезность. — Вы, я так подозреваю, уже достаточно много выяснили о нашей организации от вашего друга, который сейчас развлекается на площади. Так что, я думаю, между нами не должно быть тайн.

— Давайте начнем с того, что вы сначала ответите на мои вопросы. — Малахов не дал Антонову продолжить речь.

Питер Антонов бросил быстрый взгляд на своих коллег и, получив молчаливое согласие, закивал:

— Конечно, конечно! Сегодня мы ответим на любой ваш вопрос.

— Ваша организация имеет отношение к серии ритуальных убийств в Киеве, которые я расследовал?

— Нет, что вы, что вы! Никакого! Как вы могли подумать? Дело в том, что мы, конечно, в курсе вашей деятельности вне Зоны, и поэтому я могу с полной уверенностью сказать — нет, тут мы ни при чем. Все дело в том, что у простых людей складывается превратное мнение о нас. Ну, какие мы кровососы? Какие клыки и убиенные женщины? Просто тот юноша со сложной фамилией, — Антонов взял со стола бумажку и прочел: — Колохатенко. Видите, я тщательно готовился к встрече с вами. Так вот, юноша думал, что членом нашего братства можно стать, проявив вампирские способности, сведения о которых он почерпнул из вульгарных романов. Он случайно, повторяю, случайно, получил информацию о нас и захотел быть среди избранных. Более того, убил без всякой пользы невинную девочку.

— А с пользой можно было? — с сарказмом спросил Вадим.

— Да, убивать с пользой не только можно, но и нужно, — без тени смущения ответил Антонов. — Обратитесь к истории. Итак, дальше вопросы? Или это уже все?

— Нет, почему же? Зачем вам было нужно не просто сорвать нашу миссию в прошлом году, но и уничтожить именно меня? — Вадим достал из кармана сигаретную пачку, но она оказалась пустая.

Антонов немедленно подхватил со стола золотую коробочку и, открыв, протянул Вадиму. Малахов только мельком успел заметить название сигарет — «Treasurer». Он взял одну, с золотым фильтром, изящную красиво обрезанную сигарету. Вадим долго искал зажигалку по карманам, не обращая внимания на то, что ему уже услужливо предложили огонь, и, найдя, спокойно закурил. Вадим тянул время, демонстрируя Антонову, что ответ ему безразличен. Выпустив струю дыма вертикально вверх, он вопросительно посмотрел на вампира.

— Никто вашу миссию не срывал. Вернее, мы просто пытались защитить наши завоевания здесь, в Зоне. — Голос Антонова чуть дрогнул, как будто он чего-то неуловимо испугался, словно произошло нечто, чего он не ожидал. — А вас тоже никто не уничтожал. Нам было необходимо получить полный контроль над вашими перемещениями. И заметьте, нам ничего толком не удалось. Ваша прогулка по Зоне стоила нам, нашему ордену, очень дорого. Здесь речь не идет о материальных потерях, мы себе позволяем ни в чем не ограничивать затраты. Вопрос в стратегических потерях инициативы и сфер влияния. Неужели вы думаете, что мы не понимали, что ваш Центр никогда не допустит гибели ключевого сотрудника.

— Зачем я вам? — спросил Вадим.

— Ну как зачем. Мы не хотим повторения истории девяносто седьмого года в Казакистане, простите, в Казахстане, — с напускными учительскими нотками в голосе ответил магистр.

— Что вы имеете в виду? — Вадиму показалось, что Антонов бредит.

— Одна из задач нашего ордена — предупредить любое противодействие появлению высшего создания. Вы один раз уже помешали. Вот мы и следим за вами с тех пор. Чтобы не дать вам совершить еще раз такую же ошибку.

— А не проще было просто меня пристукнуть арматуриной в собственном подъезде? — спросил Малахов, улыбнувшись даме, которая, видимо, не совсем понимала, о чем говорят.

— Вы сожалеете, что мы так не поступили? — Антонов тоже улыбнулся.

— Это сложный вопрос, — не смутился Вадим. — Попробуй вы меня убить раньше, неизвестно, чем бы все кончилось.

— Вот именно, вы сами все прекрасно поняли. А теперь вы совершенно безопасны. Вы даже будете иметь шанс присутствовать при появлении высшего.

— А зачем вы подделали документы на имя президента России, датированные двумя годами позже? И откуда там резолюция президента?

Антонов поморщился, словно съел муху, и опять посмотрел на своих. У тех на лицах тоже сквозило удивление.

— Вот видите, вы, оказывается, информированы гораздо больше, чем мы ожидали, — с кислой миной и некоторой грустью в голосе сказал Антонов. — Ну что же, мы должны подстраховываться на тот случай, если бы дела пошли не так, как нам нужно. К следующему вероятному приходу высшего мы должны были полностью прикрыть ваш Центр. Ведь очевидно, что, сорвись сегодняшнее мероприятие, нам бы пришлось опять готовить новое. Ведь с большой вероятностью вы бы уже лично вернулись в свой Центр к своей группе к тому времени. И естественно, необходимо было подстраховать вашу деятельность в составе гипотетически возрожденного Центра. Вот попади такой документ, который сейчас хранится в канцелярии, в 2014 году кому-нибудь? Бумажка простая, а эффект получился бы взрывной, если не сказать — кумулятивный.

— А вы уверены, что сегодня не сорвется? — Вадим внутренне собрался, понимая, что отсюда его никто не выпустит живым.

— Абсолютно, — уверенно ответил Антонов.

— Тогда еще вопрос, — не отставал Вадим.

— Да, пожалуйста, ваши вопросы для нас очень важны! — улыбнулся Антонов. — Видимо, даже больше, чем вам ответы на них.

— Итак, нынешнее состояние Зоны, комиссары в каждом ключевом месте, сошедшие с ума птицы, контролеры на цепочке, ну, не мне вам рассказывать, это как-то связано с вами?

— Ну, это, скажем, побочный эффект нашего присутствия, — уклончиво ответил Антонов.

— Зачем?

— Видите ли, уважаемый господин Малахов, для каждого процесса необходим спусковой механизм. Вы же сами прекрасно понимаете, что есть живую или не прожаренную курицу очень неудобно. Страх — это именно то состояние индивида, которое отличает нас от других. Чем больше у других страха, тем сильнее мы. Процесс передачи энергии от подавленной страхом жертвы намного проще и приятнее. Я доходчиво объясняю, да?

— Доходчивее некуда. Погибшие в Зоне сталкеры, те, которые умерли странной смертью за последнее время... Тоже ваша работа?

— Это не работа, господин Малахов! — развел руками Антонов. — Нам же надо чем-то питаться, вы понимаете, в каком смысле я это говорю. Приход высшего требует от нас максимального сосредоточения и невероятных усилий!

— А вне Зоны тоже такое бывает?

— Скажите, вы никогда не состояли в «Гринписе»? Не ходили с плакатами — руки прочь от скота, не дадим убивать коровок? — Антонов занервничал. — Люди для нас — не более чем скот. Ну не все, я присутствующих не имею в виду.

— Это почему же я вам не подхожу? Не вкусный? — делано возмутился Вадим.

— Вы сродни нам. Только в ином смысле. И у вас не развиты такие способности, как у нас. Вы находитесь на первой ступени развития и движения к высшим кругам живых существ, — патетика так и хлестала из Антонова.

— Тогда еще один вопрос, вернемся к случаю в Киеве. Ведь тот молодой юноша искал некое сообщество вампиров, не так ли? Понятно, что он где-то о вас узнал. Такие утечки информации у вашего сообщества бывают? Да еще, видимо...

— Погодите, можете не продолжать. Во-первых, утечка была очень умело организована нашими врагами. Во-вторых, мы тысячи лет держим наше присутствие среди вас в таком секрете, что все равно никакой утечке никто не поверит. Тут неплохо работает легенда о якобы пьющих кровь вампирах. Нам так хорошо удалось внедрить эту сказку в мозг людей, что теперь любой обыватель, даже отъявленный материалист и циник, вполне допускает существование вампиров. Это ведь как просто. Чем несуразнее ложь, тем больше в нее верят. Из глупой страшилки, которую когда-то придумал простой человек, нам удалось создать несуществующую субкультуру, в которую верят миллионы. Ну и пусть охотятся на кровососущих графов, а мы останемся в тени. Вы просто представить не можете, каких денег стоило добиться того, чтобы книги о лубочных вампирах продавались в каждом ларьке. По всему миру! А еще есть и кинематограф...

— Ничего не понимаю, зачем вам тогда Зона, если вы и вне ее можете так же прекрасно и питаться, и править миром, и ждать прихода своего Вельзевула, извините за выражение? В чем смысл? В чем здесь фишка? — Вадим, которому понравились вампирские сигареты, совершенно нахально взял золотую пачку со стола и, вытащив еще одну сигарету, положил упаковку себе в карман. Естественно, Малахов хотел своей напускной брутальностью, которая была также и во внешнем виде, небрежной позе, нарочито наброшенном капюшоне, хоть как-то сорвать напускной лоск с хозяев этой гламурной комнаты.

Тут дама, хранившая практически все время невозмутимость, вежливо кашлянула и показала на часы.

— Да, нам пора, дорогой господин Малахов. — И без всяких объяснений Антонов подошел и приблизил руки к голове Вадима.

Вадим почувствовал легкую тупую боль и резким ударом отбросил руки вампира. Антонов отскочил, его лицо выражало неподдельный ужас. Остальные, сидевшие за столом, тоже подскочили. Метью Гордон потянулся к кобуре. Вадим не видел оружия у Гордона, пока тот сидел. Выбирать не приходилось. Два выстрела положили на пол Метью и негра, который запутался в складках своего африканского балахона, явно пытаясь достать пистолет.

— Что у вас получилось не так, господин Антонов? — Вадим перевел на него оружие.

— Я понимаю теперь, что все с вами оказалось сложнее. Я никогда не видел позитивиста такой степени закрытости.

— Позитивиста?

— Ну, считайте, что вы наш антипод. Но такие, как вы, никогда не создавали никакой организованной структуры, вот и не смогли развить свои способности. То, что я не раздавил вас в секунду, я, канцлер, который может в мгновение из простого смертного сделать высушенную мумию, свидетельствует о том, что мы действительно в вас ошиблись.

Губы Антонова дрожали, он водил кончиками тонких пальцев по краю стола, словно пытаясь нарисовать какой-то узор.

— Никто никогда не мог предположить, что в простом смертном может прятаться высший позитивист. Подумайте, если вы согласитесь стать членом нашего ордена, каких высот вы сможете достичь! Ваше присутствие в наших рядах будет компенсацией с избытком смерти двух канцлеров, — продолжал Антонов, и с каждым словом в его голосе все больше звучала уверенность.

Если бы не многолетняя подготовка, то Вадим бы и не заметил, как дама, которая за секунду до этого села, то ли от ужаса, то ли от усталости, достала из сумочки оружие. Вадим не знал на сто процентов, что это оружие, но щелчок замочка сработал как детонатор. Двумя выстрелами, почти слившимися в один длинный хлопок, Малахов застрелил и Антонова, и даму. Почему-то совесть ему подсказывала, что он прав.

— Вот об этом, суки, ролик снимите и покажите на заседании ООН, — буркнул Вадим себе под нос.

Он обвел глазами помещение, потом на всякий случай выломал у пуделя из пасти кость и засунул ее в карман. Не оборачиваясь, Малахов вышел из комнаты и, словно влекомый каким-то потусторонним зовом, пошел по галерее и спустился вниз, к гардеробной.

Глава двадцать девятая

*В фантазии рождаются порою
Немые сны.
Они горят меж солнцем и Тобою
В лучах весны.
О, если б мне владеть их голосами!
Они б могли
И наяву предстать перед сынами
Моей земли!*

*Но звук один — они свое значение
Утратят вмиг.
И зазвучит в земном воображеньи
Земной язык.*

Александр Блок

Вадим, мрачно глядя себе под ноги, стал спускаться на цокольный этаж. На промежуточной площадке он посмотрел вперед и увидел, что зеркало, разбитое много лет назад, опять цело. И опять, как и прошлой осенью, отражение в зеркале было ненастоящим. Снова он увидел черного человека в длинном балахоне, спускающегося по длинной белой лестнице из глубины зазеркалья.

Вадим остановился и внезапно, в порыве, потянул защиту, которую ему дал Цукерман, за капюшон, вытащил ее наружу и бросил под ноги.

— Иди сюда, скажи мне, кто ты? — заорал он прямо в зеркало.

Человек в зеркале, не показывая лица из-под капюшона, протянул руку. Казалось, эта рука была бесконечной длины, она прошла сквозь поверхность зеркала и застыла перед лицом Малахова.

Словно бездна раскрылась в мозгу. Вот он, маленький мальчик, смотрит, как сосед чинит древний «Москвич». У соседа был гараж недалеко от дома, где жил Вадим с родителями. Хозяин «Москвича» дружил с мальчиком, рассказывал интересные истории из своего детства, показывал, как устроена машина. Вадим с замиранием сердца смотрит на пассатижи, он не понимает, зачем они ему нужны, но не может ничего с собой поделаться. Секунда, и инструмент, забытый на верстаке, исчезает у мальчика в кармане. Вадим бежит домой, от ужаса боясь оглянуться. А сосед так ничего и не заметил. Много лет потом Малахов мучился угрызениями совести.

А человек в черном начинает проигрывать один за другим самые неприятные моменты из памяти Вадима. Первая драка до крови, первая измена, первая несправедливость, о которой нельзя рассказать. Первая измена Ольге, Вадим бьет по лицу сына, гибель товарища в операции, гибель, которую Малахов всегда считал своей виной. И внезапно, словно откатив назад время, черный человек снова возвращает Вадима в прошлое. Опять боль, обиды и страх.

Вадим еще маленький мальчик. А толпа пацанов поймала его в скверике и долго издевалась, сначала просто дразнила, отобрав шапку. Потом, когда он начал плакать, пацаны стали его бить и требовать принести из дому деньги. А если не принесет, то все будут говорить, что Вадик — предатель. Что такое предатель, в пять лет он еще не знал. И опять воспоминания, не приносящие ничего, кроме боли. Все самое обидное и ранящее из памяти Вадима выуживал черный человек, раскачивая психику и пытаясь убедить, что вся жизнь Малахова — полное дерьмо, не стоящее сожаления.

Ноги внезапно подкосились от слабости. Вадим упал на колени, продолжая как замороженный смотреть на человека в зеркале. Образы в мозгу Малахова практически исчезли, их заменила просто темная пелена страха и ненависти. Ненависти к самому себе, к своей жизни. Вадим уже перестал контролировать себя, он просто тихо опускался в холодную темноту. И тут кто-то коснулся его плеча рукой.

— Папа, обними меня, я замерз.

Сквозь черную пелену Малахов увидел своего сына, Гусенка, маленького и испуганного. Вадим, разрывая охватившую его темноту, поднялся на колени и прижал сына к себе. Ахнул грохот взрыва. Через секунду, когда Малахов уже смог понять, что творится вокруг, он увидел осколки зеркала на полу гардеробной, полутемный холл и сломанные стулья. Над всем этим висела пронзительная, звенящая тишина. Не было ничего и никого.

Тяжело ступая, Малахов поднялся по лестнице на первый этаж и вышел из здания «Энергетика». На ступеньках сидела толпа зомби и внимательно смотрела на Байкалова. А Дмитрий сидел посреди площади, спокойно дожидаясь Малахова.

— Ну, что, пошли отсюда? — сказал Бай Вадиму, когда тот подошел поближе. — Помоему, тебе удалось во второй раз.

— А ты откуда знаешь?

— Ну, видел бы ты, как горело небо над ДК, не стал бы спрашивать.

— Там были четыре канцлера, вернее, три канцлера и баба-магистр. Я их того... — Вадиму вдруг захотелось немедленно рассказать все, что произошло.

— Да ты что, всю их кодлу обезглавил? Ну, крут! — Байкалов не скрывал радости.

— А потом этот, черный, из зеркала... в общем, мне весьма хреново было, я... — Тут у Вадима все поплыло перед глазами, и он мягко рухнул на цементные плитки, покрывающие площадь перед Домом культуры.

Очнулся он от того, что ему брызгали в лицо водой.

— Ничего-ничего, сейчас отойдешь. — Голос Байкалова долетал словно издалека. — Эй, служивый, принеси еще воды!

Байкалов протянул жестяную кружку стоящему рядом зомби в шляпе. Тот взял ее и заковылял куда-то, где, видимо, была вода. Вернувшись, зомби подошел к Вадиму и стал ему лить на голову воду из кружки.

— Да хватит, хватит! Я уже нормально! — заорал Малахов.

— Холодно что-то мне. — Зубы Малахова непроизвольно выбивали дробь.

— Так, сейчас мы костерок сварганим, согреемся.

Байкалов осмотрелся в поисках дров для костра.

— Эй, любезный, — Дмитрий помахал рукой лысому, — иди сюда.

Существо сорвало шляпу с черепа, прижало ее к груди и, выражая неподдельную радость на лице, направилось к Байкалову.

— Ты, дружище, дрова поможешь собрать? Видишь, человеку холодно, — четко выговаривая слова, спросил Байкалов.

На лице зомби появилось выражение тяжелой работы мысли, но он так и не понял вопроса.

— Ладно, вот смотри, — Бай поднял с земли веточку, — вот такая, только большая.

Байкалов развел руки пошире, показывая, какая должна быть ветка. Зомби постоял некоторое время, переваривая полученную информацию, потом его лицо озарила страшная щербатая улыбка, и он потопал к толпе своих соплеменников, которая чуть в стороне празднично топталась на месте. Там он провел что-то вроде военного совета, и фигуры в грязных лохмотьях разбрелись кто куда. Через пару минут они стали возвращаться, каждый тащил что-нибудь деревянное.

Добычу зомби складывали рядом с Байкаловым и сразу же уходили в дальний конец площади. Последним пришел тот, в шляпе, как его для себя определил Вадим — главарь, и притащил дверцу от шкафа.

— Вот смотри, зомби какой смысленный попался, надо его с Тимуром познакомить, — сказал Байкалов.

— А ты что, знаешь Тимура? — Малахов постепенно приходил в себя, онемение лица и ног проходило.

— Слышал, что он у себя всяких убогих собирает. А этого жалко будет, если пристрелят. Сердобольный он какой-то. Пусть Тимур ему имя даст и научит чему-нибудь.

— Научит его говорить всякие смешные слова, петь и танцевать, да и будет носить по дворам... Заработает на кусок хлеба и на стаканчик вина, — задумчиво сказал Малахов.

Развести костер оказалось проще простого, Байкалов не пожалел и плеснул на сырые ветки спирта из фляги.

Вадим молча сидел у костра, протянув руки к живительному огню. Слева от него устроился Бай и щурился на костер, как жирный кот, поглощая тепло всем телом.

— Эх, сейчас бы сталкерскую закуску сделать, — мечтательно произнес он.

— А? — вяло отреагировал Вадим.

— Крыса под порохом. Эх, объединение. — Дмитрий почмокал, предвкушая блюдо. — Только их лучше где-нибудь на складах ловить, там они нажористее.

— Кто?

— Ну как кто? Ты что, не знаешь, что такое крыса под порохом? — Изумлению Байкалова не было предела.

— Рассказывай.

— Ха! Ловишь крысу, держишь ее за хвост и дразнишь. Потом, когда она разозлится как следует, надо на нее насыпать пороха и поджечь! Чтоб бахнуло! Когда грохнет как следует, у нее кишки вылетают. Чистить не надо. А потом ее на соломинку от коктейля нанизать и в высокий стакан со спиртом поставить. Хлебанешь ректификату, а крысой закусываешь.

— Ты врешь. — Вадим с трудом подавил рвотный рефлекс.

— Ну, вру. Немного. Это совсем не сталкерское блюдо, а испанское. Я в книге одной видел фотографию. Написано, что порох придает блюду неповторимый аромат.

— Ха, ха, ха, — с каменным лицом произнес Вадим. — Ты просто с китайской кухней не знаком.

— А что у них? Лапша да лапша.

— Ты про блюдо «три пи» не слыхал? — Вадим устало, но внимательно глянул на Дмитрия.

— Нет, — тот замер.

— Ну, тоже крысы в общем-то, — начал рассказ Вадим. — Подаются на стол новорожденные крысята. И кастрюля с кипящим маслом. Там вся хитрость в ловкости. Надо палочками взять крысенка. Он от возмущения говорит «пи». Потом окунуть в кипящее масло. Не просто так. Ловкий гурман начнет окунать крысенка с хвоста. Он, само собой, опять «пи!». Если с головы, то он в масло уже ничего не пискнет. Это ошибка! Ну и третий «пи», это если его в масле не передержали, когда кусаешь, он должен еще раз пикнуть. Очень изысканное блюдо.

— Ладно, квиты, шутка не удалась. Ты как, готов домой топать? — Байкалов встрепнулся, словно очнулся от гастрономических фантазий.

— Да в принципе ничего уже. — Вадим сел и, постепенно приходя в себя, стал осматриваться. — А сколько отсюда топать?

— Ну, я думаю, к вечеру доберемся. До «100 рентген» так точно.

* * *

— Ну вот, прошел я весь путь, свершил подвиг во имя светлого будущего всего человечества, а толку? — внезапно заговорил Вадим. — Что изменилось?

— Чего это тебя в самоанализ потянуло? — буркнул Бай. — Тебе фанфары нужны? Или, там, медаль?

— Я шел в эту Зону с одной целью: доказать, что я не преступник, что моя группа наказана зря, что...

— Ну а что, ты не сделал этого?

— Как? Я сейчас выйду из Зоны и под свет софитов буду рассказывать по телевизору, что я спас человечество от заговора вампиров? Так меня после этого не то что под защиту свидетелей, не каждая психушка согласится приютить. — Вадим в сердцах стукнул кулаком по колену. — Проклятое это место — Зона, ой проклятое. Здесь каждое доброе дело оборачивается злом и каждая правда — неправдой.

— Ты от того сейчас чушь несешь, что полчаса назад сам себя из пасти высшего вампира вытащил. А это просто так не проходит. Давай хлебнем. — Бай снял с пояса фляжку и протянул ее Вадиму.

— Ой, нет, не хочу, — ответил тот.

— Да. Крепко тебя приплющило.

Зомби в шляпе незаметно подошел к костру, опасливо поглядывая на огонь, и забормотал, пытался что-то сказать.

— Что, родимый? — ласково спросил его Бай.

Зомби отступил и протянул руку. На его иссохшей корявой ладони лежала «золотая рыбка». Артефакт призрачно мерцал, освещая и лицо, и грязную руку зомби. В этом свете глаза нежити отблескивали нереальным, призрачным зеленым светом.

— Слушай! — Вадим даже вскочил на ноги. — Это же последний из набора Сухого! Откуда он знает?

Зомби открыл рот и радостно загудел. Видимо, хотел сделать людям приятное.

— Ну, ты молоток! — Малахов похлопал зомби по плечу. — Давай!

— Слушай, а смысл вообще этих безделушек? — спросил Байкалов. — Ты думаешь, сталкер так тебе какой-то код зашифровал? А может, все проще? Может, он так, тебе на первое время типа заначки оставил. Продашь, если придешь, будет на что в Зоне кантоваться.

— Да не думаю, что за это можно что-то выручить стоящее, — сказал Вадим, пряча артефакт в карман.

Зомби внезапно встревожился и, ничего не говоря, пошел прочь. Вслед за ним с площади ушли остальные его собраты.

— Куда это они? Переполошились чего-то. — Вадиму стало неожиданно грустно без новых друзей.

— Да кто же их поймет. — Байкалов подкинул веток в костер.

На какое-то время люди замолчали, глядя, как в костре с треском занимается новая ветка.

— Тихо! — Байкалов поднял ладонь, словно пытаясь заглушить все звуки. — Что это? Слышишь?

— Где? — Вадим ничего не слышал.

— Вот! — уже шепотом добавил Дмитрий.

Малахов повертел головой и наконец понял, что откуда-то со стороны ДК доносятся шаги. Сначала еле слышные. Потом все громче и громче. Чья-то тяжелая поступь становилась все явственней.

Вадим и Бай вскочили на ноги одновременно и повернулись лицом к Дому культуры, ожидая увидеть того, кто шел, уже оглушительно гремя тяжелыми подошвами. Шаги приближались, но на площади все еще никого не было. Внезапно звук оборвался, словно невидимка остановился.

— Ну и дурь, — буркнул Байкалов.

Они повернулись к костру и увидели, что по ту сторону огня стоит человек. Байкалов от неожиданности сделал шаг назад и, споткнувшись, чуть не упал. Вадим поддержал его за руку. Человек, стоящий у костра, был одет в черный плащ до пят, лицо скрывал глубокий капюшон. Руки гость держал в карманах. Вадим сразу обратил внимание на то, что никакого оружия у человека не было.

— С кем имею честь?

Байкалов не дал Вадиму договорить, пнув его в спину кулаком.

— Здравствуй. Садись, посидим у костра, — обратился он к пришельцу.

Визитер не стал себя упрашивать и немедленно устроился у огня.

— Не болтай, — еле слышно прошипел Бай на ухо Малахову.

— Выпьешь? — спросил он гостя.

Не дожидаясь ответа, он вытащил фляжку. Человек в плаще протянул руку над костром и взял в руки спирт. Малахов отметил про себя, что рука, в кожаной перчатке без пальцев, была тонкая, как у пианиста. Человек сделал несколько глотков и вернул флягу, Байкалов тоже приложился и передал спирт Вадиму. По выражению лица Дмитрия Малахов понял, что не выпить нельзя.

— Шип погиб, жалко парня, — глухо произнес человек в плаще. — Но теперь его все знать будут, пока Зона есть.

— Закуришь? — Вадим достал сигареты.

Гость без слов принял и сигарету. Он вытащил одну из пачки, подержал ее в руках, словно рассматривая, и сделал глубокую затяжку. Вадим готов был поклясться, что человек не прикуривал, а огонь на кончике сигареты появился сам по себе.

— Хороший табак, давно таких не курил, — сказал гость.

Некоторое время все трое сидели у костра молча. Вадим и таинственный гость курили, глядя на огонь, Байкалов лениво ворошил угли в костре палочкой.

— Все собрал? — прервал молчание человек в плаще. — Все, что Сухой велел?

— Да, все, — просто ответил Вадим.

— Дай. — Гость протянул руку. Малахов так и не понял, как тот может держать руку прямо в огне.

Вадим порылся в карманах куртки и передал один за другим все находки странному визитеру.

Тот разложил их в особом, ему одному понятном порядке на цементной плите у костра. Внезапно артефакты изменились. Они засветились, зашевелились и завертелись в круговороте. Вадим глядел как замороженный на ускоряющийся вихрь. Артефакты, вдоволь накрутившись в хороводе, собрались вместе и стали перемещаться друг относительно друга, как кусочки головоломки. Потом, успокоясь, когда каждый элемент нашел свое место, они слились воедино, и возник предмет, ничем не напоминавший исходные артефакты. Он был похож на большое вытянутое яйцо, совершенно непрозрачное, не отражающее ни единого блика от костра. Артефакт лежал на цементной плитке как овальное черное отверстие.

— «Пустышка полная, обыкновенная». — Вадим вспомнил слова и изображение в методичке, которую изучал перед первой миссией. — Крайне редкий артефакт. Вернее, даже считается, что ее не бывает.

Человек в плаще подобрал «пустышку» и протянул ее Вадиму.

— Возьми. Это то, что тебе нужно, — тихо, без интонаций в голосе сказал гость. — Положи ее в ось колеса.

— Какого колеса? — спросил Вадим, принимая артефакт у гостя.

— Вот этого. — Человек в плаще вытянул руку вперед и пальцем показал куда-то Вадиму за спину.

Малахов и Бай обернулись, чтобы посмотреть, куда указывает странный гость. Оказалось, что он показывал на колесо обозрения, возвышавшееся громадой за ДК «Энергетик».

— Зачем? — Вадим повернулся обратно к костру, но там уже не было никого.

Таинственный гость так же исчез, как и появился.

— Это Черный сталкер был, — тихо произнес Байкалов.

Глава тридцатая

*Мы условимся: трупов не будет,
Отпустим Харона гулять —
Пусть напьется, пусть вдарит по бабам,
Пусть сходит в кино, черт возьми! —
И пристроимся сами на веслах,
И время покатится вспять,
И немного побудем детьми!
Мы с тобою когда-то построили дом —
Кто живет в нем теперь?
Мы в иные стучались дома —
Говорят, там полно малышни.
Было дело — ни дня без письма —
Как сейчас удаётся терпеть?*

Кто ж мы нынче и как там они?

Что давно мы не виделись, старче, —

Плевать:

Каждый шаг, каждый вздох твой мне слышен

За тысячу тысяч локтей

Ты молчи, ты тихонько гребь,

Ты под солнцем тогдашним потей —

Может, снова на нас снизойдет синева...

В. Ланцберг

— Ну и что? Это и была загадка Сухого? — Вадим никак не мог поверить, что все кончилось так банально. — Просто подарок сталкера — гения сыска в Зоне? Дорогая финтифлюшка?

— Ты думаешь? Ты вообще в физике сингулярностей что-то понимаешь? Ты теорию Васнецова-Берри изучал? — Байкалова почему-то находка «пустышки» сильно обрадовала. — Ты знаешь, почему ученые ищут эту «пустышку», как самый главный артефакт Зоны?

— Ну, — протянул Вадим без особого энтузиазма, — что-то слышал, но не помню...

— Популярно я могу так объяснить, я как-то в Горках лекцию слушал. Если есть некое место в пространстве, где ничего нет, вообще ничего — ни вещества, ни поля, ничего, — то такое место является сингулярностью, и оно нарушает пространственно-временной континуум.

— Да ничего оно не нарушает. — Малахов повертел в руках «пустышку». — Хрень какая-то.

— Вот не торопись! Считалось, что такая «полная пустышка» в теории — это и есть то, из чего происходит Большой Взрыв, поэтому и найти ее нельзя. Если бы она появилась, эта сингулярность, то сразу бы и бахнуло. Появилась бы новая вселенная. Но вот видишь, не бахнуло! А значит, тогда работает теория нарушения пространственно-временного континуума.

Сидевший рядом зомби в шляпе кивал, внимая каждому слову Дмитрия.

— Нарушения возникают не в пространстве, а во времени. Если эту сингулярность обойти вокруг, то попадешь уже в другое время! Насколько я понял из той сумбурной лекции, вокруг этой сингулярности возникает временная спираль. Пространство, чтобы сохранить свою неразрывность, должно изменить метрику времени. И вот получается, что движение по спирали, причем движение простое, механическое, приводит к движению во времени. И в зависимости от направления это может быть и прошлое, и будущее. — Бай был так увлечен рассказом, что стал размахивать руками, жестахми подкрепляя слова.

— Ты хочешь сказать, я сейчас вокруг нее обойду, и все? — Вадим, не веря Байкалову, повысил голос. — Только меня и видели? Это хотел мне подарить Сухой? И это было требование Черного сталкера?

— Я вот думаю, что здесь все гораздо сложнее. — Казалось, Бай продолжает говорить о своем, не слыша Малахова. — Ведь не зря эта ерунда, эта сингулярность, существует только в Зоне! Видимо, чтобы воспользоваться ею, надо выполнить какие-то хитрые правила, которые могут быть только в Зоне и непонятны стороннему наблюдателю. Сухой, наверно, хотел...

— Ы, ы! — вдруг взволновался зомби.

— Что, любезный? — Вадим положил «пустышку» в карман и посмотрел на зомби в шляпе. — Ты Сухого знаешь?

— Ыхой, Ыхой, — закивал зомби.

И еще зомби стал нескладно махать рукой в сторону колеса обозрения, которое торчало в пасмурном небе совсем рядом.

— Слушай, а ведь и вправду, — протянул Байкалов, глядя на колесо обозрения. — Ведь если эту «пустышку» вставить в центральную ось колеса, то, сделав оборот, можно совершить точный объезд «пустышки». Я только не понимаю, почему нельзя просто обойти.

— А что вообще в Зоне объясняется? В Зоне только выполняется то, что нужно, и рациональность тут искать не надо. — Вадим принял решение. — Пошли к колесу.

— Ты что задумал? — забеспокоился Бай. — Не хочешь ли ты прямо сейчас вставить сингулярность в колесо и крутануть его? Ведь... А вдруг оно не во времени, а в пространстве перемещает или, наоборот, тот самый Большой Взрыв запустит?

— Видишь ли, мне очень надо сделать шаг назад, ну просто очень. Вернее, попробовать его сделать. Я, извини, мало верю в перемещения во времени. Но все-таки. Мне надо установить рациональную связь между тем, что было здесь в прошлом году, и реальностью. Это, знаешь, как... Есть один процесс и есть другой, вроде они одинаковые, а не хватает чего-то маленького — константы связи между ними. Просто постоянного множителя, который сделает две части связанными и равными. Вот я и должен быть этой константой. Пошли.

И опять Вадим шел по той же дороге, что и прошлой осенью, только в обратном направлении. Галерея вокруг Дома культуры, ободранные колонны, вечное битое стекло и вечные гнилые листья. Только не было рядом старых друзей, не было ни поддержки из Центра, ни супероружия, ни суперсистем навигации и разведки. А вот и площадь перед колесом. Казалось, совсем недавно они сидели на этой качалке и решали, что делать дальше. Вот и обломки крыши «Патриота» догнивают на асфальте.

— Сиди жди, сейчас я до главной оси доберусь. — Вадим отдал оружие Байкалову, чтобы не мешало подниматься наверх.

До центральной оси оказалось добраться не сложно. На одной из опор была сооружена лесенка для обслуживания аттракциона. Естественно, со дня взрыва по ней никто не поднимался. Для безопасности лесенка была заключена в ажурную защиту, скорее похожую на обручи от бочек.

Вадим осторожно, не будучи уверен в прочности ржавых перекладин, стал подниматься вверх. После первого десятка ступеней стало страшно. На высоте дул порывистый ветер, металл колеса обозрения зловеще скрипел и завывал. Облезлая краска распространяла еле слышный запах скипидара, смешанный с запахом ржавчины. Вадим никогда не чувствовал себя на высоте хорошо, и сейчас он старался ни о чем не думать. Шаг за шагом он поднимался по железной ноге аттракциона. Лестница привела как раз к тому месту, где все три опоры с одной стороны подходили к системе подвески. Наверху, царапаясь о ржавчину и окаменелую, обваливающуюся хлопьями краску, Малахов дотянулся до торца подвески и сунул туда «пустышку». Спуск был уже намного легче.

— Ну что, будешь ручку крутить? — Малахов прыгнул на землю с предпоследней ступеньки, ударившись спиной о защиту.

— А зачем крутить? В Зоне никто электричество не отменял, — удивился Байкалов. — Оно тут неизвестно откуда и неизвестно как. Но все работает, что не сломано. Ты уверен, что хочешь сесть в кабинку на колесе?

— А то нет! Все прекрасно сложилось, и мне просто уже некуда деваться. — Вадим вдруг внутренне оглянулся на события последних дней. — Я не стал жить той жизнью, которая была логическим продолжением моей службы в Центре. Я не послушался и стал заниматься делом, которое вело в никуда, в бездну. Я приперся в Зону в поисках непонятно чего, я убивал опять там же, где убивал несколько месяцев назад. Я пытался отгадать загадку, а это оказалась совсем не загадка, а конструктор для «пустышки». И в итоге я по указанию зомби лезу в колесо обозрения. Все логично. Я ничто, я даже не функция, я константа связи. А она иногда не имеет смысла, если в формуле после знака равенства стоит ноль. Вот к нему я и пришел.

— Ты что, крышей поехал? — спокойно спросил Байкалов.

— Иди включай, справишься? — Вадим не стал отвечать Байкалову, а решительно отправился к кабинке, которая в самом низу, на небольшой платформе, предназначена для посадки на аттракцион.

Байкалов открыл дверь, ведущую к пульту управления колесом, в железной будке, которая стояла невдалеке. Управление было совершенно примитивным. Кнопки «вперед», «назад», «пуск», «экстренный стоп»... Дмитрий, не раздумывая, нажал кнопки «назад» и «пуск» и немедленно выскочил из будочки.

Сначала не было никакого движения, однако чувствовалось, как напрягся металл конструкции. Потом как тысяча чертей взвыло давно не смазанное железо, и колесо завибрировало и двинулось против часовой стрелки. Дмитрий увидел, как в самой верхней точке колеса что-то внезапно поменялось. Там колесо словно разъединилось, растворившись в полосе тумана. Оно входило в туманную полосу и выходило из нее. Пространство исказилось, превращая колесо в спираль, у которой был виден только небольшой участок. Медленно скрипя и подвывая, вращалось колесо. Малахов помахал из своей кабинки Байкалову — мол, все в порядке. Вот кабинка вошла в туманное марево и через некоторое время вышла из него. Бай дождался, пока она опустится ниже. В кабине никого не было.

Тут словно разрезанные гигантским ножом сплошные тучи на осеннем небе над Зоной разошлись в стороны, оставив за собой синюю полосу летнего небосвода. Из разрыва над головой хлынули солнечные лучи.

Байкалов подождал еще несколько оборотов колеса. Потом медленно вошел в будочку и нажал кнопку «стоп». Потом так же медленно он вышел и двинулся в ту сторону, где был бар «100 рентген». Солнце светило так, словно соскучилось по Зоне и хотело ее осушить впервые за многие месяцы. А на площади, на качелях возле колеса обозрения, сидел причастный к тайнам зомби в обвисшей шляпе и плакал.

Эпилог

2016 год

Каждое лето меня ждут две поездки. Одна — в летний лагерь. Говорят, они раньше назывались пионерскими. А теперь летний лагерь отдыха. Какой там, к черту, отдых. Там сплошные идиотские мероприятия, там деревенские с городскими все время дерутся, а мне это совсем не интересно. Но вторая поездка — это уже лучше. Мама всегда на месяц отправляет меня к бабушке в Москву. Бабушка — это папина мама. Она добрая, и в Москве всегда интересно. Я уже и приятелей там нашел, когда я дома, мы иногда по скайпу болтаем.

В общем, в этом году я сначала поехал к бабушке, а уже потом мне надо было ехать в лагерь, в Ждановичи. Бабушка мне позволяла все. Ну, почти все. И с утра не надо было рано вставать, зарядку делать не обязательно. Терпеть ее не могу. И есть можно было сколько хочешь, а не доедать все до конца. И на улице можно было гулять вечером сколько угодно, если только время от времени перезванивать бабушке по сотовому, что, мол, все в порядке. Ну и само собой, и в кино, и на всякие выставки тоже всегда можно попасть.

И самое главное, у бабушки было очень много интересных книг. Она говорит, что это еще мой папа собирал. Он очень любил фантастику. Мой папа погиб при выполнении задания. Много лет назад. Так мама сказала. Она не очень любила вспоминать про папу.

Я как-то попросил у мамы, может, есть фотографии или, может, она расскажет про то, какой был папа, но она почему-то рассердилась и сказала, что он был военным и мало бывал дома, а потом погиб, и чем он занимался, мама не знала. А фотографии она выкинула. У нас квартира в Минске маленькая, и нельзя ее загромождать всякой рухлядью. Это так дядя Саша сказал. Это мамин муж. Он очень хороший человек и дарит мне всегда новый пенал первого сентября и развивающую игру на день рождения.

А вот бабушка — она мне показывала много папиных фотографий, когда он был еще мальчиком. И говорила, что он был на самом деле разведчиком и его очень уважали на

работе. Только просила никому об этом не говорить. А я еще тогда подумал: если папа был разведчиком, так, наверное, в тылу врага работал, и его, наверное, уважали и там тоже.

А однажды, когда мы с бабушкой играли в компьютерную игру, в дверь позвонили — пришел какой-то военный. Бабушка, оказывается, его знала, она сказала, что это с папиной работы. Они с бабушкой долго очень тихо говорили в другой комнате. Потом военный ушел, а бабушка долго плакала. Потом она пришла с кухни, и я заметил, как она спрятала в секретере какую-то бумажку.

Я ничего не спрашивал, потому что видел, что бабушка не хочет рассказывать. Но на следующий день, когда она ушла в магазин, я открыл секретер и нашел эту бумажку. Я чувствовал, что это что-то про отца. А вдруг он не погиб или, может, еще что. Это была какая-то серьезная бумага с печатью и подписью. Там было написано, я почти наизусть помню что.

«Дорогая Галина Петровна, Правительство Российской Федерации уполномочено заявить, что ваш сын, Вадим Малахов (Тираторе), в свете открывшихся фактов полностью реабилитирован как на государственном, так и на международном уровне. С него сняты все обвинения, восстановлено звание и государственные награды. С глубоким сожалением вынуждены вас информировать, что В. Малахов пропал без вести в 2013 году при исполнении служебного задания в районе Чернобыльской Зоны. Как ближайшему родственнику В. Малахова, Вам назначается персональная пенсия. Награды и форма Малахова В. будут храниться в закрытом музее Центра Аномальных Явлений».

Там было еще что-то не важное, и я не запомнил.

Я очень расстроился. Оказывается, мой отец жив, а мама не хотела говорить. Я не стал бабушку ни о чем спрашивать, ведь она не разрешала мне лазить в секретер. И еще это странное слово «тираторе». Я долго искал в интернете и не мог найти, что это значит. Я уже думал, что это, наверное, такой титул у разведчиков, ну вроде рыцарь, там, или еще как. А потом записал латинскими буквами, и мне гугль выдал, что это просто по-итальянски «Стрелок». В общем, ничего такого особенного.

А вечером пришли к бабушке гости. Они были очень смешные. Дядя Герман что-то сделал с бабушкиным компьютером, что на нем пошли все игры, тетя Клава сказала, что научит меня водить машину, когда в следующий раз я приеду в Москву. И сказала еще, что это будет совсем скоро. И еще они почему-то очень радовались, что для какого-то Тимура нашли антивирус. Это они бабушке рассказывали и еще говорили о подготовке какой-то миссии. В общем, когда они уходили, сказали, что вот-вот все устроится и что мы еще в космос полетим. А я смеялся, ну кто же сейчас в космос летает?

В общем, потом бабушка, провожая меня домой, в Минск, сказала, что, может быть, папа и жив, просто командировка затянулась, а то, что он погиб, это было ошибкой. И дала мне с собой в самолет очень много денег, сказала, что это папа давно еще, когда в командировки ездил, копил на большой подарок мне.

Мама меня встретила в аэропорту и сразу спросила, чего это я такой довольный. Но я не хотел при дяде Саше говорить и сказал, что просто рад всех их видеть. А потом, когда он был на работе, я сказал маме, что, мол, папа жив, и рассказал про деньги, которые дала бабушка. Мама сказала, чтобы я не верил всяким глупостям, а когда пересчитала деньги, то еще сказала, что деньги ей очень нужны, потому что она себя плохо чувствует, и пока я буду в лагере, ей и дяде надо будет как следует подлечиться в санатории. Она сказала, что потом мне отдаст или что-нибудь купит, например, осеннее пальто. Тем более что в лагере мне деньги не нужны.

Хорошо, что я ей только половину показал. А назавтра она отвезла меня на вторую смену в лагерь «Юный буржуа» в Крыжовку. Много лет назад этот лагерь назывался «Юный коммунаровец», и даже кое-где надписи такие остались, но понятно, что в наше время нельзя называть детские лагеря так глупо.

Оказалось, что в лагерь в этом году мы опоздали. Мама не могла в нужный день поехать со мной, а на следующий уже все отряды были сформированы. Пацаны уже подружились и меня не хотели сначала брать ни в какую команду. В общем, сначала было очень скучно, я даже в футбол не играл. Я подружился с одним пацаном. У него была смешная фамилия Рудик, и мы с ним все время торчали в лесу за забором. Конечно, за территорию нельзя было уходить, но кто мог узнать? В общем, как-то устроилось все помаленьку.

А вот однажды воспетка нас предупредила, что завтра в лагерь приедет настоящий сталкер и будет рассказывать что-то интересное. Я сразу спросил, а что, разве это не вымышленный персонаж из книжек про Зону? А все вокруг засмеялись. Все смеялись, потому что я думал, что книжки про Зону — это сказки, ну типа приключения и фантастика, а оказывается, все это правда и написано по материалам реальных событий.

И вот, в общем, все собрались в клубе слушать этого сталкера. Он вышел из боковой двери на сцену. Он был такой большой, с круглой блестящей головой, он, видимо, ее брил и намазывал специальным маслом, чтобы блестела. На нем был бронежилет, за спиной автомат, на поясе был громадный нож и кобура с черным пистолетом. У него были такие штаны, у которых много карманов, и ботинки на шнуровке прямо аж до колена. Он начал выступать и сказал странные слова: «Ну что, как поживаете, радиоактивное мясо?», как будто это мы из Зоны, а не он.

Но потом было очень интересно. Он рассказывал про всяких чудовищ, про то, как он один ночью переплывал большое озеро, и был шторм, и за ним гнался громадный подводный монстр. И потом он показывал, какими приемами надо убивать кровососа. Оказывается, надо, когда нападает кровосос, сделать шаг в сторону, чтобы он проскочил мимо, и схватить его за щупальца, но снаружи. И все, тот уже никуда не убежит. А со snorkами так вообще оказалось совсем просто. Оказывается, snork, когда прыгнул, так уже в полете не может поменять траекторию. И поэтому надо всегда, если snorkи нападают, становиться спиной к толстому дереву. Snork как прыгнет, а ты сразу бери и отскакивай в сторону. Snork бабах головой об ствол — и готов. У них, сказал сталкер, черепашки слабые.

И еще он рассказывал, что у сталкеров всегда дружба и взаимовыручка и что сталкер погибнет, но друга в беде не оставит. И что закон у сталкеров, во-первых, никогда не пить и, самое главное, никогда не курить. Мишка Лисовский, он сидел рядом, густо покраснел. В общем, сталкеру хлопали, он кланялся, и его все пошли провожать. Но он сказал, что у него еще дела с начальником лагеря, и они там сидели долго с вожатыми и пели песни, даже после отбоя.

Я просто выходил в туалет, он у нас снаружи, и видел, когда сталкер уезжал. Он почему-то уезжал на микроавтобусе, у которого сбоку была надпись «Театр юнага глядача г. Мінск». Наверное, он потом еще в Минске будет выступать перед детьми. Я думаю, не каждый день увидишь живого сталкера. Вернее, их вообще не видно.

А наутро воспетка сказала, что дирекция лагеря объявляет конкурс на лучшую инсценировку про Зону. И что тот коллектив, который победит в конкурсе, будет награжден экскурсией в Чернобыльскую Зону, и нас не просто вокруг повезут, а даже проведут через кордон и разрешат сделать представление перед настоящим сталкерским коллективом. И подарят настоящие артефакты. Я лично в это не сильно верил. Но пацаны вдруг стали собираться кучками и придумывать, кто интереснее про сталкера сделает постановку.

Ну, мы с Рудиком решили сами тогда. Ведь не важно, сколько человек в спектакле, можно и вдвоем такое придумать. Мы сначала решили сделать ножи, как у того сталкера, но только деревянные. А Рудик на родительском дне договорился, что его папа привезет нам в понедельник два противогаза. Очень важно было еще бронежилеты сделать. А носки черные можно было поверх треников натянуть, и они были бы точно как ботинки у того сталкера.

Ну а потом мы стали придумывать приключения, в общем, Рудик все говорил, что он лучше придумывает, а я не выдержал и проболтался. Я сказал, что лучше знаю, потому что мой отец там, в Зоне, был и пропал. Что он был сталкером, и я лучше знаю, что там и как. Рудик не поверил, а потом говорит, а какая кличка у твоего отца? Если он такой знаменитый

сталкер. Я возьми и опять ляпни — «Стрелок». Ну, это почему-то на Рудика подействовало, и он стал слушаться.

Но Рудик, наверное, тоже проболтался. Вечером после отбоя к нам в палату, когда уже воспетка улеглась, пришли три пацана из старшего отряда. Они поставили Лисицкого на стреме, сами заперли палату стулом изнутри и заставили меня встать. Старший из них, его по имени никто не называл, все звали Кацо, мол, это по-грузински «друг», хоть он никакой и не грузин был, говорил, что я языком много ляпаю и что нечего про Стрелка тут сказки рассказывать.

Мне надо было не выпендриваться и сказать, что я пошутил. А мне вдруг стало так обидно. Я ведь знал, что мой отец — герой Зоны, что он вообще самый лучший и они все его недостойны и что нельзя так вот меня заставлять говорить, что мой отец не Стрелок. Они повалили меня на кровать, и Кацо, пока остальные двое держали меня за руки, разбил мне нос. А потом сказал, чтоб каждый из палаты подошел и стукнул меня. А я так и не заплакал. А когда первый подошел ко мне, чтобы ударить, я вывернулся, схватил табуретку и прямо по башке Кацо заехал. Там такое поднялось. Прибежала воспетка, всех разогнала, мне кровь потом с носа смывала. А я знал, что теперь я точно сделаю все, чтобы попасть в Зону. Я найду своего отца, ведь он же там, в Зоне. И потом посмотрим, кто врет, а кто нет.